ЛАУН САН

Игорь Можейко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

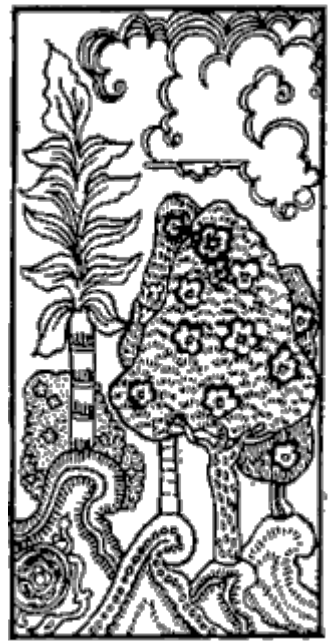
Annotation

Книга рассказывает о жизни и деятельности Аун Сана, национального героя Бирмы. В 1945 он возглавил восстание против японских оккупантов, и в 1945–47 руководил борьбой за независимость.

- Игорь Можейко
  -
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АУН САНА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1

Игорь Можейко
АУН САН

ПРОЛОГ
ЦВЕТЫ НА ДЕРЕВЬЯХ



1

У автобусной остановки, рядом с нашими воротами растут два больших дерева. Под деревьями прохладно в самую жгучую жару и сухо даже после муссонного ливня. К стволу одного из них на высоте груди прикреплен домик размером со скворечник. В домике стоят пузатые горшки со свежей водой. Такие же, как на всех дорогах Бирмы. И кружки. Чтобы напиться в знойный день.

У автобусной остановки, рядом с нашими воротами растут два дерева с красивым названием — Пламя Леса. Тень от них падает на дорогу и, перебежав ее, ложится на глянцевую голубизну озера. В воде по брюхо стоят флегматичные буйволы. На их сизых спинах дремлют маленькие белые цапли.

Жарко. Так жарко, что обжигает щеколда на калитке, а из душа льется кипяток. Даже лягушки, что оглушительно мычали по ночам, исчезли — высохло их болото. Бродячие собаки со злостью поглядывают на небо. Полгода как ни единое облако не нарушило его синюю безмятежность.

Все ждут муссона. О нем говорят, как о свидании с любимой

девушкой.

И тут расцветают два дерева у автобусной остановки.

Просыпаешься утром — деревья распустились громадными алыми знаменами. Они цветут так густо, что не видно листьев, цветут торжествующе, сочно, размашисто.

Ни одно растение в мире не способно на что-либо подобное.

Значит, пришла весна. Желтыми, белыми, оранжевыми, сиреневыми цветами зацветают деревья по всему Рангуну. Разноцветным конфетти лепестков покроется серое шоссе.

Еще нет никакого намека на дожди. Муссонные облака не спеша набирают силу где-то над Бенгальским заливом, жара никак не уменьшилась, но алые шапки деревьев возвещают близкие перемены.

Весна в Бирме — это первый ливень, это Новый год, приходящий в апреле.

Но не весна, не дожди приносят с собой жизнь и цветение, а, наоборот, деревья, как бы торопя время, поднимают флаги, чтобы призвать муссон.

И это им всегда удается. Их много, деревьев, в Бирме. Они цветут так ярко, что облака над Бенгальским заливом не могут не заметить призыва.

А может, они только и ждут этого сигнала, чтобы синей стеной двинуться к Иравади.

Правда, деревья чаще всего отцветают, не дождавшись дождей. Но они сделали свое дело.

Весна приходит.

2

Судьба человека, о котором написана эта книга, человека, который всю свою короткую жизнь посвятил борьбе за свободу Бирмы и который не дожил нескольких месяцев до ее освобождения, всегда напоминала мне цветущее Пламя Леса. Да и не только его судьба. Аун Сан не одинок — муссон освобождения пришел в Бирму именно потому, что до него и вместе с ним боролись и погибали тысячи других.

Поэтому эта книга не только биография Аун Сана, но и рассказ о Бирме, о ее борьбе за свободу, о генерале Бандуле, о Золотом Яуне, о Сая Сане, которого повесили англичане, и о многих других.

Писать ее интересно и сложно. Интересно, потому что Бирма — чудесная страна и история ее красочна, трагична и увлекательна, жизнь главного героя книги — Аун Сана похожа

порой на приключенческий роман, порой на древнегреческую трагедию. Сложно, потому что в год смерти Аун Сана, в 1947 году, ему было всего тридцать два года, то есть сверстники его, друзья и враги, живы сейчас, находятся в расцвете сил, борются, продолжают его дело или, что тоже бывает, предали его, ушли в другой лагерь. А раз так — многое еще неизвестно, хранится в тайниках людской памяти, в пачках старых писем, в недоступных архивах. Еще не сложилась та совокупность мнений, документов, воспоминаний, что зовется исторической правдой, — слишком мало прошло времени: восемнадцать лет со дня смерти Аун Сана. За эти годы популярность его никак не уменьшилась — больше того, она растет с каждым днем. Аун Сан не только национальный герой Бирмы, не только вождь ее — он символ борьбы за свободу. А потому сегодня не только друзья и продолжатели его дела называют себя учениками и последователями Аун Сана, но и те, которым чужды идеи Аун Сана, пользуются его именем и славой для достижения совершенно обратных целей. И те и другие знали Аун Сана лично, на том или ином этапе шли вместе с ним, на том или ином этапе с ним не соглашались. Но сейчас разногласия забыты. Он стал символом, памятником с простертой вперед рукой, что стоит напротив Политехнического колледжа. Он утратил что-то от Аун Сана — человека, с его нелегкой и порой противоречивой судьбой. Ведь никто так, как Аун Сан, не отразил всей сложности и трудности пути, по которому шло в этом веке бирманское общество. Но в этом и есть величие Аун Сана — они неразделимы, бирманский народ и его вождь. И в одном никогда не отступал Аун Сан — всю свою жизнь он посвятил освобождению Бирмы.

И, наконец, замечание, относящееся уже к структуре книги. Каждый бирманец, родившись, получает имя и с ним приставку Маун, что значит «младший брат». Так к нему и обращаются в детстве и молодости. Например, Аун Сана звали Маун Аун Сан. Когда бирманец пойдет работать или станет студентом, то его будут называть, начиная с Ко, например, в университете Аун Сана звали Ко Аун Саном; Ко — значит «старший брат». У — приставка. указывающая на то, что обладатель ее — человек уважаемый или по крайней мере, что, обращаясь к человеку, вы хотите показать, что уважаете его. Аун Сан стал У Аун Саном, — когда окончил университет. У — значит «дядя». Если бирманец уходит на военную службу, к его имени начинают прибавлять Бо — «офицер». Бо Аун Саном Аун Сан стал во время войны. Члены партии «Добама» — «Мы бирманцы» называли себя такинамн, господами, чтобы подчеркнуть, что хозяева в стране они, а не англичане. Так что, вступив в партию такинов, Аун Сан стал

зваться Такин Аун Саном. Но больше всего Аун Сан известен в Бирме под именем Боджок Аун Сан, что значит «генерал Аун Сан». Так как он был тогда единственным генералом в Бирме, то и по сей день часто его называют просто боджоком. В Рангуне есть улица Боджок, и каждый знает, что это улица Аун Сана. Были у Аун Сана и другие имена, но о них будет рассказано после.

Главы в этой книге называются все одинаково: Аун Сан. Только в заголовке первой главы к имени его прибавлено Маун. Во второй — Ко. И так далее. В конце концов это книга о жизни бирманца, а система бирманских имен позволяет без лишних объяснений хотя бы приблизительно понять, что за человек перед тобой.

То же относится и к женским именам. Имена девушек и молодых женщин начинаются с Ма. Имена пожилых, уважаемых женщин — с До.

Остальные бирманские слова (я старался употреблять их как можно меньше) объяснены в тексте.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
МАУН АУН САН

1

К началу прошлого века у Бирмы появилась общая с Британской империей граница. В течение тысячелетий до этого к западу от Бирмы, за чинскими холмами, начиналась Индия. Теперь же бирманские пограничники увидели солдат в красных мундирах, солдат его величества короля Великобритании. Разгромив по очереди властителей раздробленной Индии, англичане были готовы к новым боям, к новым завоеваниям.

В эти годы в Бирму зачастили английские посольства, прибавилось миссионеров и «путешественников». Бирманский рис, бирманский тик, бирманская нефть, бирманские драгоценные камни — все это оказалось на расстоянии вытянутой руки. Оставалось только протянуть эту сильную руку.

Началось, как это часто бывало в истории строительства Британской империи, с пограничных конфликтов, со статей в лондонских газетах, с рассказов о дикости и воинственности бирманцев и угрозе, которую те представляют для интересов Великобритании. А кончилось высадкой экспедиционного корпуса

в 1824 году недалеко от Рангуна. Разбив несильный бирманский гарнизон Рангуна, захватив высоты, на которых стоит пагода Шведагон, английские и индийские полки, как пробкой, закрыли устье Иравади — главной реки Бирмы, связывавшей бирманскую столицу и крупнейшие города с морем, с внешним миром.

Когда командующий бирманской армией генерал Бандула, пройдя пятьсот километров форсированным маршем, достиг Рангуна, было поздно. Красные мундиры уже настолько укрепились в Рангуне, что их не сбросить неожиданным ударом в море. Предстояла долгая война. В Рангун прибывали из Индии все новые подкрепления, а главное, прибывало то, что в наши дни мы называем военной техникой: пушки, стреляющие разрывными снарядами и бьющие вдесятеро дальше немногочисленных бирманских, тех, что были захвачены у португальцев много лет назад или были отлиты по их образцу в Аве.

Из столицы Бандула получал разносные послания от короля. Король никак не мог понять, почему его главнокомандующий еще не сбросил англичан в море.

Бандула окружил Рангун опорными пунктами, ожидая того времени, когда муссонные бури разорвут связь с Индией и ослабленные болезнями и голодом английские войока не смогут выдержать бирманского наступления.

Вначале план его себя оправдывал. Холера и дизентерия пришли на помощь осаждающим. От болезней умирало больше, чем в ежедневных стычках. Английские офицеры в мемуарах с ужасом вспоминали о месяцах, проведенных в залитом дождями враждебном Рангуне.

Но произошло непредвиденное — случайным снарядом был убит Бандула, а на место этого талантливого, любимого солдатами генерала король прислал своего брата, который военными талантами не отличался. Тот не использовал момента, и в результате с окончанием дождей, получив свежие подкрепления, англичане перешли в наступление, прорвали бирманские заслоны, и перед ними открылся путь на север, к бирманской столице. В этой обстановке бирманский король был вынужден подписать мирный договор, по условиям которого Бирма теряла две южные провинции — Тенассерим и Аракан, теряла области на северо-западе и соглашалась содержать в столице английского резидента.

Следующая, вторая англо-бирманская война 1852 года кончилась еще быстрее первой и привела к тому, что Бирма потеряла все южные провинции и была отрезана от моря, от внешнего мира. Теперь полное покорение страны стало только вопросом времени.

Правда, предпоследний бирманский король Миндон, который любил сравнивать себя с Петром I и даже приказал перевести его жизнеописание на бирманский язык, старался привлечь на помощь Бирме другие европейские страны, и в первую очередь Францию и Россию, но его попытки только поторопили англичан.

Все-таки интересно вспомнить, что русское правительство заявляло в то время о своей поддержке Бирме. Было даже достигнуто соглашение о посылке в Россию молодых бирманских офицеров для обучения и решено было в знак дружественного расположения послать в Бирму русский крейсер. А уж если официальная русская позиция была благожелательной к Бирме, то об отношении к ней российской общественности и говорить не приходится. Откройте любой русский журнал прошлого века, прочтите записки любого русского путешественника, которому случилось побывать в тех краях. Менделеев пишет из Парижа в Петербург — помогите Бирме; Пашино подолгу беседует с королем Миндоном, советуя ему развивать торговлю с Китаем, крепить связи с другими странами, востоковед Минаев пишет о Бирме так, что сердце замирает от его любви к той далекой стране и ненависти к тем, кто ее порабощает.

После смерти Миндона на престол вступил молодой слабовольный Тибо. В Лондоне решили: с Бирмой пора кончать. В военном отношении окончательное завоевание Бирмы не представляло трудной задачи для английских войск. У них была крепкая база в Рангуне, уже тридцать лет как ставшем английским, на Иравади находилась английская флотилия, которая состояла из многих пароходов и канонерок, особенности военных действий в Бирме были достаточно изучены в ходе двух предыдущих войн. Кроме того, англичане знали, что обстановка в Мандалае, бирманской столице, запутана, двор занят интригами, армия слаба, — нужен был последний толчок.

И в 1885 году, поднявшись по реке к Мандалаю, английские войска ворвались в королевский дворец, арестовали короля Тибо и водрузили над дворцом английский флаг — «Юнион Джек».

Однако с падением династии, с падением государства сопротивление не прекратилось. Наоборот, последняя война за независимость началась именно после того, как Мандалай был оккупирован.

2

У Мин Яун, мьотуджи[1] округа Люлин, сказал жене, чтобы она ехала к своим родителям и взяла с собой обеих дочерей. К

городку подходили английские части, Мандалай уже пал, и Ма Тин Шве оставаться с мужем было опасно. Год назад, когда война с англичанами стала неизбежностью. У Мин Яун сказал брату, приехавшему к нему в гости из Мандалая: «Английским слугой я не стану».

Теперь пришло время сдержать свое слово. Вчера прискакал гонец от старого знакомого, губернатора Таунгу. Тот сдался англичанам и уверял, что борьба бесполезна. У Мин Яун не ответил на письмо.

Ма Тин Шве сказала мужу: «Я помню, как увидела тебя, когда ты первый раз приехал к нам в деревню. Ты уже тогда был настоящим воином. Ты сидел на боевом слоне, и твой шлем сверкал ярче солнца. Я не ждала от тебя другого решения. И я согласна с тобой. Об одном прошу: разреши мне отвезти дочерей к старикам и вернуться к тебе. Я могу держать меч, и мой конь самый быстрый в городе».

У Мин Яун не стал спорить с женой. Бирманские женщины свободны, и женский полк в армии генерала Бандулы принимал на себя самые яростные атаки англичан, но не отступал. Бирманская семья строится на взаимном уважении: выходя замуж, жена сохраняет свое имя, имущество и право уйти от мужа, если жизнь с ним будет плоха. Но развод в Бирме редок — чаще всего женятся по любви.

Ма Тин Шве не успела вернуться в Люлин, когда в город вошел английский отряд. Двадцать солдат и офицер. Солдаты окружили дом мьотуджи, и офицер вошел внутрь, вынул револьвер и потребовал, чтобы мьотуджи немедленно сдал оружие. До англичан уже дошли слухи, что мьотуджи Люлина не желает с ними сотрудничать.

— Садитесь, — сказал У Мин Яун. — Своего оружия у меня одна сабля. А если у кого в городе и есть старое ружье, то я сейчас же распоряжусь, чтобы оружие было сдано.

У Мин Яун протянул руку к гонгу.

— Не звони, — поднял револьвер офицер, — здесь должен быть список всех тех, у кого есть оружие. Дай список, а оружие мы соберем сами.

— Хорошо, — ответил У Мин Яун. Он прислушивался. Звуки бирманского городка, ничего не говорившие английскому офицеру, звуки, далеко несущиеся в застоявшемся, жарком вечернем воздухе, успокоили мьотуджи. — Хорошо, — повторил он. — Не хотите ли пройти в канцелярию?

— Сначала отдайте саблю.

У Мин Яун покосился на английского солдата, который заинтересовался серебряным кубком, стоявшим в углу под

статуей Будды, медленно протянул руку к стене, к висящей сабле, так же медленно снял ее, обхватил левой рукой серебряные массивные ножны, рванул правой саблю из ножен — офицер тяжело упал на пол. Обернувшийся на свист клинка солдат замешкался на секунду, и тело его коснулось пола почти одновременно с телом офицера.

В проем окна заглянул другой английский солдат. У Мин Яун бросился к задней двери. Пуля ударила в косяк рядом с его головой.

Еще одного солдата У Мин Яун встретил в библиотеке. Тот забрался в дом, желая поживиться чем-нибудь, но забрел в библиотеку и наткнулся здесь на двух поунджи, буддийских монахов, которые переписывали ветхие рукописи на пальмовых листах. Тут солдат услышал выстрел. Он повернулся к двери и увидел невысокого смуглого бирманца с саблей в руках. Солдат вскинул ружье, но один из поунджи бросился ему в ноги и повалил на циновку. Солдат успел выстрелить, и пуля пробила тростниковую крышу.

— Смотри, У Мин Яун, — сказал второй поунджи, подзывая мьотуджи к окну.

На улице шел бой. С ружьями, саблями, мушкетами, бамбуковыми кольями горожане и солдаты У Мин Яуна обрушились со всех сторон на растерявшихся англичан. Сверху, по главной улице трусили к месту боя оба боевых слона мьотуджи.

У Мин Яун перешагнул через труп англичанина и выбежал на крыльцо.

— Мьотуджи Мин Яун жив! — крикнул кто-то в толпе.

— Слава Будде! Разве меня могут убить англичане?

У Мин Яун врезался в самую гущу схватки.

Последнего англичанина убили на самом краю городка, где тот прятался в бамбуковой роще. Потом горожане собрались на совет. Отступать было некуда. Англичане не простят истребления целого отряда. Единственного оставшегося в живых из всего отряда индуса-переводчика отправили назад в Таунгу с письмом, в котором У Мин Яун объявлял войну Англии. Война, говорилось в письме, будет продолжаться до того дня, пока на бирманской земле не останется ни единого захватчика.

У Мин Яун не мог предположить, на сколько лет затянется эта борьба.

Все казалось просто. В ту же ночь к тридцати солдатам мьотуджи прибавилось больше сотни жителей Люлина. И чтобы не дать англичанам опомниться, на следующее утро, разделившись на два отряда, один из которых возглавила

вернувшаяся Ма Тин Шве, люди У Мин Дуна напали на гарнизоны англичан в соседних городках Мьинмейне и Кодуто. К вечеру второго дня освобожденный район охватывал три волости, и армия У Мин Яуна насчитывала более трехсот человек. Еще пятьдесят англичан разделили печальную судьбу отряда в Люлине.

Новости в Бирме путешествуют быстро. И не успели вести о тройном поражении англичан достигнуть Таунгу, как в деревнях и городах средней Бирмы родилась легенда о Шве Ла Яуне — Золотом Яуне, который ведет свою армию, чтобы освободить Бирму, верхом на белом коне, а за ним скачут тысячи всадников, каждый, как и он, недоступный английским пулям. А рядом с ним его смелая жена Ма Тин Шве. Современники уверяют, что еще через месяц армия Золотого Яуна (под этим именем У Мин Яун вошел в историю) достигла десяти тысяч человек. Возможно, они и преувеличивают, но в любом случае тысячи приверженцев мятежного мьотуджи были настолько реальной силой, что все попытки англичан проникнуть в его районы кончались неудачей.

В течение первого года английским войскам два раза удавалось захватить Люлин, но каждый раз Золотой Яун возвращался в свой город. Штаб его армии помещался в горах недалеко от Люлина. Там был построен укрепленный городок, подходы к которому перекрыли засеки и баррикады из камней. И не нашлось ни одного предателя, который бы провел англичан к столице У Мин Яуна. На горе Мьинмани, которая стерегла подступы к штабу, солдаты устроили желоба, по которым на головы врагов можно было спускать обломки скал.

Но Золотой Яун, хоть и чувствовал себя в сравнительной безопасности, так и не смог перейти в большое наступление против англичан. Вылазки были — и часто успешные вылазки. То его всадники сожгут полицейский участок, то устроят засаду, на несколько дней захватят власть в одном из соседних городов, но приходили подкрепления, и англичане возвращались туда. А с каждым месяцем, по мере того как подавлялись другие очаги сопротивления в Бирме, англичане подтягивали все новые батальоны к Люлину и все надежнее стягивали кольцо вокруг У Мин Яуна.

Уже через год стал сказываться голод. Несколько тысяч человек съели все что можно было в городе и его окрестностях, а набегами на соседние города целую армию не накормишь. Шве Ла Яун ввел закон, по которому каждая бирманская семья должна была отдать армии четверть того, что имела. Не больше. Он не хотел восстанавливать против себя тех бирманцев, которых защищал от англичан.

Но и эта мера мало помогла. В районах, где Золотой Яун был хозяином положения, почти вся молодежь служила у него в армии, и жители Люлина отдавали все своему мьотуджи. А дальше, там, где стояли английские гарнизоны, люди часто просто не могли платить двойные налоги — английский налоговый пресс уже работал в полную силу.

Трудно было и с боеприпасами. Оружия хватало. За год много его захватили у англичан, добыли в набегах на арсеналы, собрали по деревням. Но оружие было разномастным, и пули лили тут же, в лагере. И пороха было мало. Так мало, что он выдавался только тем, кто уходил в дальние рейды. Даже охрана лагеря была вооружена бамбуковыми пиками.

Несколько раз англичане пытались связаться с мьотуджи. В 1886 году Золотой Яун получил даже письмо от самого полковника Слейдена, который захватил Мандалай и взял в плен короля Тибо. Полковник обещал от имени английского правительства полное прощение мьотуджи и его солдатам и даже сулил пост районного комиссара. У Мин Яун ни на одно письмо не ответил.

Отчаянная попытка бирманцев захватить Таунгу окончилась неудачей. Английский полк, охранявший город, получил откуда-то предупреждение о наступлении, и Золотого Яуна встретили на окраине города разрывы артиллерийских снарядов. В этом походе У Мин Яун потерял последних слонов и пушку, отбитую недавно у англичан.

Рушились надежды на наследника престола, который якобы собирал армию в Шанских горах. Его окружили и взяли в плен, раньше чем он смог выступить.

А с падением надежд на победу, с голодом, с усталостью пришли дальнейшие поражения. Крестьянские парни, проведя по году, по два в джунглях, в армии Шве Ла Яуна, уходили ночами обратно в деревню. Кому-то надо было обрабатывать поля и кормить стариков. Да и сами крестьяне все с меньшей надеждой смотрели на Золотого Яуна, когда он приносился на белом коне по их деревням. Он обещал свободу, но принес только лишения. Армия, или, вернее, то, что от нее осталось, голодала.

И когда несколько английских батальонов обрушились с трех сторон на Люлин и на горный лагерь, Золотой Яун в течение двух дней отбивал их атаки, а потом предпринял попытку прорваться и уйти в Шанские горы. Тут его и сбила с коня случайная пуля.

Раненный в ногу У Мин Яун продолжал отстреливаться и, когда британский офицер предложил ему жизнь, если он сдастся, прокричал ему:

— Я умру, но не стану предателем…

Он не успел кончить фразы, потому что сзади накинулись солдаты в красных мундирах и связали его.

У Мин Яуну отрубили голову в Таунгу, а потом голову привезли в родной город Золотого Яуна, в Натмаук, где он родился, где жили его родные и Ма Тин Шве с дочерьми.

Там на площади голову мятежного мьотуджи водрузили на высокий шест, чтобы все видели, какая судьба ждет всех бунтовщиков.

Крикливые вороны обклевали голову, и череп мьотуджи долго еще виднелся белым пятном с любого конца города. Жители Натмаука запомнили и этот шест. И первое, что узнавал натмаукский мальчишка, как только научится говорить, а может, и раньше — как только научится слушать, — это рассказ о том, как Золотой Яун из Натмаука почти три года воевал с англичанами, но так им и не сдался.

3

Из обыкновенных бирманских городков Натмаук был, наверно, самым обыкновенным. Дома и домики из тика и тростника, в один, самое большее в два этажа, здание суда, почта и дом для приезжающих чиновников. Вот и все. Да еще монастырь в роще, на окраине, и кладбище за ним.

Городок окружен рисовыми полями, рыжими зимой, зелеными или голубыми (в полив) летом и желтыми осенью, перед фестивалем огней.

На горизонте синеватой полосой тянутся холмы, а в хорошую погоду видна голубая шапка горы Поупа — священной горы, на которой живут обезьяны. Паломники, приходящие в тамошний монастырь, кормят их бананами.

С горы и холмов стекают ручьи, которые в засуху пересыхают, не добежав до Натмаука. Воду сохраняют в прудах, выкопанных в незапамятные времена, когда царствовали короли мертвого теперь города Пагана. А может, и еще раньше.

Да и сам городок Натмаук древний. Ему тысяча лет, может, больше. Но как-то судьба обходила его стороной. Под его стенами не было сражений, князья не избирали его столицей, купцы не останавливались здесь подолгу.

Даже железная дорога, прошедшая по соседству, не изменила жизни Натмаука, жизни, уже сотни лет текущей по строгому распорядку.

Утро приходит легким туманом, который окутывает городок так, что только лохматые шапки пальм у монастыря выглядывают

из его полога. В тумане позвякивают шарики-колокольчики — выгоняют коров, кричат худые, поджарые петухи.

Потом приходит солнце, загоняет туман в низину, к чауку — ручью, и обнаруживается, что городок уже проснулся. Низкое еще солнце просвечивает насквозь вишневые зонты монахов, которые вышли спозаранок в обход своих улиц. Они вереницей покидают каменные ворота монастыря — впереди саядо, настоятель, с седым бобриком давно не бритой головы, за ним монахи помоложе, потом послушники — мальчишки. Еше по-утреннему прохладно, и монахи закутались в оранжевые тоги, намотав концы ее на левую руку. Другой рукой прижимают к животу покрытые черным лаком горшки.

Вереница монахов понемногу тает. То один, то другой отделяется и поворачивает в переулок. Там их уже ждут. Хозяйки выходят на крыльцо с чашкой риса.

— Доброе утро, учитель.

— Доброе утро.

— Не соблаговолишь ли принять наш скромный дар?

Монах подставляет горшок, благодарит хозяйку и переходит к следующему дому.

Монахи в Бирме живут подаянием. Но никогда не голодают. Подаяние — это ритуал, скорее похожий на сбор дани с верующих.

А в это время уже открыт «клуб» у колодца. Сюда приходят и за водой и помыться. Здесь узнают новости и создается общественное мнение. Сюда приходят на свидания.

День входит в силу. Первая арба поднимает мелкую желтую пыль. Арба запряжена серыми флегматичными буйволами и доверху завалена джутовыми мешками. Муж и жена сидят рядом на мешках, у обоих длинные волосы завязаны в узел. Только у жены на макушке, а у мужа сбоку.

Начинается базар. Кое-кто приехал еще с ночи. На буйволах ехать небыстро. Пешком и то быстрее. Так что если до деревни и рукой подать, все равно приходится выезжать затемно.

А что за базар в Натмауке? Да самый обыкновенный бирманский базар. Под навесом торговки молоком и яйцами. Красные и зеленые стручки перца-чилли высыпаются из мешков. Бананы свалены желтыми грудами, мандарины, привезенные с гор смуглым шаном, соперничают с ними в яркости. Связки лука, орехи, специи, коричневые комья нгапи — рыбного паштета и цветы — белые и красные хризантемы.

В стороне торгуют всяким хозяйственным товаром. Сбруя для волов и буйволов, нарядные уздечки для лошадей, медные ложки и сковородки, гирьки, сделанные в виде птичек, лоунджи и

тамейны — мужские и женские юбки, клетчатые из Мандалая, переливчатые — тайские, шитые цветами — с озера Инле.

А тут же лавка индийца, который продает «городские» товары. Мыло в обертке, английские сигареты, пробковые шлемы, ботинки, английские журналы, длинные полосатые конфеты…

На земле под зонтом расположился хиромант и его конкурент — астролог. Астролог пишет гороскопы на заготовленных табличках, хиромант нарисовал на доске ладонь, исчерченную черными линиями и положил доску на землю рядом с собой. Бродит укротитель змей с корзинкой в руках. Народу еще мало, и рано начинать представление. А фокусник уже раскладывает узкий красный коврик и столик с загадочными на вид бутылочками и коробками. Крутится рулетка, беспроигрышная для ее хозяина. Цирюльники приступили к делу — выщипывают волосы на подбородках клиентов и длинными стерженьками чистят им уши.

Китаец открыл ресторанчик и повесил над входом жареную утку. Из ресторанчика доносятся призывный звон чашек и запах жареного теста.

Утро тем временем кончается. Восемь часов. Сигх — полицейский занял свое место в тени под манговым деревом. Проехал на рикше мистер Стоун — заместитель районного комиссара. Сам комиссар идет пешком — от дома до оффиса сто ярдов. Комиссара обгоняют мальчишки. Они бегут в монастырь, в школу. Учитель вернулся, уже обойдя дома за подаянием. Сейчас кончит трапезу и достанет бамбуковую палку и пачку пальмовых листов. Начнется урок.

Стало жарко. Так всегда — стоит подняться солнцу над вершиной мангового дерева, того самого, под которым сидит полицейский, как становится жарко.

Городок, такой шумный с утра, заметно затихает. Женщины возвращаются с базара и принимаются готовить обед, монахи спрятались в монастыре, под тенью пальм и бамбука, ребята смолкли под строгим взглядом учителя, англичане и клерки в районном комиссариате зашуршали бумагами.

Больше до обеда, будьте уверены, ничего не произойдет.

Если, правда, не прибежит к доктору запыхавшаяся крестьянка с известием, что тигр, который повадился в деревню, задрал ребенка, или не покажется дымок над полем — загорелась рисорушка. Или прискачет посыльный из Магве с важной бумагой, и все в городке будут гадать — то ли прибавят налог, то ли введут новый. Хороших новостей посыльный из Магве не приносит.

Но чаще всего ничего не случается.

Правда, говорят, опять в горах англичане поймали шайку дакойтов (разбойников). Во главе их будто бы встал крестьянин из Пина, соседней деревни. Человек уважаемый и никак не грабитель. Правда, он разорился, попал в кабалу к помещику. А попадешь к такому — не только в разбойники пойдешь, на что угодно решиться можно с горя.

Да вот опять объявился злой дух в покинутом доме на окраине. Хозяина дома англичане повесили вместе с Золотым Яуном, и теперь дух его никак не может успокоиться — стал натом и по ночам покидает дом и бродит по улице, пугая запоздавших прохожих.

В полдень город обедает. В последний раз едят монахи — им больше нельзя будет есть до завтрашнего рассвета. Они сели в кружок вокруг низенького стола и молча помногу едят под взглядами будд — статуи их стоят в рядок у стены общей комнаты. Опустел комиссариат. И англичане и бирманские клерки разошлись по домам. Время ленча и отдыха. Фокусник с астрологом сидят а китайском ресторанчике. Крестьяне едят в тени высоких арб. Ребятишки, прибежав из монастырской школы, тоже подкрепляются рисом и зеленью.

А к вечеру разъезжаются из города крестьяне, на площади у грубо сколоченной сцены зажигаются масляные плошки. Приезжая труппа начинает представление Рамаяны. До глубокой ночи на сцене будут танцевать волшебники, красавицы и царь обезьян. Английские чиновники кончили ежевечерний теннис и теперь, приняв душ, отправляются на ежевечерний бридж к мистеру Стоуну. Полицейский покинул свой пост под деревом.

Ушло солнце. В кустарнике, за полями, затявкали шакалы и цикады гудят так, что перекрывают оркестр на площади.

Идет ночь, с громадными звездами, мельканием крыльев летучих мышей и летучих собак и шепотом привидений в развалинах старого монастыря. А может, это шепот влюбленных…

Таким был городок Натмаук в начале этого века. Самый обыкновенный бирманский городок. Но жители его знали, что он не совсем обыкновенен. Ведь отсюда родом Зологой Яун. И здесь, правда об этом никто еще не знает, здесь родится Аун Сан.

4

Адвокат У Хпа, племянник Золотого Яуна, был адвокатом только по названию. В самом деле, он не имел клиентов, а проводил время в молитвах и размышлениях. Чаще всего У Хпа можно было отыскать в ближайшем монастыре, где он предавался

долгим философским беседам с его преосвященством саядо У Тобита, настоятелем монастыря и учителем натмаукской монастырской школы.

Семья и хозяйство оставались полностью на попечении До Су, его жены. А семья была немалой: четверо сыновей и двое дочерей. Причем старший уже кончал школу, а младший — младший только что родился. Это событие отпраздновали 13 февраля 1915 года. Сына назвали Тейн Лином, что значит по-бирмански «яркий». Но случилось так, что имя Тейн Лин придумал отец, посоветовавшись с приезжим астрологом. В сочетании с положением звезд на 13 февраля это имя обещало наибольший успех в жизни самому молодому члену семейства У Хпа.

До Су плохо себя чувствовала после родов и не знала о том, что отец придумал имя, не посоветовавшись с ней. И как только она поднялась, то, пользуясь своей неограниченной властью в доме, немедленно переименовала сына. Назвала его Аун Саном, «получающим миллион» — миллион не в материальном смысле, не миллион рупий, а миллион благодеяний, миллион удач или миллион друзей. До Су двигало не упрямство. Имя она придумала сыну давно, еще полгода назад, и главной причиной, почему она хотела назвать его Аун Сан, было то, что такое имя рифмовалось с именем ее старшего сына — Аун Тана.

Так и получилось, что в первые дни некоторые гости называли ребенка Тейн Лином, а некоторые, которые знали о давнишнем желании До Су, спрашивали с порога:

— Ну, как маленький Аун Сан?

Аун Саном назвала его и бабушка До Тин Шве, вдова Золотого Яуна. Она жила теперь в Натмауке, выдала дочерей замуж и часто гостила у До Су, любила ее, любила ее сыновей. А про младшего сказала: «Вылитый мой муж, вылитый Мин Яун».

Может, она так и не сказала, но люди говорят: было такое. До Су передала ее слова мужу, тот старому монаху. А монах — человек разговорчивый, и скоро весь город знал о словах бабушки До Тин Шве.

Нельзя сказать, что семья У Хпа бедная — нет, голодать никогда не приходилось, и в доме хватало места не только детям, но и гостям. А в каком бирманском доме нет гостей?

Конечно, если бы не До Су, хозяйство давно бы развалилось, но мать находила время и смотреть за детьми и заниматься торговлей.

Впоследствии Аун Сан говорил, что он многое перенял от матери. И ее неуемную энергию и сильный характер. Тем более Аун Сан был последышем, и баловали его больше, чем других сыновей.

Мальчик часто болел, никак не мог вырасти, все казался на год, на два младше своих сверстников. Правда, соседские мальчишки его не обижали — побаивались братьев. Ведь и Аун Тан и Ба Вин говорили, что уши оборвут каждому, кто побьет Аун Сана.

Если и случалось, перепадало Аун Сану, то он, надо сказать, братьям не жаловался — очень ему хотелось попасть в компанию, не бродить за ребятами по улицам.

Когда Аун Сану было шесть лет, ему удалось все-таки доказать свою смелость. Один из ребят сказал:

— Хочешь, чтобы тебя приняли в отряд Золотого Яуна, соверши подвиг.

Аун Сану очень хотелось в отряд своего деда.

— Какой подвиг?

— Пойди ночью на кладбище и зажги свечу на могиле Тин Со.

Идти ночью на кладбище страшно, но зажечь свечу на могиле Тин Со, которого убили разбойники — дакойты, и потому он после смерти стал злым духом — натом, — этого еще никто из ребят делать не осмеливался.

Ребята ждали, что скажет Аун Сан. Тот подумал и сказал:

— А где мне достать свечу?

— Принесем.

Вечером все ребята с улицы ждали на холме у кладбища, загорится ли свеча. Свеча долго не загоралась. Уже Аун Сан должен был бы дойти до могилы, давно должен был бы.

А потом вспыхнул огонек. И еще через минуту они услыхали, как гулко стучат по пыли пятки Аун Сана.

— Я никак не мог спичку зажечь, — сказал он.

До Су хотела, чтобы ее дети выросли честными людьми. «Самое плохое на свете — лгать», — говорила она Аун Сану. Да и Ба Вин, старший брат, который скоро станет учителем, рассказывал, что дедушки Яун никогда никому не говорил неправды. За это его уважали даже англичане. И однажды матери пришлось покраснеть из-за честности Аун Сана.

Пришел во двор торговец купить риса у матери из амбара. Аун Сан играл рядом: строили королевский дворец из песка и травы. И слушал, о чем говорят взрослые, — взрослые ведь часто говорят об очень интересных вещах между собой и не замечают, что Аун Сан рядом.

— Извините, — говорит мать, — не могу уступить ни пья. Сколько я платила за корзину, за столько и отдаю. Не хотите, найду другого покупателя.

— Неправда, мама, — вскочил вдруг Аун Сан, — ты этот рис

только вчера купила, тебе крестьяне привезли. А ты им меньше заплатила. А сама мне велела не говорить неправды.

И он опрометью бросился со двора. Пришел домой вечером, когда проголодался до смерти. Тихонько пробрался в комнату, где уже спали братья.

Ба Вин услышал, как окрипнула половица, поднял голову и сказал сонным голосом:

— А, борец за правду пришел. Мама просила тебе передать, что она ошиблась и ты был прав.

Дома было много книг. Книги на бирманском языке, комментарии буддийским питакам, священные книги — это книги отца. И книги на английском языке — книги старших братьев Аун Сана.

Мать хотела, чтобы сыновья получили образование. Старшие учились в соседнем городе Енанджауне на нефтепромыслах, где была средняя школа. В ней преподавали даже английский язык и географию.

Но Аун Сана сначала отдали в монастырь, к другу отца, к саядо У Тобита. Саядо учил натмаукских ребят читать на языке пали, заставлял учить наизусть буддийские притчи — джатаки и бил по ладоням бамбуковой палкой. Но редко. Он был добрым стариком. Еще Аун Сан научился в монастыре читать по-бирмански и постиг четыре правила арифметики.

А дома старшие братья читали английские книги, извлекали квадратные корни и даже иногда говорили между собой на английском языке. Братья жили в своем сложном мире, мире, из которого приходил паровоз, что раз в два дня останавливался на минуту на станции на окраине Натмаука, в мире пароходов, нефтяных вышек, рабочих, измазанных нефтью, книжного магазина в Енанджауне и университетского бойкота. Аун Сан еще не знал, что значит бойкот, но один раз Ба Вин брал его в Енанджаун, и он видел своими глазами нефтяные вышки и белый пароход на Иравади.

Мать считала, что Аун Сан еше мал и слаб, чтобы одному жить в Енанджауне (Ба Вин уже кончил школу, а другие братья собирались уехать из Енанджауна в Рангун и там искать себе счастья). И неизвестно, как бы сложилась дальнейшая жизнь Аун Сана, если бы ему не помог университетский бойкот.

Но прежде чем говорить о бойкоте, стоит вкратце рассказать, что же происходило в Бирме за годы, миновавшие со дня казни Золотого Яуна.

У Мин Яун и другие вожди Сопротивления потерпели поражение. И это понятно. Популярность их в народе была ограниченна. Они призывали вернуться к старому, к королевской Бирме, к строю, который не приносил крестьянам ничего, кроме горя.

Сопротивление на первом его этапе возглавлялось феодалами. Англичане отлично знали, что таких, как Золотой Яун, таких, кто искренне боролся за свободу страны, за независимость, среди них немного. Многих можно было купить — и их купили. Остальных уничтожили. Обещать же народу свободу от угнетения, обещать создать новую Бирму феодалы не могли, движение вперед не укладывалось в их сознании. Они боролись за погибший, старый мир, ждали наследника престола — он приведет с собой войска из Таиланда, и вместе с ним можно будет выгнать англичан. Да и объединиться феодалы не смогли. Каждый из них боролся в одиночку.

Лет через десять после падения Мандалая в собственно Бирме и следа не осталось от феодалов. Кто занялся сельским хозяйством, кто пошел служить англичанам, кто погиб. Это не значит, что англичане были заинтересованы в полной ликвидации феодальной системы. Там, где можно было, — в горных, окраинных районах — они сохранили и князей и вождей. Но собственно Бирма нужна была англичанам в первую очередь как громадная рисовая плантация. Суэцкий канал укоротил путь в Европу, и перевозка риса обходилась теперь значительно дешевле, чем пятьдесят лет назад.

Бирма становилась страной монокультуры, поставщиком риса для Британской империи, и в этих условиях сохранение старой феодальной системы с ее раздробленностью, косностью только мешало бы быстрому развитию рисоводства.

С 1855 по 1914 год площади под рисом в Бирме выросли в десять раз, а экспорт риса увеличился в пятнадцать раз. Началась рисовая лихорадка. Английское правительство поощряло занятие пустых земель, посевы риса, но наживались на этом не крестьяне, а помещики и ростовщики. Много их приехало из Индии, провинцией которой стала Бирма.

Крестьяне сеяли рис, а налоги с них взыскивались в конце года, когда крестьянин уже залез в долги, а продать рис еще не успел. Чтобы расплатиться с налогами, он отдавал рис по дешевке скупщикам, и после продажи обнаруживалось, что на жизнь-то ничего не осталось. Тут на помощь приходил помещик или ростовщик — четтьяр. Он давал в долг деньги, семенной рис, а в заклад брал крестьянскую землю. Так и получилось, что к 1925 году треть всей крестьянской земли в Бирме была в закладе

или арендовалась крестьянами у помещиков. В Бирме появился сельский пролетариат, почти неизвестный в королевские времена.

С ростом производства риса появлялось все больше рисорушек. На них и на нефтепромыслах в Енанджауне и Чауке (а добыча нефти выросла за пятнадцать лет этого века в пятьдесят раз) складывается бирманский рабочий класс. Бирманские рабочие — вчерашние крестьяне еще не объединены, не организованы, малочисленны.

С падением остатков феодализма появляется и бирманская буржуазия. Это была на первых порах буржуазия слабая, поле деятельности которой было ограничено мелкими рисорушками и лесопилками, лавками и агентствами. Все командные посты в экономике страны занимали английские компании, на ступеньку ниже стояли индийские купцы и капиталисты, а бирманцам оставались только самые крохи.

Среди буржуазии росло недовольство, правда поначалу робкое, — торговцы просили, а не требовали, и просили в общем немногого.

И вот в этом формирующемся капиталистическом обществе, где классы только еще обретают форму, только еще начинают осознавать свои собственные стремления, первые попытки протеста принимают форму борьбы за национальную культуру, за буддийскую религию.

В 1906 году появляются первые буддийские ассоциации молодежи. Они выступали за сохранение бирманской письменности, литературы, в защиту буддизма и были так робки и нерешительны, что на первых порах открывали свои собрания пением «Боже, храни короля» — английского гимна, дабы показать свою благонадежность. Правда, впоследствии первую фразу гимна переделали на «Будда, храни короля», что больше отвечало сущности ассоциаций, но не меняло сути дела.

Но политическое развитие страны шло быстро. Дети бирманцев побогаче, тех, кто успешно сотрудничал с англичанами, уезжали в Англию учиться. Некоторые из них прочитывали там книги, которые им читать не следовало, узнавали о мире, о других странах. Когда они возвращались домой, им уже казались наивными собрания ассоциаций и верноподданнические речи.

Во время первой мировой войны несколько бирманских батальонов служили на Ближнем Востоке, и солдаты принесли домой рассказы о других странах и жизни и борьбе их.

А потом до Бирмы докатилась весть о великой революции в России, стране, «имеющей, как писал русский путешественник Пашино, странное очарование для Бирмы, стране, с которой

связываются надежды на освобождение». Впоследствии бирманский писатель Такин Кодо Хмайн напишет, что «после Октябрьской революции в России борьба бирманцев за независимость разгорелась с новой силой».

И вот одним из проявлений нового в борьбе против английских хозяев стал университетский бойкот 1920 года. Это был протест против «западного просвещения, вызывающего рабский склад ума», против превращения детей в послушных слуг англичан. Бирманцы перестали отдавать детей в английские школы и университет, где преподавание велось на английском языке.

Во время этого бойкота были организованы первые бирманские национальные школы. Школы создавались на общественные средства и учили в них добровольцы — выпускники средних школ, студенты. Каждая из таких школ была весьма ненадежным предприятием с финансовой точки зрения, и они перебивались, так сказать, с хлеба на воду. Учителя в них часто по многу месяцев не получали зарплаты, крыши протекали, несколько классов занималось в одной комнате, но все-таки школы работали, и учили в них на бирманском языке. Эти школы просуществовали до самой независимости Бирмы, и именно из них вышли почти все будущие лидеры бирманского освободительного движения.

6

Вот в такую школу, основанную на частные средства в городе нефтяников Енанджауне, и попал Аун Сан. Может, До Су и не согласилась бы послать Аун Сана в Енанджаун, если бы не старший брат Ба Вин, который стал в этой школе учителем. Теперь основное возражение матери отпадало. Аун Сану было с кем жить в Енанджауне, было кому за ним посмотреть. Ба Вин уже несколько лет как заменил Аун Сану отца. Отец все реже бывал дома, все больше времени тратил на размышления над комментариями к буддийскому канону.

Аун Сану было восемь лет, когда он приехал в Енанджаун, а кончил он школу в 1932 году, когда ему было уже семнадцать лет.

Годы эти, о которых Аун Сан впоследствии вспоминал коротко: «Окончил национальную среднюю школу в Енанджауие», были школой не только в учебном смысле этого слова. За десять лет Аун Сан из обыкновенного натмаукского мальчишки, который и отличался от других ребят только тем, что двоюродный

дедушка его был известным во всей Бирме героем, стал тем Аун Саном, который займет одно из ведущих мест в бирманском студенческом движении, удивительно быстро вырастет в политического деятеля. Причиной этому и обстановка, в которой он прожил эти годы, и положение и события в Бирме, с которыми теперь, в Енанджауне, он непосредственно сталкивается, в гуще которых живет.

Аун Сан выучил английский язык. Он не раз говорил, что благодарен английскому языку за то, что тот открыл ему широкие горизонты, за то, что дал ему возможность прочесть книги, которые тогда некому было перевести на бирманский, за то, что познакомил его с жизнью других народов, с суждениями великих людей других стран. Аун Сану всегда был чужд узкий национализм, и он не раз подчеркивал необходимость использовании всего лучшего, что создала цивилизация других народов. Но в то же время он с некоторым, вполне понятным презрением относился к воспитанникам английских школ и даже сказал как-то университетскому другу: «Удивительно, ты патриот, а обучался в английской школе. Там ведь все мысли о свободе, о Бирме высушивают».

В енанджаунской школе этого не было. Она, как и другие подобные ей, с точки зрения английских чиновников была «рассадником смутьянства». И эта точка зрения была вполне оправдана. По литературе школьники проходили поэмы и рассказы бирманских писателей и понимали, что бирманская литература, первые памятники которой насчитывают восемьсот лет, не уступает любой другой литературе. В английских школах этому не учили. По истории школьникам рассказывали о Пагане, великой столице первого бирманского государства, чудесные храмы которого и по сей день стоят на берегах Иравади, об Анорате, который объединил Бирму, о генерале Бандуле, погибшем в войне с англичанами, о Золотом Яуне. В английских школах этому тоже не учили.

А брат Аун Сана Ба Вин, которого теперь называли У Ба Вином и даже Сая Ба Вином (что значит «ученый Ба Вин»), несмотря на его молодость, учил брата и тому, как бороться против англичан сегодня. Он был активным участником университетского бойкота и одним из тех, кто принимал горячее участие в создании Генерального совета бирманских ассоциаций, организации, которая заменила ассоциации буддистов. И своим появлением доказала, что стадия борьбы за культуру кончилась. Подрастали силы, готовые возглавить политическую борьбу.

Увязавшись за братом, Аун Сан пробирался на первые собрания молодых революционеров, вернее не революционеров

еще, а реформистов.

Часто в 'комнате брата появлялись книжки, которых не было в городской книжной лавке. Книги нельзя было никому показывать, они были зачитанны и растрепанны. На одной из книжек стояла фамилия автора — Ленин.

А когда Аун Сану стало лет пятнадцать, то его так привыкли видеть на собраниях, что считали за своего, давали ему поручения, посылали к нефтяникам договориться о встрече, пускали на самые секретные совещания. Правда, никто из друзей брата — учителей, клерков, сыновей торговцев — не помышлял еще об открытой борьбе против англичан, о независимой Бирме. Путь к независимости, как казалось им, лежал через постепенное достижение статуса доминиона.

Шли дебаты: оставаться ли Бирме в составе Индии или отделиться? Не поставит ли это Бирму в невыгодное положение, не оторвет ли от более сильных и опытных индийских революционеров, принимать или нет учение Ганди, участвовать ли в послушном англичанам игрушечном парламенте, где адвокаты с хорошим английским произношением упражнялись в риторике, надеясь на место районного комиссара?

А тем временем росло недовольство среди крестьян, потерявших землю или теряющих ее, недовольство налогами, ростовщиками, помещиками, недовольство закупочными ценами на рис, которые все падали, несмотря на то, что рис дорожал на мировом рынке.

Все тяжелее приходилось рабочим на нефтепромыслах. Со многими из них Аун Сан познакомился в Енанджауне, с их сыновьями он учился в школе. Среди рабочих было много индийцев — они приезжали на заработки из Индии, и им платили даже меньше, чем бирманцам, — куда денешься, если дома и за эти деньги работы не найдешь. Нефтяники работали по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, жили в хибарах, ни профсоюзов, ни других организаций у них не было. Если кого подозревали в том, что он занимается политикой, — гнали немедленно. А кроме того, хозяева компании отлично владели искусством вносить рознь — бирманцы не доверяли индийцам, которые сбивали зарплату, индийцы боялись бирманцев, и те и другие боялись потерять место.

Совет бирманских ассоциаций был слишком разношерстной и либеральной организацией, чтобы полностью связать свою судьбу с рабочими и крестьянами. А У Ба Вин и его друзья ограничивались в основном просветительской деятельностью и не решались пойти на разрыв с руководством Совета бирманских ассоциаций.

Убедившись, что с советом каши не сваришь, один из его членов, Сая Сан, врач, автор книги по бирманской медицине «Признаки болезней», вышел из него. Он больше года ездил по стране, организовывая отделения совета, и знал поэтому жизнь и настроения крестьянства куда лучше руководителем, сидевших в Рангуне.

Сая Сан знал, что разоренные крестьяне Бирмы близки к восстанию и восстание их, лишенное руководства, будет обречено на поражение. Но не в силах убедить в своей правоте руководителей совета, решил возглавить это восстание, организовать его насколько было возможно.

Аун Сан встречал Сая Сана, когда Сая Сан приезжал в Енанджаун во время одной из своих поездок по стране и выступал перед ассоциацией Енанджауна. Но много в те годы приезжало организаторов из Рангуна, и Аун Сан с трудом вспомнил доктора, когда У Ба Вин разбудил его декабрьской ночью и сказал:

— В Таравади восстание.

— Восстание? Уже? А кто во главе?

— Сая Сан. Помнишь, он приезжал к нам весной?

7

Сая Сана до сих пор ругают английские учебники истории. Он и мятежник, и деспот, и самозванец, и убийца. А тогда в 1930-м от него поспешил отречься совет, дабы власть имущие не заподозрили в нелояльности, его клеймили в Рангуне послушные адвокаты, его ругали последними словами газеты.

В Енанджауне Сая Сана не ругали. Восстание не докатилось до тех мест, но к каждому пароходу снизу приходили толпами нефтяники, школьники, клерки, крестьяне: какие новости? Где сейчас Сая Сан?

Всматривались в лица вернувшихся из Рангуна английских инженеров. Может, Сая Сан уже у Рангуна?

Восстание началось стихийно, неожиданно, на несколько месяцев раньше, чем рассчитывал Сая Сан.

В середине тридцатого года английский губернатор Бирмы уехал в отпуск и оставил за себя бирманца с полубирманским-полуанглийским именем Джо. А Маун Джо. Случилось такое впервые в истории Британской Бирмы, но англичане не волновались. Маун Джо — проверенный лакей, либерализм и мягкость ему чужды. Больше того, ему очень хотелось отличиться, показать, что он полностью достоин оказанной чести. И он немедленно отправился в поездку по стране.

В округе Таравади к нему подошла делегация крестьян с просьбой отсрочить налоги этого года — урожай пропал в наводнении, крестьяне голодали, платить было нечем. И Маун Джо перестарался. Он так грубо выгнал крестьян, так оскорбил стариков, что на следующий день весь округ восстал. Губернатору пришлось бежать в Рангун, под охрану английских пушек.

Повстанцы объявили войну Англии и начали набор крестьян в армию, которую назвали армией галонов. Галон — легендарная бирманская птица, победившая в схватке дракона Нага. Под «Нага» подразумевались англичане. Повстанцы выдвинули лозунг: «Отдать жизнь за религию, нацию и страну».

Сая Сан прибыл в Таравади с организованным им ранее первым отрядом галонов и принял командование восстанием.

Теперь трудно сказать, знал ли он, насколько малы шансы на успех, возможно, и понимал, а может, надеялся, что поднимется вся Бирма. Этого не случилось. Города не поддержали восставших, даже не все округа Нижней Бирмы поднялись по примеру Таравади.

Восстание было неподготовлено, вести о нем слишком поздно доходили до других районов, и англичане успевали подготовиться к подавлению.

Сая Сан объявил себя королем Бирмы, устроил торжественную коронацию в джунглях, созвав для этого астрологов со всей Нижней Бирмы. Он объявил о том, что борется за возвращение к старому — к тому старому, что не смогло поднять Бирму на борьбу уже сорок лет назад. Идея «Старой Бирмы» не могла привлечь на его сторону бирманские города, где молодежь читала Маркса и обсуждала на сходках проблемы национально-освободительного движения, где бирманская буржуазия боролась за место в современном, а не вчерашнем мире.

Сая Сан был бирманским Пугачевым, и восстание его во многих чертах напоминало пугачевское восстание, перенесенное в XX век.

Да и что говорить, Сая Сан часто рассчитывал на самые отсталые слои крестьянства — его солдаты, например, татуировали на груди птицу Галон, потому что верили, что тогда их не возьмет никакая пуля.

А своих ружей, своих пуль у восставших не было. Несколько винтовок и пистолетов было захвачено у убитых полицейских и лесников, да и с ними восставшие порой не умели обращаться. В лесных мастерских ковали мечи и наконечники стрел. А еще чаще приходилось выходить в бой с бамбуковой палкой в руках.

И все-таки, несмотря на все это, в восстании приняли участие

десятки тысяч человек, оно охватило чуть ли не половину Бирмы.

Два года продолжались бои. Восставшие, оттесненные с долин в горы, вели партизанскую войну, и каждый месяц в рангунском порту с кораблей выгружались новые батальоны сипаев и уходили в джунгли и в горы в погоне за неуловимыми, отчаявшимися повстанцами.

В 1931 году Сая Сан попал в плен. Процесс его получил широкую огласку. Никто не сомневался, что англичане казнят его — с крестьянами не вели переговоров. 274 пленных повстанца были казнены, и головы их, как в свое время голова Золотого Яуна, на шестах выставлялись на базарных площадях. Видел их и Аун Сан — несколько повстанцев были родом из Енанджауна и окрестных деревень. Но 274 человека — это официальная цифра, представленная в английских документах. Бирманцы считают, что казнено было более двух тысяч человек.

На процессе защищать Сая Сана вызвались два адвоката. Один из них был к тому времени уже известен как политик, не очень разборчивый в средствах, но стремящийся сделать карьеру; второй был совсем никому не известным стряпчим из Таравади. Первого звали Ба Мо, второго — У Со. С этими людьми мы еще неоднократно встретимся. Впоследствии обоим придется играть большую роль и в жизни Бирмы и в жизни Аун Сана.

Процесс был безнадежным с юридической точки зрения. Оба адвоката отлично знали, что проиграют его, но зато какое начало карьеры! Люди будут знать обоих как людей, которые защищали Сая Сана.

На процессе Сая Сан сказал в последнем слове: «Я не боюсь умереть. Я знал, что если буду арестован, то меня рано или поздно приговорят к смерти, но я исполнил свой долг и верю, что мои революционные последователи будут сражаться до победного конца».

На этом можно бы кончить рассказ о Сая Сане, но у него есть знаменательное завершение. Перед смертью Сая Сан узнал, что его книга «Признаки болезней» издана в Рангуне и ему за нее положен гонорар. Тогда, уже приговоренный к смерти, Сая Сан завещал все свои деньги на покупку марксистской литературы, на организацию библиотеки для революционеров.

Известно, что в числе книг, купленных на деньги Сая Сана, были «Капитал» Маркса и «Впечатления о России» Джавахарлала Неру.

Перед смертью Сая Сан понял, что его путем нельзя добиться победы, но он уже видел путь, по которому пойдут его последователи.

ГЛАВА ВТОРАЯ
КО АУН САН

1

Поезд долго тащился по глубокой выемке, и только крыши домов, выглядывавшие из-за ее края, говорили о том, что начался Рангун. Неожиданно выемка кончилась, и показались три белые башни нового вокзала. Вокзал был построен англичанином, который хотел соединить несовместимое — бирманское народное зодчество и тяжелый викторианский стиль. Над большим кирпичным зданием он выложил из камня многошатровые башни, типичные для деревянного бирманского дворца.

Пассажиры тесно набитого вагона зашевелились, распихивая по мешкам и шанским сумкам кружки, тарелки, недоеденных кур и расстеленные на полках юбки — лоунджи. Мирный быт вагона, созданный пассажирами за два дня пути, в пять минут исчез в сумках и мешках. Только бумажки и порванные банановые листья, в которые был завернут купленный на полустанках рис, остались памятью о десятках людей, на два дня соединивших свою судьбу с обтрепанным рыжим вагоном третьего класса.

Аун Сан задержался в вагоне. Толкаясь в дверях, его

попутчики вышли уже на перрон и смешались с толпой встречающих. Аун Сана никто не ждал, никто не встречал. Как только он покинет вагон, начнется новая жизнь, жизнь, в которой он будет предоставлен только себе, жизнь, связанная с большими и туманными надеждами и планами, жизнь, в которой его ждут незнакомые еще друзья, встречи, радости, разочарования и, может, любовь.

— Мальчик, выходи, — сказал незаметно появившийся в вагоне тамил — уборщик.

— Иду, сейчас иду.

— Ты, может, не знаешь, куда идти тебе?

— Нет, у меня есть адрес.

Уборщик был стар. Почти черные узловатые ноги, казалось, состояли только из жил. Кусок когда-то белой материи был обвязан у него вокруг пояса. Видно, не всем хорошо живется в богатом городе Рангуне.

А тамил, глядя вслед бирманскому парнишке с мешком за плечами, думал о том, сколько на своем веку перевидал он деревенских ребят, приезжающих за счастьем в столицу, медливших покинуть вагон, страшащихся немного города, с которым связано столько надежд. Ведь чаще всего эти надежды не осуществляются. Может, через полгода он снова увидит этого парнишку с тем же, только похудевшим и истершимся мешком за плечами. Парень займет место в уголке поезда «Рангун — Пром», или «Рангун — Мандалай», потерпев поражение в борьбе с большим городом. Так ведь часто случается.

Обширная, плохо замощенная площадь перед вокзалом, с кирпичной протестантской церковью на пригорке над ней, с грязными улицами, разбегающимися в разные стороны, была ярко освещена солнцем. Оно купалось в лужах от недавнего ливня, и над лужами поднимался едва заметный пар и смешивался с жаркими пахучими испарениями банановых корок, мочи, пота, сандаловой пудры, жареных орехов, бензина и лапшового супа.

Шумный жаркий мир площади ошеломил Аун Сана. Он сжимал в кулаке адрес университета. Он сделал несколько шагов по площади, поскользнулся на кровяном бетельном плевке и остановился в растерянности рядом с блестящим автомобилем. Из окна автомобиля высунулась рука шофера в белой перчатке и бесцеремонно отодвинула Аун Сана.

— Встал, деревня. Не видишь, комиссара полиции жду…

К Аун Сану подъехал рикша.

— Куда ехать?

— До университета сколько?

— Четыре анны.

В Натмауке четыре анны — большие деньги. На них можно прожить целый день.

— А пешком далеко?

Засмеялись и рикша и шофер в белых перчатках.

— К вечеру дойдешь.

Аун Сан не знал, верить им или нет. Он бы пошел пешком — даже интересно посмотреть на город. Но грызло опасение, что опоздает в университет и его не примут. Может быть, они уже набрали, сколько им нужно студентов, и придется возвращаться в Натмаук. Нет, только не это.

Аун Сан влез в коляску рикши и положил на колени мешок.

Рикша привстал на педалях велосипеда, коляска скрипнула, и началось путешествие к университету.

Правда, самого Рангуна, центра его, Аун Сан не увидел. Они ехали от вокзала к окраинам. Обогнули церковь, проехали короткий переулок, и вдруг в конце широкой улицы над крышей ехавшего навстречу трамвая Аун Сан увидел великолепный, могучий конус пагоды Шведагон. Золотая стометровая пагода, казалось, плыла по сизому фону облаков, и львы — чинте у ее лестницы сурово просматривали всю улицу.

Рикша отпустил руль велосипеда и сложил ладони вместе, В знак почтения Аун Сан последовал его примеру.

Другой такой пагоды нет не только в Бирме, но и во всем мире. Никто не знает, сколько ей лет, никто не знает имен ее строителей. Возвышается она над Рангуном и над всей Бирмой. Отсюда начинался Рангун, отсюда, считают бирманцы, начиналась история Бирмы. Буддисты верят, что внутри пагоды, в сокровищнице, схоронены восемь волос самого Будды.

Дорога обогнула холм с пагодой.

— Видишь вмятину? — спросил рикша, показывая на углубление у дороги. — Здесь маха-зинда упал.

— А кто это?

— Не знаешь? — Рикша явно обрадовался поводу рассказать пассажиру интересную историю. — В Рангуне каждый мальчишка знает. Будешь в Шведагоне, погляди на маха-зинду. Это колокол так называется. Очень большой колокол. Священный. Два человека друг на друга встанут — не достать до верхушки. В Англии, конечно, такого нет. Вот и захотели англичане его увезти к себе. Ну что будешь делать? У них солдаты. Старики, скажу тебе, плакали, когда англичане колокол стаскивали по лестнице. Сто лошадей они в платформу впрягли, пока до реки тащили. Вот там, где я тебе показал, колокол упал — не хотел, значит, уезжать. Но англичане его снова на платформу положили. На реке уже пароходы стояли, чтобы везти его дальше. Ну,

погрузили, отчалили… Нет, неужели ты в самом деле не слышал?

— Да нет, рассказывай дальше.

Рикша приостановил велосипед, достал шерут — бирманскую сигару, угостил Аун Сана, вторую закурил сам. Поехали дальше.

— Так вот, — продолжал он. — Отвалил пароход от пристани. Тысячи людей на берегу стояли. Все смотрели и не верили, что колокол все-таки согласится уехать из Бирмы. И правда, только пароход дошел до середины реки, как видим — колокол начинает съезжать к одному борту. Англичане засуетились, стараются удержать. А пароход от тяжести набок клонится. Колокол пошел рвать цепи, которыми его привязали. Разорвал, нырнул в реку и был таков. Только вода столбом поднялась.

Заговорившись, рикша въехал в стаю бродячих рыжих собак. Собаки с визгом бросились врассыпную. Дорога пошла в гору. Снова стал виден исчезнувший было за крышами домов и вершинами пальм конус Шведагона.

— Так вот. Вода столбом поднялась, и нет колокола. Англичане, конечно, забегали. Неприятно ведь — на глазах всего Рангуна такой позор. Не захотел колокол в Англию ехать, и ничего они поделать не смогли. Ну и войск они тогда понагнали! Да и не только войск — всех кули из порта привезли, водолазов достали. Три дня бились — все хотели колокол со дна поднять. А он с каждым разом все глубже и глубже в тину уходит. Все ходили смотреть, как англичане с колоколом воюют. И я ходил. Но колокол не поддался. Нет, не поддался.

Рикша говорил о колоколе, как о живом существе, и Аун Сан представил себе оживший колокол, который рвет цепи и ныряет в реку, только чтобы не покидать Бирму.

— Ну, чего же замолчал? Увезли они его все-таки?

— Не торопи, брат. Все в свое время. Значит, отступились англичане. Тогда приходит к губернатору один поунджи — монах, вернее много людей пришло, но говорит за всех один: «Обещаете, что колокол теперь не возьмете?» Губернатор отвечает, что чего же обещать, если его достать нельзя. «А мы, — поунджи говорит; — его достанем». А губернатор говорит: «У вас это не получится. Если, — говорит, — мои солдаты не смогли, то никто не сможет». — «А ты разреши, — поунджи отвечает, — нам, бирманцам, его из реки вытащить. Только тогда, — поунджи говорит, — пусть англичане его снова не увозят»: Ну, губернатор усмехнулся и согласился. Чего же ему не согласиться, если он в себе уверен? Пришли тогда к реке пять тысяч человек. А может, и больше. Самые большие мастера на реку выехали на плотах и лодках. Зацепили колокол и вытянули на берег. Все вместе

тянули. Колокол ведь хотел вернуться в Шведагон. И не сопротивлялся. Так его через весь город обратно провезли, от тины и грязи очистили, и вот стоит теперь.

Рикша затянулся шерутом и, явно сожалея, что такая интересная история закончилась, добавил:

— А как такой позор губернатор пережил — ну просто не знаю. Жена его, наверно, ругала. А может, и совсем ушла. И пароходы, и солдаты, и водолазы, а колокол не захотел уехать и не уехал. Вот так-то!

По сторонам дороги росли могучие деревья, смыкаясь кронами над мостовой. Рикша выехал на широкую площадь, окруженную тростниковыми хижинами. Казалось, Аун Сан снова вернулся в Натмаук. Посреди площади был поросший травой круг, и на нем сидели, лежали, стояли молодые ребята. Некоторые читали книги, некоторые просто, разговаривали. Направо от площади уходила зеленая улица.

— Вот и Камают, так площадь называется. Тут уже все студенты. Направо — университет. Тебе куда? В приемную комиссию?

— Да.

— Я так и подумал, не первого везу.

Проехали по аллее мимо большого серого здания.

У следующего остановились.

— Ну счастливо тебе учиться, — сказал рикша. — Может, увидимся.

2

Секретарь приемной комиссии Рангунского университета обратил внимание на приехавшего из провинции паренька, в аттестате которого было сказано; «Особо отмечаются успехи Маун Аун Сана в математике, языке пали и английском языке».

Секретарь отложил перо и внимательно посмотрел на будущего студента. Перед ним стоял худой, угловатый юноша, даже скорее подросток, на вид ему было лет пятнадцать, не больше. Скуластый, большеглазый, темнокожий, резко очерченные губы и прямые, непослушные волосы, остриженные длиннее, чем носили в Рангуне. Юноша был одет в стираную белую рубашку и домотканые лоунджи. («Мог бы приодеться получше для приемной комиссии», — мелькнула мысль у секретаря.)

— На какие лекции в университете хотите записаться? — спросил секретарь.

— На английскую литературу, современную историю и политические науки.

— Не лучше ли вам подать на математику? У вас к ней склонности, а безработных литераторов и политиков в Бирме уже достаточно.

Секретарь улыбнулся и придержал улыбку на лице чуть подольше, чем хотелось, — ждал ответной. Но ее не последовало.

— Я не буду безработным политиком, — ответил Аун Сан.

Секретарь отметил про себя, что он говорил на правильном английском языке. Только произношение хромало. Ужасное произношение.

Слава богу, что хоть так говорит. И сказал более официальным голосом:

— Потом будете раскаиваться. Экзамены начинаются послезавтра, получите ключ от комнаты общежития… Следующий.

Аун Сан шел по тенистой аллее к общежитию. Все его имущество умещалось в мешке, который он нес на плече. Он всматривался в лица встречных. Вот идут трое, в шуршащих шелковых лоунджи, с кожаными портфелями в руках. Английские фразы, которыми они перекидываются, точны и правильны. Этим не надо беспокоиться о работе. А вот идет парень, одетый попроще, читает книгу на ходу. «С ним я познакомлюсь», — думает Аун Сан. Как велик университет! Вот уже минут десять идет Аун Сан по дорожкам, а все новые здания выглядывают из-за манговых деревьев, все новые аллеи пересекают его путь. Ба Вин говорил, что здесь около пяти тысяч студентов. Они даже издают свой журнал и имеют совет, который решает студенческие проблемы.

Комната в общежитии невелика. Четыре шага в длину, четыре в ширину, окно, кровать с москитной сеткой, стул и столик, который, видно, верно служил его предшественникам. Он исписан формулами и закапан чернилами. Аун Сан присел на кровать, скрипнули пружины. Вот так начинается новая жизнь.

Кем он будет? Писателем. Конечно, писателем, в этом нет никакого сомнения. Еще в енанджаунской школе говорили, что у него есть талант. Может быть. Когда он прочитал свои стихи Ма Ни Ни из их класса, та не поверила, что он мог их написать. Сказала, что списал из журнала. Когда это было? Уже год прошел. Но он будет писать романы. О том, как живут нефтяники в Енанджауне, о своем деде — он давно хочет написать роман о своем деде. Только издадут ли такой роман? Но если не сейчас, то после освобождения Бирмы. Ведь не может быть, чтобы англичане остались здесь навсегда…

В проем двери заглянул незнакомый парень.

— Вы будете жить здесь?

— Да.

— Я ваш сосед. Слышу, кто-то новый приехал. Откуда?

— Из Натмаука.

— Почти соседи. Я из Прома. Вы обедали? Ну тогда пойдемте вместе, я покажу, где столовая.

3

Весь первый год в университете Аун Сан много занимался, много читал и почти не участвовал в общественной жизни университета. С первых же дней он понял, насколько велика разница в знаниях между выпускником енанджаунской национальной школы и теми студентами, что учились в католической школе или в рангунском колледже Святого Павла. Он был для них серой деревенщиной, хотя читал-то он не меньше их. И все-таки пробелов в его образовании оказалось столько, что приходилось сидеть ночами, чтобы ни в чем не отставать от других студентов на курсе. И он не отставал. Пускай они смеются над его английским произношением, слов он знает больше их, а произношение — он старался говорить только по-английски каждый день, читал вслух Диккенса, Киплинга. Комната его в общежитии завалена книгами. Вот уж кого хорошо знали в библиотеке и в книжных лавках.

И когда ребята из общежития видели, что Ко Аун Сан опять на обед не берег ничего, кроме риса, только пожимали плечами — сумасшедший какой-то. С деньгами было плохо. Все, что присылали из дому, уходило на книги и еду. Он так и проходил весь первый год в той рубашке, которую привез из дому. Хорошо еше, что заезжал Ба Вин и отдал ему свою.

Аун Сан медленно сходился с людьми. Он как-то оставался в стороне от вечеринок и приключений. Ведь ему приходилось беречь каждый пья, чтобы не остаться без обеда. Он просиживал над книгами до рассвета и клевал носом днем, он не хотел ни выступать в студенческом театре, ни участвовать в ночном набеге на общежитие девушек, ни играть в футбольной команде университета. Все это не способствовало известности Аун Сана в университете. Да и его манера держаться не располагала к себе людей. Был он резок, грубоват, то становился не в меру разговорчивым, то замолкал надолго в самое неподходящее время. За год о университете он еще больше похудел, потемнел и казался мальчишкой, случайно затесавшимся в стены этого

солидного заведения.

Правда, нельзя сказать, что у него совсем не было друзей. Но это в основном были такие же, как он, приехавшие из провинции ребята, стесняющиеся своей немодной одежды. Почти все они не кончали английских школ, а вышли из национальных и не скрывали презрения к изящным образованным юношам в шелковых лоунджи, которым отцы — адвокаты и чиновники уже заранее обеспечили теплые места в «обществе».

Обычно Аун Сан и его новые друзья собирались у кого-нибудь в комнате и там до хрипоты спорили о политике, о том, за кем будущее, за молодыми революционерами или за стариками из Совета ассоциаций, спорили, прав ли был Сая Сан, когда короновал себя. С горячностью восемнадцатилетних они хотели немедленного восстания, готовы были отдать жизнь за Бирму — только еще не знали, с чего начать, как идти.

Однажды к компании Аун Сана присоединился за столом Ко Мья Сейн, впоследствии друг Аун Сана и писатель. Вот как он вспоминает свои впечатления от Аун Сана: «С первого взгляда он казался угловатым, грубоватым в поведении и сильно увлеченным политикой — тогда уже все рассматривал с политической точки зрения. Он был небольшого роста, худым, с квадратными плечами и квадратной челюстью. Одет он был в домотканую одежду, говорил громко короткими, обрезанными предложениями, переходя то на английский, то на бирманский. И поражал своей откровенностью. Ходил он быстро, откинув назад туловище и наклонив голову, размахивая сложенным зонтом. Когда говорил, то подчеркивал свои слова, разрубая воздух ладонью. Но смех его был громок, весел и заразителен. Много курил, причем не делал различия между бирманскими и английскими сигаретами, но никогда не пил. Он любил вкусно поесть, но ему очень редко удавалось позволить себе такое. Очень любил ходить в кино, но не на все картины, а на те, что имели социальное содержание. Например, понравились ему «Золя», «Хуарец» и «Доносчик».

К концу второго курса Аун Сан совсем забросил литературу. Это не значило, что он стал хуже учиться, — уже за первый год по всем предметам он догнал своих сверстников и запаса знаний хватало на все требовании преподавателей. Но с каждым днем учебе оставалось все меньше времени. Число его друзей уже не ограничивалось полдюжиной однокурсников и земляков. Он познакомился с Ко Тейн Пе, молодым писателем, который вечерами переводил на бирманский работы Маркса и писал горячие статьи в журналах — под псевдонимом, конечно. Встретился с Ко Джо Неином, Ко Ну, Рашидом — студентами,

которые уже тогда подумывали о том, чтобы взять в свои руки студенческий совет университета и избавиться от сынков адвокатов, которые превратили его в клуб наподобие Пегу-клуба или Гольф-клуба — для избранных.

Выборы и совет предстояли осенью, а каникулы перед третьим — курсом Аун Сан провел дома, в Натмауке. Каникулы в Бирме не совпадают с каникулами в Европе, потому что весна там — самое жаркое время года, и каникулы занимают апрель, май и нюнь, так что возвращаются в университет студенты в июле, когда дожди охладят воздух.

Дома мало что изменилось. Так же отец просиживал целые дни над священными книгами, мать тянула хозяйство, сестры ждали женихов.

Родной город показался тихим, слишком тихим и сонным. Сверстники, с которыми играл и, чтобы завоевать их уважение, ходил со свечой на кладбище, разъехались кто куда. Казалось, жизнь остановилась много лет назад.

Аун Сан пожил неделю дома, перечитывая свои старые, самые первые книги, отсыпаясь и отъедаясь. Мать ничего не жалела для того, чтобы поставить Аун Сана снова на ноги — она была уверена, что он на грани голодной смерти. Потом он поехал в деревню, к двоюродной сестре, и там снова оказался в гуще событий. В деревне было трудно, голодно, тяжело, но постороннему наблюдателю могло бы показаться, что там царят патриархальные, почти семейные отношения — вроде бы ничего не изменилось за последние годы; так же выводят по утрам буйволов и волов из ворот крестьяне, на тех же полосках пашут, пересаживают рис и косят его. Но полоски уже были не собственные — они или попали в заклад к ростовщику, или вообще перешли в руки помещика и теперь крестьянин отдавал за них половину урожая. Не было семьи, не увязшей в долгах. Крестьяне помнили Сая Сана и не верили, что его казнили, — ждали, когда придет снова, с армией галонов и освободит их.

В деревне Аун Сан произнес одну из своих первых политических речей. Он говорил о грядущих переменах и о том, что в Рангуне есть люди, которые готовятся к борьбе за свободу Бирмы. Крестьяне спрашивали его о такинах — о них уже слышали в деревне. Кто они?

Аун Сан мог рассказать о такинах многое. Ведь он в Рангуне встречался с ними, с некоторыми даже познакомился.

Такинами называли себя члены организации «Добама», что значит «Мы бирманцы». Говорят, что обращение «такин» возникло следующим образом. В начале тридцатых годов один студент, член молодой «Добама», был в деревне. Там он услышал, как

крестьяне обращаются к английскому чиновнику со словом «такин» — господин. «Почему, — подумал он, — господами в нашей стране называют чужеземцев? Настоящие господа в Бирме — сами бирманцы». Приехав в Рангун, он рассказал об этом товарищам. С тех пор члены «Добама» стали величать друг друга такинами. Слово быстро прижилось и вскоре даже вытеснило «Добама». Так, первая революционная партия Бирмы вошла в историю под названием партии такинов.

Движение такинов зародилось в Рангунском университете, и, выйдя из его стен, такины не потеряли полностью связей со своими младшими товарищами. Первые такины были лет на пять-шесть старше Аун Сана, и к тому времени, когда он вступил на путь политической борьбы, они уже пережили первый, организационный период своей деятельности и «пошли в народ». Такины начали ездить по деревням, устраивать митинги, хотя поначалу из соображений конспирации обставляли свою деятельность как культурное движение.

4

Аун Сан опоздал на два дня к началу занятий. Общежитие было пусто. Аун Сан вывалил на стол домашнюю снедь, что дала мать, и тут в комнату ворвался Ко Мья Сейн.

— Третий день ждем тебя. Послезавтра общее собрание. Тебе с Ко Ну выступать. Пора начинать. Я говорил с ребятами с факультета наук — нас поддержат.

Ко Мья Сейн увидал сказочные запасы съестного, сваленные на столе.

— Да ты стал богачом!

— Зови ребят. Ешьте. Все равно испортится. Мать знала, что я не буду есть в одиночестве, приготовила на всех.

А потом было общее собрание. Первым выступил Ко Ну. Он хорошо знал английский, умел говорить складно и убедительно. Его слушали внимательно, аплодировали. Выступил Аун Сан. Этого парня студенты еще не знали. Аун Сан начал говорить не о том, что ожидали от него услышать, не о нуждах студентов.

Аун Сан говорил о Ба Мо, о том самом Ба Мо, который выдвинулся во время процесса Сая Сана и сделал быструю карьеру. Сначала он выступал за бойкот созданного англичанами Законодательного совета, а потом, когда почувствовал, что ему выгоднее держаться за этот совет, круто изменил позиции и темными махинациями добился, чтобы его самого туда выбрали. И не только избрали, но и сделали министром просвещения. Аун

Сан критиковал, да еще как, нового министра — живого места на нем не оставил. Речь его настолько шла вразрез со всеми предыдущими речами, что сидевший на собрании английский надзиратель печатными буквами записал имя оратора в записную книжку и дважды подчеркнул его. Но прерывать студента надзиратель не стал. Он недолюбливал Ба Мо, не доверял ему и потому в нарушение университетских правил позволил Аун Сану продолжать речь.

К этому времени англичане выделили Бирму в «самостоятельную» колонию. У нее теперь был свой парламент и совет министров, которые во всем подчинялись английскому губернатору. Но министры получали приличное жалованье, воровали, брали взятки и при всем этом занимали выгодное положение в иерархии колониального общества. Ба Мо выступал за англичан, надеясь со временем добраться до поста премьер-министра колонии. Правда, сами англичане посматривали на него с опаской. Нельзя сказать, что он был для них достаточно надежной кандидатурой. Каждому в Бирме было ясно, что, изменись обстановка, Ба Мо с такой же убежденностью начнет нападать на англичан. И не потому, что в самом деле хотел добиться независимости для Бирмы, а потому, что был согласен только на такую независимость (или зависимость), при которой он, Ба Мо, будет стоять во главе Бирмы.

Несмотря на остроту темы, первая речь Аун Сана провалилась. Он впервые выступал по-английски перед большой аудиторией, и его подвело это проклятое английское произношение. Друзья его понимали — они привыкли, а вот незнакомые студенты откровенно смеялись над неправильно произнесенными словами. Но Аун Сан продолжал говорить. Пусть смеются. Но надо обязательно кончить. Смех становился все громче. Теперь, заразившись общим весельем, к адвокатским сыновьям присоединились и свои ребята, даже друзья. Аун Сан все говорил и говорил. Последние слова его пропали в общем хохоте. Он резко повернулся и сбежал с возвышения.

Тейн Пе нашел его на пустой аллее. Аун Сан увидел его и сказал:

— И все-таки я договорил до конца. Мне нельзя было не кончить. Тогда бы мне уже никогда здесь не выступить. А я еще буду говорить перед ними. И они не будут смеяться. Иди обратно на собрание. А то там наших мало.

Аун Сан зачастил к английскому профессору Роудсу. Старик преподавал английский язык, и интерес любого студента к нему воспринимал как личный комплимент. Как-то Аун Сан возвращался от профессора с приятелем и спросил:

— Ты все понимаешь, что профессор говорит?

— В общем да, но детали иногда выпадают.

— То же и со мной. Все-таки до чего мы еще не образованны! Нам надо почаще разговаривать с англичанами, чтобы никто не мог придраться к нашему английскому. Сейчас все у нас по-английски. И газеты, и журналы, и выступления. Знаешь, все-таки мы одолеем язык.

В том же году Аун Сан, Ну, Чжо Нейн, Тейн Пе и Рашид выступили единым фронтом, выставив свои кандидатуры в студенческий совет. Это было через несколько месяцев после первой речи Аун Сана, и к тому времени он не только выступал несколько раз, но и добился тот, чтобы его слушали без улыбок. Недостатки произношения искупались содержанием речей. Теперь это был уже не никому не известный паренек в домотканых лоунджи, а «наш Аун Сан», самый непримиримый из студенческих ораторов.

Всех кандидатов, Аун Сана в том числе, выбрали в совет.

На первом же заседании совета Аун Сан стал редактором студенческого журнала «Овей». Отныне он отвечает за всю пропаганду совета.

Еще до выборов студенты связались со штабом партии такинов в Рангуне. Партия такинов была единственной организацией, с которой, по их мысли, стоило сотрудничать. Пока еще такины были немногочисленны, но они отличались от других политиков тем, что их нельзя было купить, переманить на сторону правительства и заставить замолчать.

Когда Аун Сан был дома, на каникулах, он узнал, что в Енанджауне готовится первая конференция такинов. Выбран Енанджаун для этой цели был не случайно. Такины надежнее чувствовали себя среди нефтяников, среди патриотически настроенной енанджаунской интеллигенции. Группа молодежи, к которой принадлежал брат Аун Сана, Ба Вин, тоже примкнула к такинам.

Тогда же Аун Сан впервые встретился с организаторами такинского движения, и связь эта окрепла в университете.

Интересно, что, несмотря на арест такинских лидеров, несмотря на запрещение деятельности такинов, английские чиновники не смогли ни тогда, ни впоследствии понять все значение их, всю опасность, которую несут для их господства молодые революционеры. Полицейские чиновники считали, что организация «Добама», другими словами партия такинов, не имеет никакого влияния в массах, ибо бирманцам не свойственно увлечение марксистскими теориями. Источником смуты являются индийские марксисты, и если пресечь связи с бенгальскими

революционерами, то без поддержки извне такины захиреют и станут одной из мелких безопасных партий.

Такие рассуждения такинам были даже выгодны. И то, что переход студенческого совета в руки последователей такинов не привлек особого внимания ни университетского начальства, ни полиции, позволило такинам целый год работать почти беспрепятственно.

Что же отличало такинов от других партий и организаций, привлекало людей на их сторону, позволило развиться и вырасти партии до таких масштабов, что она поставила под угрозу господство англичан в Бирме?

Такины выступили с лозунгом: «Бирма — наша страна, бирманский язык — наш язык. Будем же любить свою страну, уважать свой язык». Или, как писали тогда: «Надо начать борьбу против рабского образа мышления». И еще одним из внешних проявлений такинского движения было активное участие в кампаниях «покупай бирманское, возрождай бирманское».

Такины тех дней носили только домотканую одежду, деревянную обувь и даже курили только бирманские сигары.

Не надо думать на основании всего этого, что руководители такинов и вошедший впоследствии в их партию Аун Сан были узкими националистами, ненавидевшими все европейское. Во время войны, выступая на первом выпуске национальной офицерской школы, Аун Сан говорил: «Что такое национализм? Любовь к своей стране и ненависть к другим нациям? Нет. Вы не имеете права ненавидеть другую нацию, потому что любите свою. Если кто бы то ни был, изнутри или извне, подрывает интересы нашей нации, мы ложны дать ему отпор… Но если вы воспринимаете национализм как ненависть к какой бы то ни было нации, вы абсолютно не правы».

Такины не ограничивались чисто просветительскими задачами. Движение такинов было, как говорил Аун Сан, «великим социальным уравнителем». Ни один из руководителей Генерального совета бирманских ассоциаций, ни один из бирманских политиков не отваживались открыто заявить о своей борьбе за равноправие, за интересы бирманских тружеников. Такины это сделали. Они боролись против классовых, национальных, расовых и других привилегий.

Помогло на первых порах такинам и то, что на их сторону сразу и бесповоротно встал Кодо Хмайн, бирманский писатель, основатель современной бирманской литературы, человек, которого знает любой бирманец. «Тики» Кодо Хмайна (поэмы в прозе) заучивались наизусть. Кодо Хмайн заявил о своей поддержке такинов, больше того, вступил в их партию и

возглавил наиболее революционное ее крыло. Он говорил о старых партиях: «Эти организации возглавлялись старомодными людьми, и я считал их недостаточно твердыми, чтобы бороться против империализма. Молодежь была надежной — и я присоединился к молодежи и студентам».

5

После избрания редактором студенческого журнала «Овей», — что значит «Крик павлина» (павлин — птица, которая пользуется особым уважением в Бирме, павлин был даже гербом королевской Бирмы), Аун Сан занялся, наконец, литературной деятельностью. Правда, это была не та литература, о которой он мечтал в школе, но статьи, что Аун Сан печатал в «Овее», прогрессивной газете «Новая Бирма» и в журнале «Мир книг», были частью политической деятельности Аун Сана, частью борьбы за свободу.

Теперь почти не сохранилось ни номеров «Овея», ни газет предвоенных лет. Никто специально не берег их, а те, что берегли, растеряли во время войны. Поэтому трудно восстановить содержание аунсановских статей тех лет. Известно, что они покрывали собой весьма широкий круг тем. И везде Аун Сан оставался самим собой — откровенно и резко писал о том, что волновало тогда студентов, что стояло на повестке дни такинов. Нет никакого сомнения, что студенческий совет университета был не только тесно связан в то время с «Добама», но и фактически подчинялся решениям такинов, был отделением партии в университете.

А к концу учебного года, в январе 1936-го, когда жара начинает набирать силу, когда по вечерам прохладно и с озера Инья набегает на аллеи университета ночной бриз, свежий и ласковый, когда студенты начинают уже подумывать о недалеких экзаменах, случилась неприятность с председателем студенческого совета Ко Ну. Неприятность была, если можно так сказать, предвиденная. По решению совета Ко Ну выступил с критикой мистера Слосса. Тот был ректором университета и славился своим высокомерным отношением к студентам, пренебрежением к бирманцам и всему бирманскому. Выступление было направлено не только против Слосса, но и против порядков, которые он олицетворял, против колониального духа, пронизывающего всю жизнь университета.

Университетское начальство несколько дней обсуждало вопрос, что делать с Ко Ну. Он давно уже мозолил глаза

администрации, потому что администрация не без оснований подозревала, что председатель совета находится в университете не столько для учебы, сколько для антиправительственной деятельности. Ведь Ко Ну уже раз окончил университет — в 1929 году — и после этого несколько лет работал учителем в национальной школе. Он был связан с такинами, и, когда вернулся в университет и поступил в аспирантуру, его куда легче было найти в помещении совета, нежели в библиотеке или аудитории. Но придраться к нему с учебной точки зрения было трудно. Обязательного посещения лекций тогда не существовало, а срезать на экзаменах его не удавалось.

И тут подвернулся замечательный случай разделаться с ним, а заодно обезглавить слишком активный и слишком популярный студенческий совет.

Исключение задержалось только потому, что англичане хотели увериться, что крупных выступлений за этим не последует. Опросили факультетских доносчиков, просмотрели личные дела студенческих лидеров и решили, что сам Ко Ну скорее всего не будет подстрекать студентов к общему выступлению. Он был сторонником легальных, спокойных методов борьбы, без взрывов, а кроме того, был верующим буддистом. Оставались два опасных говоруна — Аун Сан и Тейн Пе. Но оба еще мальчишки и, очевидно, не пользуются такой популярностью, чтобы поднять студентов на открытые выступления.

И в начале февраля Ко Ну исключили из университета. Получив приказ об исключении, Ко Ну решил не поднимать шума. Приближались экзамены, и демонстрации, чреватые дальнейшими исключениями и репрессиями, могли помешать учебе его товарищей. А важнее всего сейчас, считал он, стать образованными. Но его товарищи были полностью не согласны со своим председателем. Учеба — это, конечно, хорошо и очень нужно, говорили они. Но какая учеба? Которую навязывают английские профессора? Так ведь это и есть навязывание рабского склада ума, с чем борются так яростно такины. И второе. Уже полгода как выбран новый совет, и за все это время он не проявил себя ни единым крупным выступлением и таким, чтобы эхо его прокатилось по всей стране. Если сейчас есть возможность использовать исключение Ко Ну как предлог для политической борьбы, возможность эту терять нельзя.

Тогда, на совете, так и не пришли к окончательному решению, но отчет о его заседании попал к ректору, и Слосс остался очень недоволен выступлением Ко Аун Сана.

А тот был верен себе. В февральском номере журнала «Овей»

студенты увидели неподписанную статью «Цербер на свободе». Хоть в ней и не упоминалось ничьих имен, каждому было ясно, что описан в ней один из руководителей университета, англичанин, помощник ректора Слосса.

Многие студенты знали, что статью написал Ньо Мья, один из членов редколлегии журнала, близкий к студенческому совету. Да и он сам, не отличавшийся излишней молчаливостью, не скрывал своего авторства. Знали автора и в ректорате. Но не он их там интересовал. Статья послужила предлогом разделаться со вторым лидером, с Аун Саном.

Аун Сана вызвали к Слоссу. Тот, не предложив ему сесть, потребовал, чтобы Аун Сан, как редактор журнала, сообщил имя автора статьи на предмет исключения этого автора из университета. Слосс знал, что Аун Сан автора статьи не выдаст. А Аун Сан, со своей стороны, отлично понимал, что англичане знают все о Ньо Мья.

— Не скажете, кто автор?

— Нет. Если статья не подписана, значит автор пожелал остаться неизвестным, и и не имею права раскрывать его имя.

— Но вы понимаете, что, опубликовав эту статью, вы грубо нарушили университетские правила.

— А разве хоть один из фактов статьи не подтвердился?

— Не вам, Аун Сан, и не здесь судить о поступках и характере ваших наставников. И пока вы находитесь в стенах университета его величества, потрудитесь уважать их.

— Простите, но такого человека мы уважать не можем. Если он не только не уважает нас, бирманских студентов, но и развращает наших девушек, пользуясь их подчиненным положением, если он прогнил настолько, насколько прогнила вся ваша университетская система, мы не можем терпеть больше, чтобы такой человек нас учил.

— Аун Сан, вы понимаете, что я буду вынужден исключить вас из университета как ответственного за антиправительственное выступление? Да, именно антиправительственное. И, возможно, вы попадете в тюрьму как бунтовщик. Вы понимаете, какой удар это будет для ваших родителей? Вы останетесь неучем и вернетесь в свою деревню.

Аун Сан ничего не ответил. Он стоял, наклонив голову, широко расставив ноги, маленькийз, вихрастый, упрямый.

— Идите. Считайте, что вы уже не студент.

Аун Сан вышел на заполненный солнечным светом двор, зажмурился после полутьмы коридоров и ректорского кабинета, с приспущенными в жару шторами. Открыл глаза — стоит в центре толпы студентов. Тут и Ньо Мья, с которым столько приходилось

ругаться из-за его несдержанности, анархистских наклонностей, и умный, спокойный Тейн Пе, и Ко Ну, которого исключили из университета, но не смогли изгнать с территории, и другие.

— Ну что?

— Выгнали.

— Вот подлецы! Больше терпеть нельзя.

— Может, мне сознаться? — вмешался Ньо Мья.

— Ни в коем случае. Ты что думаешь, они не знают, что это ты написал статью? Им нужен не ты и не я, а им нужно разгромить наш совет. А этого не будет.

Уже через несколько минут весть о втором исключении долетела до самых отдаленных уголков университета. И тут обнаружилось, что за последний год Аун Сан стал так популярен, что ни у кого не оставалось никаких сомнений — бастовать или нет. Бастовать!

И когда студенческий совет провел общее собрание студентов, резолюции его только повторили то, о чем говорили студенты. Началась всеобщая забастовка студентов университета.

Прямо с митинга студенты, не расходясь, сели в автобусы — тут помогли такины, выделив деньги и договорившись с шоферами, — и отправились к золотой пагоде Шведагон. Там, на склонах шведагонского холма, они разбили лагерь, создали забастовочный комитет, в который вошли представители всех факультетов, чтобы никто не мог обвинить студентов в анархии, беспорядках и хулиганстве. Ко Ну, Ко Аун Сан и Рашид стали «мозговым центром» забастовки. Была создана также «разведка» и «контрразведка», которая должна была следить за маневрами университетского начальства и полиции и предупреждать забастовщиков о шагах противника. Снабжением занялись девушки с педагогического факультета.

Штаб разместился у Шведагона, но в университете остались «ударные группы», которые отвечали за срыв экзаменов. Дело в том, что в университете осталось несколько десятков штрейкбрехеров, тех «шелковых лоунджи», что хозяйничали раньше в студенческом совете, остались их подпевалы, сынки помещиков и чиновников. Надо было не допустить их к экзаменационным столам. Сделано это было так. Перед входом в каждое здание ложился забастовщик, и тому, кто хотел пройти внутрь, пришлось бы через него перешагнуть. Но нельзя нанести тяжелее оскорбления буддисту, чем перешагнуть через него. После такого оскорбления забастовщики за себя не ручались, и вряд ли кто осмелился бы осудить их за разбитый нос или синяк под глазом у оскорбителя. Знали об этом и «шелковые лоунджи». Экзамены были сорваны.

Тем временем «мозговой центр» готовил список требований к английским властям. В них были включены требования о восстановлении исключенных Ко Ну и Ко Аун Сана, требование демократизации университета, введения в его правление представителя студентов и другие.

А пока требования писались, делегаты забастовщиков разъехались по всей стране, призывая мандалайцев и тауңджийцев, промцев и студентов Бассейна поддержать забастовщиков. Надо было быть в Бирме в те дни, чтобы увидеть, как сразу и горячо откликнулись на этот призыв бирманские студенты и школьники. Почти во всех школах, колледжах и институтах Бирмы занятия приостановились. В результате министерству просвещения пришлось перенести экзамены на более поздний срок.

С утра к шведагонскому холму собирались рангунцы. Тут были и родители забастовщиков, и знакомые, и просто сочувствующие. Многие несли узелки с завтраками, гроздья бананов, манго. Шведагонский холм казался местом праздничного гуляния. А власти ничего поделать не могли. Каждый может пойти к пагоде Шведагон. Нет такого правила, чтобы запретить это рангунцам.

Заволновались даже умеренные политики, бросили на время грызню в игрушечной палате и с завидным единодушием стали выражать свое сочувствие студентам, солидарность с ними. Часть их даже создала комитет помощи бастующим.

Приезжал к студентам У Со, тот, что начал карьеру адвокатом Сая Сана, и даже сам министр просвещения, нелюбимый Аун Саном Ба Мо, отправился к студентам с выражением сочувствия. Его визит был встречен холодно. Порядки в университете держались с его одобрения, и до забастовки он ничем не выражал своего несогласия с ними.

Но в то время Ба Мо, чувствуя, что англичане его недостаточно ценят, собирался уйти в оппозицию и создавал свою собственную партию, которую назвал «Синьета», что значит по-бирмански «Беднота».

Забастовка кончилась победой студентов. В конце концов Ко Аун Сан и Ко Ну были восстановлены в университете, в правление университета был введен представитель студентов, и закон об университете власти обещали рассмотреть в самое ближайшее время.

10 мая забастовка была прекращена, и студенты во главе со своими лидерами вернулись на берег озера Инья, в университет.

Главным в забастовке была не только победа студентов, не то, что эта победа была одновременно победой такинов и не то,

что с этих пор имя Аун Сана стало пользоваться в Бирме все растущей популярностью, а главным было рождение в ходе забастовки Всебирманского союза студентов. Колледжи и институты страны присылали в Рангун своих представителей, которые выражали солидарность с бастующими и в переговорах с «мозговым центром» договорились о том, чтобы созвать конференцию студентов.

Конференция открылась за день до конца забастовки, 9 мая, и на ней 35 высших и средних учебных заведений Бирмы объединились во Всебирманский союз студентов. Первым президентом был избран Рашид.

На следующий год президентом его стал Ко Аун Сан.

6

После окончания забастовки Аун Сан вернулся в университет. Несмотря на то, что с каждым днем все меньше времени оставалось на учебу, он решил все-таки получить диплом. Он жил все в той же сто девятой комнате общежития, что давало возможность каждому гостю повторять надоевшую уже Аун Сану шутку о том, что он живет в тени сто девятой статьи английского уголовного кодекса, в которой говорилось что-то о возможности выдачи денежного залога и передачи преступника на поруки.

Теперь Аун Сан большую часть времени проводил в библиотеке университетского совета. Там иногда и спал на скамейке. Студенты и другие «подозрительные личности» могли появиться в совете в любое время дня и ночи, и как-то повелось, что бессменным дежурным в совете был Ко Аун Сан. Старик сторож приносил ему горячий чай — Аун Сан благодарил его рассеянно и снова углублялся в книгу.

Весной следующего года он с отличием защитил диплом, но университета не покинул, а остался в аспирантуре по международному праву. «Мне не хватает знаний, — жаловался Аун Сан друзьям, — и вот разрываюсь. Стране нужны политики образованные».

На каникулы он не поехал домой — некогда было, дела студенческие не оставляли уже свободного времени. Больше года он не видал мать, скучал без нее, но не смел написать ей, чтобы приехала. Она приехала сама, остановилась у родственников в пригороде. Когда Аун Сан узнал о ее приезде, у него сидел один из его друзей. Разговор был важным, и Аун Сан, чтобы не прерывать его, попросил товарища доехать с ним до родственников.

До Су разволновалась, увидев сына, засуетилась, стала доставать гостинцы — и говорила, говорила…

Аун Сан сидел, нахмурившись, еле отвечал ей, можно было подумать, что он вовсе не рад ее приезду. Товарищ старался вставлять свои реплики, чтобы как-то раскачать Аун Сана. А тот еще больше замыкался. Потом встал, попрощался с матерью и ушел.

Товарищ догнал его уже на улице.

— Чего же ты?

— Не приставай.

Через несколько дней они снова вдвоем поехали провожать До Су на вокзал. Когда поезд тронулся, Аун Сан сделал несколько шагов по платформе, будто хотел сказать что-то важное. Но остановился и так и не поднял головы, пока поезд не набрал скорость. А потом вдруг упал на колени на платформе, сложил руки ладонями вместе и поклонился до земли. Мать видела сына, может, секунду всего, пока поезд не скрылся за поворотом.

На обратном пути Аун Сан вдруг сказал товарищу:

— Ты знаешь ведь, я самый младший у нас в семье. И меня все любят. И у матери я самый любимый. А я ей не пишу совсем. Она не имеет ничего против того, что я занимаюсь политикой, — у нас в семье все политики. Но ей кажется, что я ее недостаточно люблю. И мне ее очень жалко.

Через несколько недель после этого Аун Сан неожиданно собрался, попрощался с товарищами, передал все дела заместителю и уехал в Натмаук. Его не было недели две. А однажды вечером, часов в десять, он объявился у Тейн Пе, который уже ушел из университета и жил на Барр-стрит. Аун Сан был неузнаваем. В новых лоунджи, в новой рубашке, поправившийся, веселый, в новых ботинках и аккуратно подстриженный. В руке у него был черный сундучок. Тейн Пе выглянул в окно, терзаемый страшными подозрениями. Так и есть — там стоит извозчик. Это уже было совсем необыкновенным расточительством.

Аун Сан понял растерянность товарища. И захохотал громко и заразительно.

— Я стал буржуем. Это все моя мать. Наконец-то я себя чувствую представителем эксплуататоров. Я тебе больше скажу — у меня есть пятьдесят рупий, тоже ее подарок. Всех кормлю. В какой хотите ресторан?

Ко Хла Пе, который оказался в этот час у Тейн Пе, вмешался в разговор.

— Десять рупий немедленно отдай мне. А то меня завтра с квартиры выгонят.

— Держи. Но у нас еще есть деньги на ресторан. Надо же раз в жизни как следует поужинать.

Теперь уже знакомых Аун Сана не смущали его манеры, резкие смены настроения, не обижало то, что порой, задумавшись, он забывал поздороваться. Он еще не всегда мог владеть собой, подавлять взрывы гнева. Однажды случилось так, что на одном из студенческих собраний студент выступил с нападками на Рашида, первого президента Всебирманского студенческого союза. Аун Сан слушал его, слушал, потом вскочил с места, стащил говорившего с трибуны и спросил:

— Когда тебе лучше со мной встретиться? Я тебе покажу, как оскорблять честных людей. Или ты хочешь, чтобы я тебе сейчас показал?

Он размахивал кулаками перед лицом перепуганного противника. И только подоспевшие друзья избавили студента от кулачного боя.

Также попало однажды и неразумному Ньо Мья, тому, что в свое время написал злополучную статью. Но через пару дней Аун Сан написал листовку — извинение перед Ньо Мья, сам отпечатал ее на ротаторе и сам распространил по университету. Аун Сан учился контролировать себя. Правда, и потом, в зрелые годы на него нападали вспышки гнева, но он брал себя в руки, и только по глазам собеседник мог догадаться, что Аун Сан еле сдерживает себя.

Университетские власти к тому времени не только отлично знали Аун Сана, но понимали, что выгнать его из университета уже не удастся, а применять против него какие бы то ни было репрессии значило только увеличить его популярность, решили купить студенческого лидера. Еще за несколько месяцев до окончания аспирантуры в университет приехал директор управления трудоустройства. Аун Сана вызвали в ректорат и предложили место районного комиссара в провинции — место высокое, о котором мечтали многие «шелковые лоунджи». Обычно районными комиссарами были англичане.

Аун Сан отказался. И отказ его был окончательным. Все последующие попытки склонить его на сторону властей кончались так же безрезультатно.

В Мандалае с успехом прошла первая всебирманская студенческая конференция. Гостями на ней были Джавахарлал Неру и Индира Ганди. Это была первая встреча Аун Сана и Неру, которая впоследствии перешла в дружбу, прерванную только смертью Аун Сана.

В 1938 году провели вторую конференцию и после нее организовали летний лагерь для студентов. Никуда не годный

пловец Аун Сан чуть не утонул в этом лагере. Друзья успели его вытащить в последний момент.

Аун Сан и во Всебирманском студенческом союзе не прекратил совсем литературной деятельности. Он основал журнал «Мьо Ньюнт» — «Молодежь нации» и почти для каждого номера писал статью по самым различным вопросам.

Для чтения книг оставались ночи. А чтобы подработать — мать не могла посылать много, да и Аун Сан никогда не просил ее об этом, — писал для толстых журналов рецензии и в журнале «Дагон» — историю политических учений, начиная с популярного изложения философии древних греков. Правда, эта серия статей растянулась на несколько лет, и он так и не окончил ее — началась война.

Много дел оставалось и в университете. Почти все студенты до сих пор принадлежали к различным ассоциациям и союзам, которые пользовались активной поддержкой ректората. Были здесь и союзы однокашников и союзы «района, из которого мы родом», религиозные ассоциации и множество им подобных. Основной целью их было разобщить студентов, отвлечь, их от сотрудничества в общем студенческом союзе и порой натравить их друг на друга. Существование этих союзов имело неблагоприятное для движения материальное значение. Все карманные деньги студентов, если таковые имелись, уходили на взносы в ассоциации и союзы. А студенческому совету не хватало денег — и еще как не хватало.

Наверно, не меньше года разъяснений, споров и даже ругани ушло на то, чтобы убедить студентов, что дело освобождения Бирмы важнее воспоминаний о школе, в которой ты учился. Понемногу союзы распадались. А на новые взносы удалось расширить библиотеку и даже нанять старика сторожа У Кан Тейна, знакомого впоследствии не одному поколению студентов. У Кан Теин не стриг волос, а носил их по старому обычаю завязанными в пук на затылке. Он боготворил Аун Сана, и сели бы не он, Аун Сан часто забывал бы поужинать.

Проблема сбора средств оставалась проблемой номер один. Аун Сан и другие члены совета чуть ли не половину свободного времени тратили на то, что обивали пороги контор, министерств и частных домов с просьбой о помощи. Им приходилось выслушивать немало оскорблений, обвинений в нищенстве, и не раз их выставляли без гроша.

Мало проку было и от местных политиков. Они чаще всего предпочитали высказывать на словах поддержку студентам, но когда доходило дело до помощи, они сказывались больными или их просто не было дома для студенческих просителей. Один из

министров, перепуганный тем, что его могут заподозрить в сочувствий студентам, заявил через секретаря Аун Сану, что у него великий пост, а потому он не может дотрагиваться ни до чего мирского, в том числе и до денег. Пост затянулся надолго. Аун Сан нарочно несколько раз еще заходил к министру, но тот так ничего лучше поста и не придумал. Однако не все бирманцы вели себя, как этот министр. Например, самый известный бирманский танцор того времени У По Сейн почти каждый месяц давал представления, сборы с которых шли на нужды студентов. И он был не одинок. В конце концов удалось ведь организовать и конференции и лагерь и создать одну из лучших в Бирме библиотек.

С ростом известности Аун Сана прибавлялось у него и друзей и врагов. Но врагов он не боялся. Даже говорили как-то Ко Мья Сейну: «Если хочешь всем угодить, а это невозможно, то в результате кончишь тем, что не угодишь никому. Если перед тобой стоит проблема, сначала убедись, что тебе известны все факты, а потом решай окончательно так, как ты считаешь нужным. Самос важное — выразить желания большинства, действовать в интересах большинства. Этим ты пойдешь против интересов меньшинства, меньшинство встанет против тебя, но уж такова человеческая натура, что если ты честен и последователен в своих действиях, то в глубине души они же будут тебя уважать».

И как только выдавалась свободная минута, он продолжал учиться. Как-то один из друзей даже застал его говорящим по-английски перед зеркалом. А ведь это было уже в те дни, когда репутация Аун Сана как оратора была достаточно высока. Его приглашали выступать и на всех студенческих собраниях и на митингах такинов.

Такины чувствовали себя в университете как дома. В случае опасности всегда можно было укрыться в общежитии у кого-нибудь из членов университетского совета. Здесь же проходили некоторые совещания.

В среде самих такинов не было в то время согласия. Решался вопрос — как, какими методами бороться за независимость. Левое крыло такинов во главе с Кодо Хмайном стояло за решительные действия, за борьбу не только парламентскую, но, если понадобится, и вооруженную. Правые такины тянули партию к чисто легальной деятельности, к соглашению с англичанами.

Однажды руководители студентов получили записку от Кодо Хмайна с просьбой прийти к нему.

Одноэтажный небогатый дом писателя в тихом переулке был всегда открыт для любого, кому нужны были совет, помощь. Аун Сан уже бывал там, и не раз. Чаще всего, чтобы взять у Кодо

Хмайна какую-нибудь книгу, отсутствовавшую в университетской библиотеке, или послушать новую поэму писателя.

Кодо Хмайн ждал гостей. Он встретил их у входа. Разувшись, студенты прошли в комнату, уставленную шкафами с книгами. Уселись в кружок на циновке.

Хозяин подвинул на середину плошку с орешками и коробку шерутов.

— Вы знаете, почему я вас пригласил?

— Догадываемся, — ответил за всех Аун Сан.

— Да, раскол в партии неизбежен. Партия так быстро росла, что к ней, как бывает в таких случаях, примазалось много случайных людей. Тех, кто хочет сделать карьеру в политике, не считаясь со средствами. Теперь их лицо определилось. Ну, а кроме них, есть просто люди осторожные, которые боятся, что англичане их арестуют, уволят с работы, лишат спокойной жизни. Они не поняли с самого начала, что членство в нашей партии предполагает такую потерю. Когда все эти люди уйдут от нас, партия только окрепнет. Но одним из условий этому — приход в нее новых сил. Молодых людей. Самоотверженных, любящих свободу и родину больше всего на свете. Пришло время вам, студенческим лидерам, принять решение. Вы нужны партии, вы нужны Бирме.

— Мы, конечно, согласны, — сказал кто-то из гостей. — Но как в университете?

— В университете останутся наши ребята. Те, с кем работали вместе, — ответил Аун Сан. — Дело не в этом. Жалко бросать учебу.

— Я никого не хочу принуждать, — сказал писатель. — Мы можем надеяться на вас только тогда, когда будем уверены, что ваше решение было полностью искренним и окончательным. Боюсь, что обратного пути не будет.

Все было понятно. Через несколько дней Аун Сан и еще двое из членов совета покинули университет. Аспирантура осталась незаконченной.

Так в октябре 1938 года Ко Аун Сан стал Такин Аун Саном.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ТАКИН АУН САН

1

Аун Сан стал такином в «год революции», в год, наполненный событиями, волнениями, стачками, демонстрациями, расстрелами и яростной политической борьбой.

Приход студенческих лидеров в «Добама» влил новые силы в партию, и получилось так, что с первых же дней студенты заняли там руководящие посты. Аун Сана избрали генеральным секретарем.

Теперь он живет в штабе партии, одевается только в домотканые лоунджи, не выпускает изо рта шерута — бирманской сигары.

Аун Сану в новой его должности предстояло много работы по организации партии, превращению ее из разрозненной федерации, без строгих правил членства, без дисциплины в боевой кулак. Предстояло очистить партию от сомнительных попутчиков, организовать боевые дружины «Добама».

Аун Сан уже не тот провинциальный юноша, что робко шел по аллеям университета с мешком за плечами. Ему двадцать три

года, но из них четыре почти полностью отданы политической борьбе. И по части организаторского опыта он может дать несколько очков вперед старшим политикам из «Добама» — ведь могучий Всебирманский союз студентов, решениям которого подчиняется молодежь в любом уголке Бирмы, в большой степени его детище.

Аун Сан любил повторять в те дни: «Настоящая политика не грязная игра». Он хотел добиться того, чтобы грязь, которой замазали себя бирманские политики из Законодательного совета, не приставала к такинам. И признанием честности Аун Сана могут служить слова одного из первых профсоюзников Енанджауна, сказанные после того, как он встретился с Такин Аун Саном во время забастовки нефтяников в 1938 году.

«Я годами искал настоящего лидера — освободителя, но напрасно. И теперь, когда я почти потерял надежду, внезапно встретился с ним. Этот человек, этот лидер — не кто иной, как всем нам известный Такин Аун Сан».

Что бы ни говорили об Аун Сане враги его и друзья, которые в словоохотливости своей иногда становились хуже врагов, никто никогда не смог поставить под сомнение исключительную честность и искренность Аун Сана. Эта черта его, проявившаяся с детства, не изменявшая во время всей его короткой жизни, привлекала к нему друзей, смущала и пугала врагов. Нет ни единого человека, который мог бы похвастаться, что подкупил Аун Сана, соблазнил его обещаниями легкой, богатой жизни, заставил его хоть на минуту свернуть с пути, который тот выбрал для себя, — пути к освобождению Бирмы.

Аун Сан — тот редкий пример человека, находящегося во власти единой благородной идеи, идеи, которой он посвятил свою жизнь и во имя которой пожертвовал жизнью.

В штабе партии Аун Сану отгородили небольшую комнату, вернее келью, и он немедленно загромоздил ее книгами и рукописями, которые он читал по нескольку сразу, а потому они были везде — на кровати, на полу, на стульях. В штабе всегда было полно посетителей. Приезжали делегаты из деревень, заходили просто любопытные, тут же проходили летучие совещания, планировались демонстрации и забастовки. Голодать ни Аун Сану, ни другим членам ЦК уже не приходилось — каждый гость привозил с собой что-нибудь поесть. Кто курицу, кто мешочек рису, кто рыбного паштета — нгапи. И каждый хотел встретиться с самим Такин Аун Саном. Еще бы, все знали, что партией руководит бакалавр искусств, который мог бы стать и магистром, если бы захотел. Образованный, ученый человек, знает больше многих монахов и даже не уступит англичанину,

самому образованному англичанину.

Но генеральный секретарь разочаровывал посетителей. Сколько раз случалось, наседали на него крестьяне, думая, что перед ними мальчик на посылках, и требовали: проведи нас к Такин Аун Сану. А тот уже знал, что разочарует гостей, и отвечал, что генерального секретаря нету, уехал на совещание. Одна дама из женской организации прочитала ему длинную нотацию о том, что нельзя служащему штаба такинов быть таким невежливым, невоспитанным мальчиком. Он должен встать и найти Аун Сана, раз уж его сюда допустили. Зашедший в комнату такин, надрываясь от смеха, объяснил ей, что этот невежливый мальчик, который не хочет поднять носа от газеты, и есть генсек. Пока пораженная дама оправдывалась, Аун Сан потихоньку выскользнул из комнаты и был таков. Женщин он побаивался.

Как-то получилось, что несколько дней никто не приносил еды, не было гостей из деревень. Жалованья такины не получали, так что когда подъели последние крохи, наиболее предприимчивый и практичный Тан Тун повел голодных членов ЦК в ресторанчик, где обе официантки питали к нему нежные чувства. Но через несколько минут Аун Сан прибежал обратно в штаб. «Что случилось?» — спросил Хла Пе, который надеялся поужинать у родственников, а потому не присоединился к друзьям. Оказывается, когда такины управились с супом, Тан Тун объявил девушкам, что платить им нечем, а потому, раз уж они начали кормить такинов, то пусть несут побольше риса и овощей, потом расплатятся за все сразу. Аун Сан не стал дожидаться, принесут ли девушки рис, обиделся на друзей и ушел из ресторана.

— Мы боремся за справедливость, а тут же сами ведем себя нечестно, — объяснил он Такин Хла Пе.

Скоро вернулись веселые, сытые такины. И принесли в банановых листьях еще теплый рассыпчатый рис.

— Это для тебя. Девушки просили передать, — сказал Тан Тун. — Они не могут допустить, чтобы из-за ложной скромности умер с голоду будущий вождь свободной Бирмы. Ешь.

Аун Сан улыбнулся и взял сверток.

И все-таки это было хорошее время. Аун Сан был окружен верными друзьями, все были молоды, ни на минуту не сомневались в победе, готовы были неделями ездить от деревни к деревне, от рисорушки к рисорушке и беседовать с рабочими и крестьянами, убеждать организовываться в союзы, начинать борьбу. Старые «адвокаты» были не страшны. Они уже достаточно разоблачили себя и так тесно связали свою судьбу с англичанами, что с каждым днем все больше их сторонников переходило в

лагерь такинов.

По стране уже насчитывались сотни отделений «Добама».

Аун Сан лично знал многих студентов и усиленно привлекал их к работе в отделениях партии, среди рабочих и крестьян. И когда началась всеобщая забастовка нефтяников Чаука и Енанджауна, среди ее лидеров, среди организаторов первых профсоюзов были и студенческие лидеры. Забастовка началась еще в первой половине тридцать восьмого года, и в ней приняли участие десять тысяч рабочих. Забастовка затянулась. Хозяева нефтепромыслов ни за что не хотели идти на уступки, не хотели удовлетворить требований рабочих о сокращении рабочего дня, а он официально продолжался двенадцать часов, об улучшении условий труда, о создании профсоюзов. Осенью 1938 года нефтяники решили начать голодный поход на Рангун. И когда на полпути их лидеров арестовали, на место их встали приехавшие из Рангуна такины.

Еще не успел дойти голодный поход до Рангуна, как арестовали и такинов. В ответ на это забастовали школьники и студенты. Они решили патрулировать все входы в секретариат — центр английской Администрации и место заседания парламента.

С утра студенты перекрыли входы в секретариат и до полудня чиновники не могли добраться до своих рабочих мест. К двенадцати часам было решено, что студенты добились своего, и по цепочке был передан приказ — оставить посты у ворот и собраться на Спаркс-стрит и оттуда одной колонной вернуться к университету.

Не успела колонна построиться, как с конца улицы появился отряд полицейских. Надо сказать, что центр Рангуна распланирован правильно, улицы в нем прямые и пересекаются под прямым углом, так что полицейские видели, что студенты собираются уходить и не предпринимают никаких враждебных действий.

Часть полицейских была на конях, часть шла пешим строем, но оба отряда врезались в толпу студентов одновременно, избивая демонстрантов дубинками, сбивая конями. Ко Аун Джо, студент из колледжа Джадсона, который старался прикрыть собой девушек, был избит так, что в тот же день умер. Более двухсот студентов были ранены.

На следующий же день в стране началась всеобшая стачка. Демонстрации по всей Бирме. И из каждого города приходили вести — полиция стреляет, полиция убивает демонстрантов. Особенно много студентов погибло в Мандалае. Во главе демонстраций шли такины. И кончали свой путь или в госпитале, или в тюрьме. Для многих это было первое, но не последнее

знакомство с английской тюрьмой. И все-таки, несмотря на жертвы, тридцать восьмой год показал всем, и в первую очередь самим такинам, их силу, их влияние в народе. Один из участников этой стачки говорил впоследствии: «Любой кризис — серьезное испытание, и мы с гордостью помним смелость и товарищество, которые родились в бурные дни тридцать восьмого года».

Нефтяники в эти дни достигли Рангуна. Их было вместе с присоединившимися к ним по пути крестьянами и рабочими более четырех тысяч человек, прошедших через долгие месяцы забастовки и сотни километров пути по Бирме. Из четырех тысяч, остановившихся лагерем у подножия пагоды Шведагон, около пятисот «зачинщиков» было арестовано. Но это не сломило участников похода. Теперь шефство над ними взяли такины. Они, как два года назад их старшие братья, приносили забастовщикам пищу, лекарства и помогали охранять лагерь на шведагонском холме.

Слетело, не выдержав шторма, правительство Ба Мо. Два года с лишним он держался наверху, старался угодить англичанам, надеясь на полную безопасность за их спиной. Но не учел того, что хозяевам ничего не стоило сменить его на другого, менее скомпрометированного политика, если этот шаг не угрожал их интересам.

В эти дни, в начале 1939 года, попал в тюрьму за выступление на одном из митингов Такин Аун Сан. Но новое правительство, боясь возобновления стачки, уговорило англичан выпустить генсека такинов. Аун Сан провел в тюрьме всего несколько дней и, к своему собственному удивлению, так скоро вернулся в свою келью в штабе «Дабама», что даже книги не успели запылиться.

2

И снова поездки, митинги, речи. Если нанести на карту Бирмы все маршруты поездок Аун Сана за предвоенные годы, карта покроется паутиной линий. Выступал не только в тех районах, где такинов уважали и слушали, стараясь не пропустить ни одного слова. Бывал в горячих переделках.

Раз Аун Сан приехал в Дедайе, оплот Ба Мо, городок, в котором Ба Мо родился, городок, который распирало от гордости за так далеко пошедшего земляка. Дедайе — городок маленький, и многие в нем или родственники Ба Мо, или его давнишние друзья. И Аун Сану советовали объехать Дедайе сторонам —

попытка выступить там может плохо кончиться.

Когда в городке узнали, что приехал Аун Сан и хочет выступить перед жителями его, ни у кого не осталось сомнений, что этот такин и слова доброго не скажет про их идола.

К Аун Сану подошли несколько молодчиков из частной армии Ба Мо. В то время многие политические деятели нанимали себе частные, карманные армии не столько для личной охраны, сколько для обеспечения нужного настроения на собраниях и расправы с неугодными оппонентами. Была такая армия и у У Со, была частная армия и у такинов. Только армия такинов состояла из боевых дружин студентов и рабочих, и солдатам ее никто, разумеется, ничего не платил.

Молодчики Ба Мо предложили такину убираться из города подобру-поздорову. Аун Сан даже отвечать им не стал. Раздвинул стоявших перед ним и прошел дальше. И так спокойно и уверенно сделал это, что солдаты остались стоять в растерянности. Конечно, Аун Сану и нечего было мечтать выступить в Дедайе, если б и там не было такинов и людей, которые хотели послушать такинского генсека. Старейшины городка дали согласие на речь, но добавили, что за безопасность такина не отвечают.

В сумерках на футбольном поле собралось несколько сот человек. Почти все взрослое население городка. Аун Сан помолчал несколько секунд и начал без долгих предисловий:

— Вы ожидаете, что я буду говорить о правительстве доктора Ба Мо, буду говорить против этого правительства. И вы совершенно правы.

Аун Сан выступал с трибуны, покрытой цинковой крышей. Не успел он кончить первую фразу, как в него полетел град камней. Солдаты Ба Мо получили четкие инструкции. Большинство камней попадало на крышу, и гром поднялся такой, что минуты две Аун Сан не мог сказать ни слова. А потом вдруг крикнул, и так громко, что его услышали на дальнем краю поля:

— Вы, кто бросает в меня камнями! Вы оскорбляете аудиторию, своих соседей. Если вы меня не любите, подождите, пока я кончу говорить, я спущусь к вам, и вы сможете бить меня, сколько вам нравится!

И он как ни в чем не бывало продолжал речь. Больше ни одного камня не упало на крышу, а когда Аун Сан кончил, его окружили жители города и провели в дом, отведенный для ночлега. Солдаты Ба Мо даже и не попытались воспользоваться предложением такина.

Аун Сан никогда не отличался очень крепким здоровьем. А в беспрерывных поездках часто болел — дизентерией, лихорадкой. Даже заразился в одной из деревень черной оспой и пролежал

несколько недель в рангунском госпитале. Из госпиталя он в конце концов убежал, потому что рангунские власти узнали о его болезни и дали приказ врачам под предлогом карантина задержать его в госпитале как можно дольше. Убежал Аун Сан в полосатой госпитальной пижаме, и такинам, которые ждали у ворот, пришлось связать больничного сторожа, чтоб тот не смог поднять тревоги.

Денег на поездки почти не было, так что приходилось многие мили отмеривать пешком по горам, и размокшим рисовым полям, и невероятно пыльным, избитым волами тропинкам Верхней Бирмы.

Однажды ночью он постучал в дверь комнаты общежития старого друга по университету. Тот зажег свет и с первого взгляда понял, что с Аун Саном что-то неладно. Аун Сан пробормотал, что плохо себя чувствует, и устало опустился на единственный стул. Друг побежал в соседнюю комнату, разбудил товарищей, а когда они вернулись, нашли Аун Сана на полу потерявшим сознание. Он очнулся через несколько минут, попросил отвезти его в центральный госпиталь, где можно было дать вымышленное имя и затеряться среди сотен больных.

Студенты разбудили хозяина студенческой столовой, у которого был старый «фордик», подогнали машину к входу и снесли в нее Аун Сана. Но повезли не в центральный госпиталь, а к университетскому врачу. Они не знали, что с Аун Саном, и боялись, как бы он не умер по дороге. Тот осмотрел Аун Сана, которого выдали на всякий случаи за гостя из провинции, и сказал, что случай серьезный. У Аун Сана была тропическая малярия. Доктор запретил везти Аун Сана в госпиталь, а поместил его в палату при медпункте. Там Аун Сан и провел несколько дней, пока не окреп настолько, что смог снова пуститься в странствия.

Он еще не раз будет пользоваться университетом как надежным убежищем. И в сороковом году, когда за ним охотилась полиция, Аун Сан несколько раз скрывался в университетской сушилке для одежды, куда его впускал знакомый сторож.

А тем временем положение в стране накалялось. Такинам приходилось все труднее, и сменяющиеся колониальные правительства вносили их в список своих врагов под номером один.

3

В Сагайне, небольшом городке Средней Бирмы, на веранде

клуба собрались почти все местные англичане. Районный комиссар — старый, потрепанный дизентерией и лихорадкой, пожелтевший в тропиках служака; моложавый блондин с военной выправкой — его помощник, которого недавно перевели из Египта; судья, начальник полиции и два коммерсанта — представитель компании «Стил Бразерс» и англобирманец из банка «Чартерз».

Вечер был жаркий, и воздух казался таким густым и мокрым, что люди с трудом проплывали сквозь него. Скоро должны были начаться дожди, и над рекой, на горизонте, громоздились темные тучи и вспыхивали зарницы уже пришедшего в Рангун муссона.

Клуб стоял на холме, неподалеку от облезшей старинной пагоды. В обычные вечера здесь бывало прохладно, и ветерок, прилетавший с Иравади или с чинских холмов, будил воспоминания об июльском вечере дома, в Англии.

Под потолком поскрипывал ширококрылый фен, но и ему не удавалось разогнать духоту. Люди на веранде не спеша тянули виски — много соды, много льда и совсем мало виски. Не потому, что кто-нибудь хотел напиться, а скорее потому, что надо было чем-то заняться, если уж и бильярд и бридж опротивели, а главное, собравшиеся опротивели друг другу.

— Мне говорил Ба Шин, осведомитель, что к нам политик из Рангуна пожаловал, — сказал начальник полиции.

— Из Рангуна?

— Из Рангуна. Они что-то зачастили к нам. Вроде бы тихое место, живем спокойно…

— А они теперь всюду добираются. В Магве арестовали сразу семерых.

— А что вы собираетесь делать с этим агитатором?

— Отдал приказ арестовать. У меня есть разъяснение на этот счет из Рангуна. Такинских агитаторов изолировать.

— Простите, но это мало помогает, — сказал англобирманец. — На место каждого агитатора становятся два других. — Англобирманец старался показать, что он находится в оппозиции местному обществу, потому что чувствовал, что терпят его только за острой нехваткой партнеров для бриджа.

— Наше дело выполнять приказы, — сказал начальник полиции. — Появятся еще два — возьмем и их. Хотя я лично предпочел бы в ближайшие два-три года находиться не здесь, а за десять тысяч миль к западу.

На террасе замолчали. Внизу, на Иравади, поблескивали огоньки пароходов и барж. На ночь они подошли к берегу и бросили якоря, чтобы не сесть на мель, потеряв в темноте изменчивый фарватер. В кустах зашуршало что-то. В ночных

шорохах было нечто зловещее, враждебное кучке людей, отрезанных от внешнего мира беспросветной бирманской ночью, осажденных ею в круге света мерцающих керосиновых ламп.

— Вчера я видел искателя кладов, — сказал районный комиссар. — На том берегу, в Аве. Он увидел ночью духа, и тот показал, где искать клад.

— Тема как нельзя кстати, — сказал начальник полиции. — В эту ночь…

— Вас волнует, поймают ли такинского агитатора?

— Не только в этом дело. Извините, что я перебил вас, сэр.

— На чем я остановился? Да, он мне даже показал кость этого духа.

Все присутствующие — старожилы, за исключением помощника комиссара, — согласно кивнули. Но помощник решил внести ясность в рассказ.

— Как так кость? Ведь вы же, сэр, сказали о духе.

— Сначала дух, или нат, как их здесь называют, был человеком, таким же, как я или вы, — улыбнулся комиссар. — Но в древней Бирме был обычай, не знаю, насколько правдивы рассказы о нем, закапывать рядом с сокровищем живьем человека, чтобы дух его оберегал драгоценности.

— И при освящении храмов, — сказал начальник полиции.

— Да, но, вернее всего, это чепуха. По крайней мере искатель кладов показал мне кость, очень напоминающую свиную. Я не стал спорить. Дети…

— Вы так не думаете в самом деле, комиссар, — сказал представитель «Стил Бразерс». — В глубине души каждый из нас, проживших по нескольку лет здесь, начинает верить в натов, переселение душ и всякие такие веши. В конце концов скоро как полсотни лет мы правим этой страной, а что мы знаем о бирманцах? Понимаем мы их? Вот начальник полиции говорил сегодня об агитаторе.

— Ну уж эта тема понеприятнее привидений, — перебил его начальник полиции. — Лучше я расскажу о случае, который произошел со мной лет пять назад в Аракане, на южном побережье Бирмы. Подвиньте мне, пожалуйста, сигары. Благодарю вас. Так вот, пришлось мне по долгу службы остановиться на ночь в покинутой столице араканских королей. Дом для проезжающих там расположен как раз неподалеку от того места, где, по преданию, закопано большое сокровище. Он стоит на высоких столбах и окружен верандой, на которую ведет лестница. И из моей комнаты хорошо была видна эта лестница. Я сижу в комнате, и вдруг весь дом вздрагивает. Я решил: небольшое землетрясение. И в тот же момент увидел старушку,

поднимающуюся по ступеням. Я очень удивился. А она идет, не отрывая от меня взгляда, и, знаете, мне как-то стало не по себе. Потом пошла вдоль веранды и исчезла.

Начальник полиции прервал рассказ, чтобы раскурить сигару. На террасе англичане чувствовали себя неуютно. Казалось, ночь смыкается все теснее вокруг них. Враждебная ночь.

— Я крикнул слугам, чтобы пришли, но никто не появился, — продолжал полицейский. — Тогда я понял, что видел привидение. Это чувство нельзя описать… В общем остаток ночи, признаюсь, я не спал. А утром спросил у местного старейшины, кто была эта женщина. И тот подтвердил — нат, то есть дух женщины, пойманный мгновенной смертью в магическую сеть. Теперь привидение не может покинуть место, на котором погибло ее тело.

— Я не верю в духов, — слишком громко сказал молодой заместитель комиссара. — Мы стояли в Кантаре, на берегу Суэцкого канала. Как-то толпа арабов взбунтовалась и убила нашего солдата. Мы поспешили туда. Разумеется, расстреляли их, сотни две уложили на месте. Злы очень были. А ночью пришлось мне стоять с патрулем на площади, среди трупов. И ни одного привидения я не видел. А если бы привидения были, сколько бы я их за ту ночь увидал?

Помощник комиссара засмеялся. Никто не поддержал его. Тот оборвал смех.

И в этот момент на освещенной дорожке, ведущей к веранде, показалась человеческая фигура. Она двигалась совершенно бесшумно, легко. Это был молодой мужчина, почти юноша. Человек поднялся по лестнице на веранду, прошел мимо замерших англичан и исчез в комнате.

Первым пришел в себя начальник полиции.

— Бой! — крикнул он, вскакивая с кресла. — Бой!

Бой появился не сразу.

— Да, сэр?

— Тут проходил кто-нибудь?

— Нет, сэр.

— Ты врешь.

— Я никого не видел, сэр.

— Пойдем на кухню. Я переверну весь дом…

— Не надо, — перебил его комиссар. — Даже если это и не привидение, ручаюсь, вы ничего не найдете.

А внизу, у одного из сампанов, человек, которого видели на веранде, тихо свистнул. С сампана раздался ответный свист. Человек перепрыгнул через полосу воды.

— Вы Такин Аун Сан? — спросил его хозяин сампана.

— Да. Еле сбежал от полиции.

— Как вам это удалось? Ведь здесь крутой обрыв — нигде не прорвешься. А на дороге, я сам видел, стоит кордон.

— Мне друзья сказали, что к пристани ведет тропинка из кухни английского клуба.

— Да, но там же англичане…

— Я рассчитывал на внезапность. Просидел некоторое время в кустах, послушал, как они говорят о привидениях, и прошел спокойно через веранду, на которой они сидели. Они себя уже достаточно подготовили к моему появлению.

Сампан отчалил и, не зажигая огней, заскользил вниз по течению, к Магве.

Хозяин сампана несколько раз бросал рулевое весло, заглядывал под навес и, трясясь от неудержимого хохота, расталкивал дремлющего Аун Сана. Спрашивал:

— А как привидения ходят, ты знаешь?

Или:

— Они теперь под своим клубом клад искать будут!

И снова исчезал в ночи, и только с кормы доносился его приглушенный хохот.

А Аун Сан, засыпая, думал с благодарностью о бое английского клуба, который, не говоря ни слова, показал ему тропинку к реке. И не выдал потом. Ведь погони за ним не было.

4

1939 год ознаменовался несколькими важными событиями как чисто внутреннего значения, так и связанными с событиями во внешнем мире.

Правительство Ба Мо сменилось правительством У Пу, правительством безликим, полностью послушным англичанам, которое с не меньшим усердием продолжало аресты такинов и профсоюзных деятелей.

В этом правительстве министром лесов стал У Со, адвокат из Таравади, защитник Сая Сана, по воззрениям чистый фашист, а по манере действий — оппортунист и приспособленец.

А Ба Мо, обиженный на своих друзей англичан, ушел в оппозицию и стал произносить «революционные» антианглийские речи, чтобы сколоть сильную партию и вернуться к власти.

Такины же за этот год добились большего, чем за все предыдущие. В январе под их руководством была создана Всебирманская крестьянская организация. На конференции присутствовало несколько тысяч крестьян со всей Бирмы.

Значение ее трудно переоценить, потому что именно созданием этого союза стихийное крестьянское недовольство было повернуто в русло организованной борьбы. Конференция приняла резолюцию, в которой призывала крестьян бороться за национальное освобождение, за ликвидацию помещичьего землевладения и национализацию земли и, наконец, за создание социалистического государства рабочих и крестьян. Даже если не знать, что конференция была организована по инициативе такинов, легко было догадаться об этом — резолюции ее звучали по-такински.

На очереди стояла организация рабочих.

За тридцать девятый год в Бирме прошло более двадцати пяти крупных забастовок — рекорд для страны. Рабочий класс вырос не только количественно, но и делался все более сознательной силой. В стране насчитывалось несколько профсоюзов, большинство которых находилось под влиянием такинов. Инициативу объединения их в единый орган взяла на себя «Добама».

В марте партия созвала национальную конференцию рабочих, на которую приехали делегаты нефтяников, шахтеров, грузчиков, текстильщиков, рабочих рисорушек и лесопилок, транспортники и табачники. Конференция постановила создать единую профсоюзную организацию в Бирме. К тому времени в Бирме насчитывалось несколько марксистских кружков — и в Рангуне и в других городах. Влияние коммунистов ширилось. В работе кружков принимал участие и Аун Сан.

В начале сорокового года Аун Сан побывал в Индии. Он возглавлял бирманскую делегацию на съезде Индийского национального конгресса.

Это была первая заграничная поездка Аун Сана, и он сам придавал ой большое значение. Он познакомился не только со многими индийскими революционерами, но и увидел, как живет Индия, как она борется за свободу.

Нельзя забывать, что отношения между индийцами и бирманцами в Бирме порой оставляли желать много лучшего. Сотни тысяч индийских иммигрантов приезжали ежегодно в Бирму и, изголодавшиеся, доведенные до отчаяния, соглашались на любую работу, за любую плату. Они невольно становились штрейкбрехерами в конфликтах бирманских рабочих, сбивали зарплату.

Другая категория индийцев — торговцы, ростовщики, полицейские, чиновники — держалась англичан, служила им и грабила не только бирманских крестьян и рабочих, но и притесняла, не давала проходу бирманским помещикам,

торговцам и чиновникам.

Что касается чиновников и ростовщиков — они были в Бирме в безопасности, за ними стояли английские солдаты. А вот индийским рабочим было хуже. Их никто не охранял, и даже, наоборот, порой англичанам было выгодно направить возмущение бирманцев не против настоящих хозяев, а против беззащитных индийцев.

Об этом говорит история, случившаяся еще в 1938 году, в которой принял непосредственное участие У Со.

За несколько лет до этого в Мандалае один из бирманских мусульман выпустил книжку, в которой нападал на буддизм — религию подавляющего большинства бирманцев. Никто тогда не обратил на нее внимания. И только в 1938 году, в году забастовок и больших неприятностей для колониальной администрации, о брошюре вдруг вспомнили. И вспомнили очень вовремя, когда народ был озлоблен, но не каждый осознавал, кто же главный виновник его бед.

Кампанию раздувала газета У Со «Сан». С нападок на автора книжки она перешла к нападкам на всех мусульман, а заодно и на индийцев, которые жили в Бирме. Ругань газеты была чисто фашистского толка, но семена ненависти упали на плодородную почву. 19 июля газета объявила начало «похода» против мусульман. Клич ее был подхвачен другими правонационалистическимн газетами. Был собран митинг «в защиту буддизма».

Правительство делало вид, что в Бирме ничего не происходит, и продолжало арестовывать профсоюзных деятелей и такинов. На митинге, на который собрались в основном не введенные толком в курс дела монахи, произносились горячие речи и агенты У Со требовали немедленного мщения. Собралась большая толпа и, как митинг кончился, направилась к индийскому базару и разгромила его.

На следующий день слухи о «походе» разнеслись по всему Рангуну. В каждом большом колониальном городе есть достаточное число подонков, которые готовы принять участие в любом погроме.

Толпы их во главе с монахами с утра бросились в индийские кварталы. Среди погромщиков были и честные бирманцы, которые решили, что именно избиением индийцев они вернут себе свободу и хорошую жизнь.

Резня индийцев и схватки между погромщиками и индийской молодежью, которая организовывала отряды самообороны, продолжались несколько дней и перекинулись из Рангуна в другие города. Погибло в эти дни более тысячи человек.

Погромы отвлекали внимание бирманцев от настоящей борьбы и, что важно, дали возможность англичанам обвинить в организации их партию такинов, и именно ту ее революционную часть, которую возглавлял Аун Сан.

В заявлении «Добама» в ответ на обвинения английского правительства говорилось: «Религиозные столкновения провоцируются агентами британского империализма, чтобы отвлечь народ от главной цели».

В составе «Добама» были и бирманские и индийские группы. И после окончания погромов Такин Аун Сан принял меры для усиления такинских дружин, для укрепления дисциплины в партии. Погромы не должны были повториться. Они и не повторялись больше. Когда наступило отрезвление, все бирманское общество, даже некоторых из зачинщиков, охватило чувство стыда. Даже самые ярые погромщики поспешили отречься от своего участия в беспорядках.

В начале сорокового года Аун Сан просидел несколько ночей над проектом манифеста «Добама». Он хотел отвезти его в Индию, показать Неру и индийским коммунистам.

Манифест получился конкретным и боевым и в целом был одобрен как коммунистами, так и всем левым крылом бирманского революционного движения. Его обсуждали в ЦК партии такинов, на собраниях профсоюзов, в марксистских кружках и приняли как программу к действию.

Манифест такинов очень важен для понимания их собственной позиции и позиции их вождя перед началом мировой войны и на первом ее этапе, пока эхо ее не докатилось до Бирмы.

«Наша политика, — говорится в манифесте, — направлена на полное освобождение трудящихся масс Бирмы и всего мира от всех видов политического, экономического и социального угнетения. Поэтому мы стоим в первую очередь за полную независимость Бирмы, включая ее горные районы, находящиеся под особым управлением губернатора, от современного империалистического господства и эксплуатации, за создание свободной, независимой народно-демократической республики, которая гарантирует следующие основные права и принципы народу: 1) полную независимость; 2) уничтожение феодализма в «особых районах»; 3) демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства…»

В области экономики такины требовали следующих реформ: «Максимальный восьмичасовой рабочий день, гарантированный минимум заработной платы, ликвидация детского труда, социальное страхование, обеспечение занятости рабочих, право рабочих контролировать свое предприятие. Ликвидация

помещичьего землевладения, бесплатная раздача земель бедному и среднему крестьянству с последующей полной национализацией земли и механизацией сельского хозяйства». И еще, о чем нельзя забывать: «Национализация всех земель, лесов, водных и железнодорожных путей, шахт, предприятий тяжелой промышленности, банков и так далее».

Рассматривая международное положение, такины считали основной прогрессивной силой в мире Советский Союз. «Советский Союз, — писал Аун Сан, — единственный, постоянный и надежный защитник человеческих свобод». Мировая война объявлялась такинами империалистической войной, ибо на том этапе была конфликтом между фашистской Германией и империалистическими Францией и Англией.

Манифест призывал к созданию единого антиимпериалистического фронта, к объединению всех сил страны, которые боролись за национальную независимость. Основной целью такинов было свержение английского господства. На это и были направлены все усилия.

Но война, менявшая на глазах свой характер и становящаяся уже не только империалистической, но и принимающая характер антифашистской войны, внесла коррективы в планы такинов и поставила их перед сложнейшей дилеммой.

5

Борьба 1938–1939 годов не дала желаемых результатов. Не было единства, стачки и демонстрации проходили разрозненно, и множество толчков по английской броне не смогли заменить одного решительного удара.

И получилось так, что среди большинства политических партий, в том числе среди части такинов, наступило разочарование. Появилась пагубная мысль о том, что одним бирманцам с англичанами не справиться. Нужно искать помощь на стороне. Родилась на свет формула: «Трудности для Англии — шансы для Бирмы». Эта формула оправдывала неразборчивость в средствах, оправдывала союз с любой силой, как бы плоха она ни была, если этот союз мог помочь освободиться от англичан.

Сейчас, с высоты прошедших лет, с высоты опыта, накопленного миром, легко судить бирманских революционеров. Им же самим было куда труднее. Один вопрос волновал всех: что сделать, чтобы вернуть Бирме свободу?

Каждый искал своего пути, каждый считал, что его путь самый правильный.

В 1939 году была организована народно-революционная партия. Вот эта партия и стала основным проводником идеи о том, что все средства хороши, чтобы освободить страну. Партия находилась в подполье и была тесно связана с такинами. Вожди ее, некоторые из них входили одновременно и в «Добама», готовили немедленное восстание, отвергая легальные способы борьбы. В партии были сильны националистические тенденции, и руководство ее поглядывало на восток, на могучую Японию. Может, Япония поможет освободиться?

Аун Сан и другие лидеры такинов продолжали попытки создать национальный фронт. В первые дни войны рабочий комитет «Добама», большинство в котором составляли марксисты, опубликовал антифашистское заявление: «Мы осуждаем фашизм не только тогда, когда это нам удобно, а всегда, потому что он находится в противоречии с принципами и идеалами, за которые мы стоим».

Такины были в курсе японской политики в Китае и Корее. Да и английские газеты часто публиковали сообщения о зверствах японцев на севере. Правда, не все бирманцы принимали на веру то, что писали англичане.

«Англичанам выгодно оклеветать японцев, — думали они. — Япония — единственная страна в Азии, с которой связаны наши надежды на помощь. Англичане боятся, что японцы придут на выручку своим братьям в Азии».

Осенью тридцать девятого года «Добама» призвала все бирманские партии прекратить «междоусобную войну» и выработать общую программу по отношению к войне и борьбе за национальную независимость.

И в октябре был создан «Блок свободы Бирмы». Входившие в него партии объединялись на общем требовании признания Англией права на независимость за Бирмой. В блок вошла «Добама» (а значит, и коммунисты и НРП — народно-революционная партия), несколько мелких партий и «Синьета» — «Беднота», партия доктора Ба Мо. За год, прошедший со студенческих расстрелов, Ба Мо окончательно отошел от англичан и, будучи известной в Бирме личностью, умея зажигательно произносить революционные речи, как-то заставил многих забыть о том, что он представляет собой в самом деле. А впрочем, в то время он был искренен в своей ненависти к англичанам, которые не поддержали его в трудную минуту, сменили его с такой легкостью, будто он был не премьер-министром колонии, а последним клерком. Отныне ему с ними было не по пути. Он решил вернуться на свой бывший пост, идя не с англичанами, а против них.

Так случилось, что старый враг Аун Сана оказался с ним в одном лагере. И с этих пор им еще несколько лет придется идти рядом.

«Блок свободы» широко развернул свою деятельность. Члены его разъехались по районам, агитируя за созыв учредительного собрания, за независимость. «Блок свободы» как организация был еще более расплывчат, чем партия такинов, и Аун Сану и его друзьям стоило больших трудов сохранить партию, не дать ей раствориться в рыхлом конгломерате партий и союзов. Все чаще в речах ораторов «Блока» звучала фраза: «Трудности для Англии — шансы для Бирмы», все чаше упоминалась в их речах «великая» Япония — защитник покоренных народов.

И не удивительно. В Бирме все больше становилось японцев. Это были журналисты, туристы, инженеры, торговцы, представители банков и информационных служб. Англичане не верили в реальность конфликта с Японией, не придавали деятельности японцев большого значения. А японцы встречались с бирманскими политиками, обещали им помощь и произносили сладкие речи о готовности Японии на любые жертвы для того, чтобы помочь братьям.

Адъютанты Ба Мо несколько раз побывали в Японии. После этого кампания восхваления Японии разгорелась с новой силой. И все больше бирманцев начинало верить в разукрашенный портрет «доброго японского дяди». Тем более что деятельность «Блока свободы» не давала тех результатов, на которые надеялись его организаторы.

А Ба Мо кипел. Он выступал на митингах и нападал на англичан даже яростней, чем такины. Но и это был ход. Теперь Ба Мо почувствовал за своей спиной нового хозяина, а раз хозяин был, то еще не все потеряно. Казалось даже, что Ба Мо хочет, чтобы его арестовали англичане, напрашивается на это. Арест тоже входил в планы Ба Мо. Его вполне устраивал ореол мученика. Он метил высоко, и ради такого стоило пойти на жертвы. «Успокаиваться нельзя, пока не достигнем свободы», — начинал он свои речи. А потому переходил к более земным проблемам. Ни одна малая нации не может обойтись без союзов с великими державами. А раз так, то бирманцам надо спешить, чтобы не остаться в изоляции. Но с кем войти в союз? С англичанами или с японцами? С англичанами в союз войти нельзя, потому что они и есть угнетатели Бирмы. «Бирма не должна бояться иностранной агрессии, если она сделает Бирму свободной», — кончал он. Он же и другие его помощники высказывали и мысль о том, что всему народу нет необходимости включаться в борьбу. Достаточно десяти лучших вождей, которые

обеспечат нужные договоры, — и свобода будет преподнесена Бирме на блюде.

Многие друзья Аун Сана отдавали все свое время народно-революционной партии, а та уже разрабатывала планы прихода к власти при японцах. Уверенность в том, что война между Англией и Японией скоро наступит, охватила понемногу всю Бирму. Вопрос стоял только о том, когда эта война начнется и на чью сторону встать в ней.

Однако в целом партия «Добама», коммунисты Бирмы и сам Аун Сан еще противостояли прояпонскому потоку. План Аун Сана, который он с некоторой иронией называл впоследствии своим «Великим планом», заключался в том, чтобы в случае войны бороться за независимость собственными силами, «массовыми действиями», как писал он. Когда начнется война, надо организовывать массовые забастовки, вести боевую пропаганду, начать партизанскую войну. Если японские войска приблизятся к Бирме, надо будет воспользоваться развалом колониальной администрации для перехода на сторону народа колониальных войск. Если японские войска вторгнутся в Бирму, можно будет начать с ними переговоры, а в случае несогласия Японии признать независимую Бирму, начать борьбу с Японией и отразить вторжение.

Этот план обсуждался в руководстве такинов, но так как реальных оснований считать, что война вот-вот начнется, еще не было, его пока отложили.

Пока шла война с гитлеровской Германией, с фашизмом, решено было на компромиссы с фашистами не идти, а продолжать борьбу на два фронта.

У Пу — послушный англичанам новый премьер, ежедневно подписывал все новые приказы об аресте такинов, членов партии «Синьета», НРП — в общем всех партий «Блока свободы».

В течение сорокового года большинство коммунистов и лидеров такинов оказались в тюрьмах. Особенно свирепствовала полиция в арестах коммунистов: Арестован был и доктор Ба Мо.

И тут к власти в Бирме неожиданно прорвался фашист У Со. Случилось это так. Во время одной из очередных свар в парламенте колонии правительству У Пу был поставлен на голосование вотум недоверия. Вдруг во время дебатов по этому весьма обычному в политической грызне парламента вопросу один из министров У Пу, уже известный нам У Со, внезапно вышел из правительства и этим нарушил равновесие сил. У Со присоединился к оппозиции, и У Пу пришлось уйти в отставку — вотум недоверия прошел большинством голосов.

Английский губернатор в тот же вечер вызвал У Со к себе и

предложил сформировать правительство. Тот согласился, роздал министерские портфели представителям всех парламентских групп — в парламенте не было ни коммунистов, ни такинов, и правительство было готово.

Тут же с У Со, который последнее время подозрительно много часов проводил в обществе японских гостей и печатал в своей газете статьи, восхваляющие «великую» Японию, произошла удивительная метаморфоза. Он стал англоманом. И настолько преданным, что даже видавшие виды англичане удивились.

Теперь уж стали арестовывать не только такинов, но и всех, кто когда-либо позволил себе нажить недруга в лице У Со. Правда, армию свою он распустил за ненадобностью — теперь у него в распоряжении оказалась бирманская полиция.

Дошла очередь и до Аун Сана. В июне он выступал на митинге в деревне Даунджи, и на этом собрании была вынесена резолюция о немедленной свободе для Бирмы. Не первая, конечно, и не последняя резолюция подобного рода, вынесенная по предложению Аун Сана, но так как его все равно надо было арестовать, собрание в Даунджи подходило для выдачи ордера на арест так же хорошо, как и любое другое.

Начальник полиции того района ордер подписал. И больше того, объявил, что за поимку Аун Сана или донос в полицию о его местонахождении полагается награда — пять рупий.

Всех тогда в Бирме удивил и оскорбил этот факт. Нет, не выдача ордера на арест — этого ждали, этому не удивились. Но объявить о пяти рупиях — даже за мелкого карманника награда была не меньше сотни. Начальник полиции, видимо, давно жил в Бирме и знал, как можно оскорбить бирманцев. И добился своего. Нам это может показаться странным, — хотя в общем чувства такинов и сочувствующих им бирманцев понятны, — но возмущение в Бирме было настолько велико, что через несколько дней приказ о пяти рупиях был отменен.

Это совсем не значит, что кто-то хотел воспользоваться этими рупиями. Вряд ли нашелся бы честный бирманец, который бы выдал Аун Сана.

Но тем не менее переход на нелегальное положение осложнил и без того сложную ситуацию. Почти все товарищи Аун Сана были в тюрьмах, явки завалены, денежные поступления нарушены, вокруг шныряли полицейские агенты.

Пришлось уходить в подлолье. Ночевать каждый раз в другом доме, скитаться по случайным знакомым и выходить на улицы только в сумерках — слишком многие из полицейских знали Такин Аун Сана в лицо.

Аун Сан оказался одним из немногих такинов, оставшихся на

свободе. Многие были растерянны, не знали, что предпринять. Движение было обезглавлено, и разброд, овладевший такинами, еще в большей степени был характерен для бирманской общественности.

В один из июньских дней Аун Сану сказали, что с ним хочет встретиться господин Минами, японский журналист, секретарь Японо-Бирманского культурного общества, сочувствующий борьбе бирманцев за независимость.

С утра шел проливной дождь. Знакомый по студенческим временам врач, давший приют Аун Сану на ночь, умолил его уйти пораньше, чтобы не возбуждать подозрения полиции и не подвергать опасности его семью и детей.

Аун Сан быстро позавтракал и ушел. Зонт, который ему подарили три дня назад хозяева одной из явочных квартир, был зонтом только по названию — что-что, а воду он пропускал свободно. Аун Сан все время старался прикрыть им лицо от прохожих. Деваться было некуда. Он наскреб на дне шанской сумки, единственного его имущества, пятьдесят пья и купил билет в кино.

Там просмотрел два сеанса скучной комедии про дочку миллионера и бедного обойщика и снова выбрался на улицу. Еще оставалось у него десять пья — на тарелку мохинги, супа с лапшой. Он съел его под навесом у кино. И сидел на скамеечке, рассуждая, куда деваться ночью — в университет ли пойти или постараться связаться с товарищами, которые скрывались в Инсейне, на окраине Рангуна. Вдруг кто-то осторожно тронул его за плечо. Полиция так осторожно не трогала. Аун Сан обернулся и увидел одного из старых такинов, университетского приятеля Такин Хла Пе.

— Ищу тебя третий день — и тут такая встреча. Народно-революционная партия решила все-таки согласиться на закупку оружия и обучение наших кадров в Японии. Вчера решение принято, и единогласно. Просили тебя об этом уведомить. Есть письмо от доктора Ба Мо. Из тюрьмы он передает нам имена японцев, с которыми можно связаться. И я вчера разговаривал с Минами. Есть такой японец в Рангуне. Говорят, в самом деле зовут его Судзуки, полковник Судзуки. Но с ним встречались уже наши. И производит очень хорошее впечатление. Полностью согласен с нами в том, что Бирме нужна независимость. И вот хочет с тобой поговорить.

— Ужином накормит? — невесело улыбнулся Аун Сан.

— Не может не накормить. Вот держи, у меня есть рупия. Можешь сходить в кино, подождать до вечера.

И Такин Хла Пе исчез в толпе. Аун Сан так и не успел ему

сказать, что только что вышел из кино.

Но делать нечего. И до вечера Аун Сан дремал в кинозале под знакомые до одурения шутки бедного обойщика с загадочным происхождением.

Господин Минами снимал маленький коттедж в тихом районе. Аун Сан оглянулся — нет ли «хвоста». Улица была тихой и глухой. Только бесконечный муссонный дождь возился со сбитыми на землю листьями.

Минами сразу открыл дверь. И пропустил Аун Сана внутрь.

— Очень рад познакомиться с великим бирманским патриотом, — сказал он. — Не раз приходилось слышать вас на митингах и собраниях.

Минами был крепким, высоким для японца человеком лет сорока, держался он по-военному прямо и, только здороваясь с Аун Саном, поклонился ему низко, будто сложившись пополам.

В гостиной было уютно и, главное, совершенно сухо.

Господин Минами сам принес чайник и чашки. Поставил на стол.

— Вы с молоком?

— Да, пожалуйста.

— Я знаю бирманские вкусы. Наливать в чай молоко — только портить чай. А вы любите. Но главное — уважать обычаи чужой страны. Хотя для меня Бирма не чужая. Я полюбил ее, связал с ней свою судьбу. И хотелось бы никогда не уезжать отсюда. Поверьте мне: будь Бирма свободной, ушли бы отсюда английские солдаты и чиновники — купил бы ферму, разводил цыплят. Где-нибудь в Меймьо или Таунджи. Но выгнать англичан — это нелегко, и приходится идти на жертвы. Например, на то, чтобы промокнуть под дождем.

Минами улыбается. И говорит дальше — о великой сфере взаимного процветания, о великой Азии, Азии для азиатов.

Но слова его уже долетают до Аун Сана, будто продираясь сквозь вату. Он наливает еще чашечку чаю. Похоже на то, что к нему снова подкрадывается недобитая малярия. До чего знакомые слова. Кто их говорил уже? Ба Мо? Тейн Маун? Или кто-то из ЦК такинов, кто-то из близких друзей? Интересно, они сами додумались до всего этого или тоже пили здесь чай?

— Так что, когда соберетесь в Японию, будьте уверены, вас будут ждать…

Кто будет ждать? Зачем? Ведь он хочет поехать в Китай, а оттуда в Россию. Если положение станет безнадежным — будем прорываться на север.

— Вы себя плохо чувствуете? Я сейчас вызову врача. Не волнуйтесь, у меня есть верные люди в Бирме, много верных

надежных друзей.

— Нет, я пойду. Просто разморило после дождя. Я пойду. — Минами провожает Аун Сана до двери, но не зажигает лампы над входом.

— Итак, можно считать, что мы с вами понимаем друг друга.

Страшно кружится голова.

— Нет, — говорит Аун Сан, — мы друг друга не понимаем.

На улице все тот же изнурительный бесконечный дождь. И темнота. Добраться бы до университета, не свалиться бы по дороге. И, как назло, ни пья на рикшу.

6

А через несколько дней на подпольном совещании такинов и оставшихся на свободе членов НРП Аун Сан снова услышал Минами. Нет, не самого японца, а его мысли, его слова.

— Послушай, Такин Аун Сан, — говорил один из старых, верных делу такинов. — Ты перепеваешь мысли своих друзей коммунистов, а те уже несколько месяцев как сидят по тюрьмам и не знают, что обстановка полностью переменилась. Теперь уже ясно, что англичане не хотят даже пообещать нам статус доминиона, в случае если мы их будем поддерживать во время войны. А о независимости и говорить не приходится. Так за что же их поддерживать? Почему мы должны проливать кровь за тех, кто пьет ее уже десятки лет?

В комнате застучали дружные аплодисменты.

— Хорошо, вы все тут предлагаете идти за помощью к японцам. И, подозреваю, кое-кто уже был там и слышал их добрые слова. А почему вы не допускаете мысли, что, связав, свою судьбу с Японией, мы не попадем в худшую кабалу, чем были? Посмотрите на север. Что делают японцы в Китае, в Корее, которые и там не скупились на посулы?

— На девяносто процентов английская пропаганда.

— Даже если на десять процентов правда, что тогда делать с нашими идеалами, с нашими мечтами — положить их в карман? Забыть о них?

— Но куда тогда обратиться?

— Мы еще можем бороться собственными силами. Вы все знаете о нашем плане массовых действий.

— Устарел. Нас на свободе осталась горстка. Местные организации тоже остались без руководства. Пройдет несколько лет, прежде чем удастся восстановить кадры. Да и удастся ли?

— Хорошо, если разговор идет о помощи извне, есть и Китай

и Советская Россия.

— Китай сам ждет помощи. А Советский Союз далеко. Хорошо говорить о том, что твои друзья коммунисты спасут тебя от империалистов. А практически как это сделать?

— Мы можем послать делегацию в Китай, оттуда пробраться на север… — возражает Аун Сан.

— Но стоит послать делегацию и в Японию. В конце концов мы не собираемся становиться их слугами. Если нам согласны помочь, и помочь для дела, которому мы отдаем все, от помощи отказываться — преступление. Этого нам не простит народ.

7

И такие встречи, такие собрания — каждый день. Был разговор в студенческом союзе. С честными ребятами, которых меньше всего можно заподозрить в наклонности к предательству интересов народа.

— Как ты можешь возражать против союза с японцами, Такин Аун Сан, — говорили там, — если Советский Союз заключил договор о ненападении с фашистской Германией? Это значит, что и настоящие коммунисты идут на временный союз с врагами, если этот союз направлен на конечную выгоду для пролетариата. Мы тоже за то, чтобы пойти на небольшое отступление и победить в результате.

— Советский Союз не собирается впускать фашистов на свою землю. Вы же предлагаете открыть двери дома для тех, кто пытается поработить весь мир.

— А кто говорит, что мы впустим их. Они нам предлагают оружие, помощь. Почему не взять?

В обшем уже летом сорокового года очень многие из бирманских политиков, от самых правых и до прогрессивных — практически все, кроме части коммунистов, были за то, чтобы согласиться ил сотрудничество с японцами. И все труднее было той горстке противников соглашения, что еще были на свободе, устоять перед этим потоком, не захлебнуться в нем.

И, очевидно, в эти дни мысль о том, что такое соглашение все-таки возможно, посетила впервые Аун Сана. Нет, он не был сторонником ее. Но если положение покажется ему безнадежным, то, как последняя мера, возможно временное соглашение с японцами. Ради блага Бирмы. Ради ее освобождения.

Об этом же и шел разговор в одной из явочных квартир.

— Оставаться в Рангуне слишком опасно. Сам же говоришь, вчера пришлось полчаса крутить по ночному базару, пока

оторвался от шпика, — говорил Такин Мья Сейн. — Если тебя сейчас поймают, дадим этим в руки У Со и англичан большой козырь. Ты уже не принадлежишь себе самому, Ко Аун Сан. А партии нужно, чтобы ты остался на свободе.

Решено было попробовать добраться до Китая по дороге, ведущей на север, через качинские княжества, через горы, и там на месте наладить связи с прогрессивными людьми, договориться о совместных действиях, о помощи против англичан, о борьбе с японцами в случае их вторжения.

В те дни Аун Сан еще надеялся на то, что удастся осуществить его «Великий план», а оружие, необходимое для него, достать на севере.

Такин Хла Пе договорился с водителем грузовика, который возил по бирманской дороге грузы, о том, чтобы тот взял Аун Сана к себе напарником. Водитель был свой человек, таким, и согласился на эту операцию без лишних слов.

Но Аун Сан доехал на грузовике только до Инсейна, пригорода Рангуна. Там на дороге был затор. Полицейский пост обыскивал машины, идущие на север. Так и осталось неизвестным, был ли это случайный осмотр, или кто-то донес, что в эту ночь Аун Сан окажется в одном из грузовиков.

Вернее всего, искали оружие. Как только грузовик остановился, шофер выскочил из него и подошел к передней машине. Там ему и сказали, что впереди полицейские. Так что придется подождать минут пять, пока дойдет очередь до грузовика.

Водитель поблагодарил, не спеша вернулся к своей машине, влез в кабину и только тогда прошептал Аун Сану:

— Надо бежать.

— Может, я подожду за кордоном? Обойду его по полю, и ты подождешь меня в ближайшей деревне?

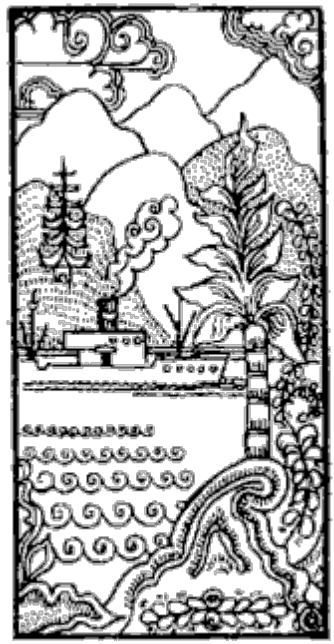
— Нет, не получится. Видишь, они ходят с фонарями вдоль колонны машин и рыскают по полю. Деревьев нет — скрыться негде. Уходи обратно в Рангун, пока не поздно. Видишь, сюда уже идут.

Так провалилась первая попытка выбраться из страны. Но уже через несколько дней удалось найти другой путь. Один из сочувствующих работал в порту, в таможне. И знал некоторых капитанов, тех, что часто заходили в Рангун. С капитаном одного из таких кораблей, старого парохода «Хианьли», что ходил между Калькуттой и Амоем, и удалось договориться. Капитан даже не взял почти ничего за двух «зайцев» (вторым должен был ехать с Аун Саном Такин Хла Мьяин, профсоюзный лидер, который только недавно перед этим выбрался из тюрьмы).

Труднее было с деньгами. У Аун Сана оставалось рупий сто. Еще три сотни наскребли среди членов «Блока свободы». Этого должно было хватить на пару недель в Амое. А там надо было найти возможность пробиться на север. Амой (Сямынь) в то время был только частично занят японцами, так что, если оставаться в китайской части города, можно будет найти надежных людей.

Но все равно провожали такинов без особой радости. И потому, что остающиеся могли быть арестованы в любую минуту; и потому, что в Бирме дела обстояли совсем не так хорошо, как хотелось бы; и потому, что Аун Сан уезжал в плохо подготовленное путешествие без знания китайского языка, без паролей и адресов; и потому, что никто не знал, когда удастся встретиться снова, если удастся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
БО ТЕЗА АУН САН



1

Августовским утром 1940 года два китайца в поношенных светлых штанах и еше более поношенных куртках подъезжали на лодке к стоявшему уже посреди реки под парами пароходу «Хианьли». «Хианьли» стоял недалеко от берега, так что оттуда были хорошо видны две фигуры в лодке, два человека, которые спрятались под одним зонтом от надоедливого дождя.

Один из них поднял руку, с парохода замахали в ответ.

Китайцы поднялись по трапу на борт парохода. Помощник капитана спросил по-английски:

— Тан Люань Шаун? Кто из вас?

Один из китайцев, тот, что пониже, ответил:

— Это я. А мой товарищ — Тан Су Таун.

— Знаю. Теперь слушайте. Идите в трюм и не появляйтесь, пока я вам не скажу. С вами пойдет наш матрос и поможет устроиться. Придется перетащить мешки. Освободите себе угол, где будете жить. В кубрике тесно и без вас. С таможенниками я сам договорюсь.

Они спустились в трюм. Китайский матрос не задавал им вопросов — наверно, его предупредили, что новые матросы не знают ни слова по-китайски. Он только показал им место, где бы лучше разместиться.

Через час раздался гудок, над головой зашлепали босые ноги матросов, пароход вздрогнул и, подхваченный отливным течением, пополз вниз по реке. К океану.

Таможенники так и не появились в трюме.

Аун Сан, он же Тан Люань Шаун, и Такин Хла Мьяин редко выходили на палубу. Пароход шел невдалеке от берегов, и к борту часто причаливали лодки. То пограничники, то контрабандисты, то торговцы из прибрежного селения. Матрос принес в трюм керосиновую лампу, и Аун Сан читал при ее свете. Он успел положить в мешок несколько книг. Такин Хла Мьяин больше тяготился вынужденным безделием. Он пробирался на палубу, где все-таки умудрился завязать знакомства с моряками и даже выучил несколько фраз на китайском. Он старался расшевелить Аун Сана, но тот за несколько недель путешествия не сказал почти ни слова. В ответ на все вопросы о том, что делать, как найти нужных людей, он или отмалчивался, или не очень вежливо говорил:

— Помолчи.

Около Сингапура судно попало в шторм. Аун Сана мучила морская болезнь, и три дня он не мог ничего есть. Даже бросил читать. Лежал на спине и смотрел в обшарпанные, заросшие паутиной переборки трюма. И молчал. Хла Мьяин ухаживал за ним, как за маленьким ребенком, ругал, уговаривал съесть чего-нибудь, даже выменял у матросов на свой нож несколько любимых Аун Саном плодов манго. Фрукты так и испортились.

Пожалуй, за все свои двадцать пять лет не приходилось Аун Сану оказаться в таком тяжелом, нелепом положении. Пять лет он находился день и ночь среди друзей, работал, говорил речи, боролся — и вот теперь он лежит в трюме китайского парохода. Он едет в Амой, исполняя миссию, которую вряд ли удастся выполнить, оторванный от всего, от друзей, от партии, от движения, зная, что дома, в Бирме, тоже плохо и нет верного пути, чтобы освободить ее. Аун Сану казалось, что вся работа его и его товарищей пошла насмарку.

У каждого человека бывают периоды безнадежности, безвыходности, тоски, и в такие периоды легко увидеть все даже в более черном свете, чем есть на самом деле. Тут сказались и изматывающие дни подполья, скитания по квартирам, и то, что раньше все шло так хорошо, так быстро росла революция в Бирме, так близка была победа, а достичь ее не удалось. Сказались и

качка и одиночество в трюме. Сказалось и то, что было Аун Сану всего двадцать пять лет и порой просто не хватало жизненного опыта, знаний.

«Хианьли» миновал Гонконг и подошел к причалам Коулуна, международного сеттльмента, который по очереди управлялся англичанами, американцами, японцами и гоминдановцами — по неделе каждой страной. Это был странный мир интриг, контрабанды, шпионажа — шаткий и ненадежный.

Здесь и пришлось покинуть корабль. Капитан заявил, что планы его изменились и дальше «Хианьли» не пойдет.

Такины вышли из порта и остановились на площади. Куда идти? Они в китайской одежде и, если начать расспрашивать прохожих по-английски о том, где найти себе приют, значит только возбудить подозрение и оказаться в тюрьме. А кто сегодня управляет сеттльментом? Если англичане — может кончиться совсем плохо.

И тут к ним подошел полицейский. Пара путешественников очень бросалась в глаза — обтрепанные, усталые.

— Документы, — коротко сказал полицейский.

Полицейский был китаец, но это ничего еще не значило.

Документов не было.

И первую ночь друзья провели в полицейском участке. На их счастье в эту ночь начальник его (была гоминдановская неделя) не пришел, и допрос снимал сержант, говоривший по-английски и не ставший спорить, когда Хла Мьяин уверил его, что они приехали с Филиппин искать работы. Не стал спорить он, потому что такин положил перед ним на стол пятьдесят рупий. Рупии были бирманские. Но и отпускать такинов он не собирался. И не отпустил бы, если бы к пятидесяти не прибавилось еще двадцать пять.

Через полчаса такины были снова на свободе и даже с адресом гостиницы, в которой не задают вопросов. Адрес дал тот же сержант — гостиница принадлежала его брату.

У такинов оставалось двести с небольшим рупий. И все.

Три месяца они прожили в маленькой комнате на втором этаже грязной и шумной гостиницы. Четыре рупии в день за жилье, по рупии на душу на обед и завтрак. Наверно, такины и не продержались бы эти три месяца, если бы Хла Мьяин не нашел бы уроков. Он учил по утрам английскому языку детей одного торговца. Но все равно к концу третьего месяца такины задолжали в гостинице больше сотни.

Выбраться на север не удавалось.

Несколько писем на конспиративный адрес в Бирме остались без ответа. Потом пришло письмо. Аресты продолжаются, денег у

партии нет ни пья, посланцам следует рассчитывать только на собственные силы. Как только будут налажены контакты — сообщат.

Аун Сан просиживал дни в комнате. Так же молчал, так же мучился от собственного бессилия, читал запоем, потом срывался с места, уходил в город и, рискуя попасться снова в полицию, бродил по тесным чужим улицам, забирался в книжные лавки, в миссионерскую библиотеку и везде вглядывался в лица, искал, надеялся на случайность: вдруг какое-нибудь седьмое или девятое чувство подскажет, что этот встречный — друг, который знает, как найти нужных людей.

В октябре Такин Мья получил письмо Аун Сана. Письмо пришло на резервный рангунский адрес, и уже по знакомому почерку на конверте он понял, от кого оно. Почерк Аун Сана был знаком и полицейским, и Мья про себя выругал Аун Сана за нарушение конспирации. Письмо было злым и отчаянным. Больше, писал Аун Сан, сидеть на этом проклятом острове нет никакого смысла, да и сил нет. Деньги кончились, связи не найдены, пользы движению от пребывания такинов в Китае никакой. Если можно набрать несколько сотен рупий, такины рискнут пробраться на рыбачьей лодке на континент, а там от деревни к деревне постараются пройти на север. Тем более что сидеть дальше на острове становится опасным. Неизвестные люди уже несколько раз наведывались в гостиницу и наводили справки о том, кто эти два китайца, не знающие китайского языка.

План пробираться на север собственными силами был отвергнут на собрании такинов в Рангуне. Он явно был невыполним. И в ответном письме вместе с двумя сотнями рупий содержалось решение подпольного ЦК оставаться на месте и ждать результатов переговоров такинов в Рангуне с нужными людьми. В письме не говорилось, что под нужными людьми подразумевались японские агенты, которые к тому времени уже тоже искали Аун Сана. Точка зрения полковника Судзуки (Минами) победила. Недаром тот вернулся в Токио и имел несколько долгих бесед в главном штабе, в результате которых, правда со множеством оговорок, решено было использовать такинов в предстоящей кампании. Это решение никак не ликвидировало твердой уверенности японского правительства, что такинам доверять нельзя и необходимо будет любыми способами обезвредить их немедленно после победы над англичанами.

Так или иначе через несколько дней на совместном заседании такинов и НРП было принято окончательное решение — Аун Сану встретиться с японцами.

Японские агенты получили адрес Аун Сана, его фотографию и короткую записку, подписанную членами ЦК партии.

Аун Сану же полетело новое письмо с заданием приготовиться к встрече с представителем японской разведки. Письмо дойти до него не успело. О том, что Аун Сан в Китае, японские агенты уже знали в течение некоторого времени, но думали сначала, что он в Амое, как и предполагалось на первых порах, и переворошили понапрасну весь город. Потом человек, близкий к руководству такинов, сообщил им об изменении планов, и Аун Сана нашли за день до того, как пришло письмо из Рангуна. Вернее, Аун Сан все-таки получил его, но не в гостинице, а сидя в камере японской разведки — Кемпетаи.

Взяли такинов утром, Хла Мьяин только что вернулся с уроков и, незаметно войдя в комнату, увидел странную картину. Аун Сан стоял у окна и, засучив рукав рубашки, медленно сгибал руку, показывая кому-то на улице свои мышцы. Хла Мьяин подошел на цыпочках к окну и увидел там смеющуюся девушку китаянку. Она жила напротив, и молодые такины давно переглядывались с ней из окна. Только заговорить им ни разу не удалось — языка не знали. Увидев рядом с Аун Саном Хла Мьяина, девушка помахала им рукой и убежала.

— Ну что ты наделал? — возмутился генеральный секретарь партии. — Только-только мы с ней достигли взаимопонимания…

— Давно я не видел тебя таким веселым.

— Чувствую, что все это сидение скоро кончится. Не сегодня-завтра получим письмо. Не может быть, чтобы наши до сих пор не связались с товарищами. И кроме того, я принял все-таки решение. Если еще два дня письма не будет, уходим к северу на лодке. Не найдем коммунистов, доберемся до Советского Союза. Согласен?

— Я всегда с тобой, Ко Аун Сан.

И в этот момент в дверь осторожно постучали.

— Наверно, опять хозяйка. У тебя есть чем платить?

Аун Сан открыл дверь. Там стояли три человека. Один из них был в хорошем костюме, толстых очках. Двое — японские полицейские.

— Лучше всего не поднимать шума, — сказал по-английски штатский. — Соберите веши и следуйте за нами.

В Кемпетаи, о котором ходило много страшных легенд, — и самое страшное в этих легендах было то, что они оказывались правдой, — тем же вечером такинов допросили. Аун Сан начал повторять версию о безработных филиппинцах, но тут же офицер, который вел допрос, кинул несколько фраз на непонятном им языке.

— Не понимаю, — сказал Аун Сан.

— Этого и следовало ожидать. Вас, очевидно, не устраивает лусонский диалект. Ну хватит. Давайте говорить откровенно. Я знаю, кто вы такие. Вы бирманцы, Такин Аун. Сан и Такин Хла Мьяин. Я не ошибся?

Такины молчали.

— Ну вот, видите, не ошибся. Именно вы нам нужны. И не думайте, что мы вас собираемся пытать, сажать в тюрьму. Вам придется поехать в Японию. Но сначала расскажите мне, пожалуйста, с кем из местных коммунистов вы встречались, с кем договаривались о поездке в Россию?

— Мы здесь не видели ни одного коммуниста.

— Не надо так. Мы знаем больше, чем вы полагаете. Итак, имена.

— Мы не знаем никаких имен.

— Ну хорошо, тогда к кому у вас были письма? Вот, например, письмо от «индийских товарищей», которое мы нашли, случайно заглянув в ваш чемодан. Кому вы должны были передать ого?

Японский офицер еще не знал Аун Сана, не знал, что таким образом от него ровным счетом ничего не добьешься. Аун Сан посмотрел в окно. Оно выходило в глухой двор, и видно было, как в окне напротип молоденькая девушка, похожая на соседку китаянку, печатала на машинке.

— Ну? Вы не хотите отвечать? Хорошо. Ваш товарищ, надеюсь, будет более разговорчивым. Так что встретимся завтра и поговорим по-другому. Можете идти.

Аун Сан не сомневался в Хла Мьяине. Но мучила злость. Просидеть три месяца в грязной гостинице, чтобы кончить потом жизнь на двадцать шестом году в японской охранке, так ничего и не сделав для Бирмы. Ничего обиднее и не придумаешь.

Но когда Аун Сан снова вошел в ту же комнату на следующее утро, там вместо вчерашнего офицера сидел другой японец.

— Не бойтесь, — сказал он, — допрашивать с пристрастием вас никто не собирается. Садитесь. Мне хочется поговорить с вами совсем о другом.

— Я и не боюсь, — буркнул Аун Сан.

— Вот и замечательно. Первым делом разрешите передать вам приветы от ваших друзей Такина Хла Пе, Такина Тун Ока, Такина Мья. Вы их еще не забыли? Нет, нет, я не собираюсь вас провоцировать. У меня есть письмо от них, и оно многое объяснит.

Японец подвинул через стол листок бумаги. Буквы были круглыми, бирманскими.

Аун Сан взял листок. Письмо было от ЦК партии. В нем сообщалось, что с японцами достигнута договоренность о том, что они проведут переговоры о формах и методах сотрудничества с такинами через генерального секретаря партии Аун Сана, которому предоставляются для этого все необходимые полномочия.

Письмо было подлинным. В конце его стоял условный знак — одна из букв была написана не совсем правильно.

— У меня есть к вам личные письма. Но я передам их позже. Сейчас важнее всего договориться о том, как легче всего будет вам пробраться в Японию. Нам не хотелось бы поднимать вокруг этого большого шума. В Японии вас встретят старые знакомые и позаботятся о том, чтобы все было в порядке.

2

Пожалуй, лучше всего оценил события тех дней сам Аун Сам.

Выступая на одном из собраний в 1945 году, он так рассказывал о колебаниях и решениях партии и своих:

«Итак, все ответственные лидеры партии, к которой я принадлежал, были арестованы, лидеры, которые представляли собой действительные антифашистские силы в стране. Мы вели всю левую антифашистскую пропаганду, которая была в наших силах, мы старались вызвать сочувствие бирманского народа к борьбе за демократию и против фашизма, которую вели народы Испании и Китая. Но в то время английский империализм, как вы все хорошо знаете, явно или тайно был на стороне фашизма. Меня самого должны были арестовать. Но я перешел в подполье. В то время почти случайно получилось так, что мы были информированы доктором Ба Мо и доктором Тейн Мауном, которые входили с нами в «Блок свободы», что мы можем, если хотим, получить помощь от Японии. Мы обсуждали вопрос, принять ли нам японскую помощь. Тогда многие из нас чувствовали, что для успеха нашего дела необходима хотя бы международная пропаганда, а если удастся получить помощь извне — тем лучше. Все мы сходились на том, что получить такую помощь, оставаясь в Бирме, было невозможно. Кому-то из нас надо было отправиться в Китай, Сиам или Японию с этой целью. Мы выбрали Китай… Лично я считал, что международная пропаганда и помощь нашему делу были необходимы, однако основная работа должна была вестись в самой Бирме и выражаться в мобилизации масс на общенациональную борьбу… Я должен признаться, что мой план не был достаточно продуман.

В плане «массовых действий» я предполагал предупредить японское вторжение, установить независимое государство и провести переговоры с Японией, прежде чем она попытается вторгнуться в Бирму. И только в случае, если бы мы не смогли остановить японцев в их вторжении в Бирму, должны мы были бы готовиться к борьбе против них.

Для меня этот план казался великолепным, но большинство моих товарищем с ним не согласились ввиду того, что наше мелкобуржуазное происхождение заставляло кое-кого из нас долго колебаться, прежде чем пойти на решительные действия, несмотря на то, что в мыслях и на словах мы были очень смелыми. Кроме того, пугала долгая и трудная работа по воспитанию масс. Нам не хватало веры в созидательные силы масс, хотя, разумеется, в то время мы этого не сознавали… Так что мы решили, что кто-нибудь из нас отправится за границу. А так как и оставался единственным из руководителей партии на свободе, меня и выбрали для этой миссии… Мои товарищи полагали, что в случае вторжения японцев в Бирму начнутся бои между ними и англичанами на границе и тогда у нас появятся шансы начать успешное восстание и добиться независимости… И хотя я не был полностью убежден в правильности таких предположений, в то время я допускал мысль, что мои товарищи могут быть правы. Сейчас, конечно, очень легко поднять на смех подобные расчеты, после того, чему нас научили последние годы. Но в то время не только мы, но и англичане и, возможно, люди в других странах мира недооценивали японцев и переоценивали силы англичан.

Но главное, как я уже сказал, — наше мелкобуржуазное происхождение подсознательно влияло на ход наших рассуждений. Нам хотелось действовать наверняка, мы не хотели идти на риск. Так и случилось, что мы приветствовали японское вторжение в Бирму, но случилось это не в силу наших профашистских наклонностей, а ввиду наивных ошибок и мелкобуржуазной опасливости».

Как ясно из этих слов, Аун Сан не намерен выгораживать себя.

Ряд причин — о них уже говорилось здесь — привел к тому, что антифашист и патриот Аун Сан, борясь за независимость своей страны, желая установить в ней справедливую республику трудящихся, борец за самые светлые идеалы человечества, оказался в лагере врагов людей, в лагере фашистов. Это была тяжелая ошибка, ошибка, стоившая жизни многим из борцов за свободу Бирмы, ошибка, которую так и не удалось полностью исправить, ошибка, проложившая глубокую, неизгладимую

трещину между Аун Саном и бирманскими коммунистами, единственной силой в стране, не согласившейся пойти на сотрудничество с японцами.

Но не нам осуждать Аун Сана. Одно только стоит сказать, прежде чем продолжать рассказ.

Аун Сан стал вождем бирманского народа и был им именно потому, что выражал мысли и настроения его передовой части, разделяя и ее колебания. Сотрудничество с японцами не было идеей Аун Сана. Больше того, лично он еще противостоял этому сотрудничеству, когда многие из его товарищей уже пошли на него. А когда связал свою судьбу с японцами, сделал это не из личной выгоды, не из корыстных или честолюбивых побуждений, а потому, что считал: это единственный оставшийся для бирманского освободительного движения путь.

И если можно говорить об искуплении этой ошибки, то вся дальнейшая жизнь Аун Сана — пример этому.

3

Японские агенты подвезли такинов на машине к самому самолету. Машина стояла на поле, пока не закрылась дверь самолета, и только когда самолет вырулил на взлетную полосу, Аун Сан увидел в окно, что она развернулась и, поднимая струйку желтой пыли, умчалась к воротам.

— В Иокогаме пересядете на токийский поезд. Билеты у вас есть, и в Токио встретите полковника Судзуки. Он будет ждать вас на вокзале, — сказал на прощание представитель Кемпетаи.

Путешествие прошло благополучно, если не считать маленького инцидента на иокогамском аэродроме, где такинов опять задержали. Но Аун Сан сказал, что они едут в Токио к полковнику Судзуки, и дал полицейским телефон полковника. Те проверили, и после короткого разговора угрожающий тон допроса резко изменился. Один из полицейских проводил такинов до поезда и сказал улыбнувшись:

— Мы уж решили, что вы грязные корейцы.

В Токио такинов ожидал сюрприз. Их встретил старый знакомый, секретарь общества Японо-Бирманской дружбы господин Минами. Был он в военной форме и представился полковником Кеджи Судзуки.

А в остальном Минами не изменился. Больше того, военная форма шла ему куда больше, чем штатский костюм или бирманские лоунджи, в которых был Минами, когда Аун Сан беседовал с ним в Рангуне меньше чем полгода назад.

Сначала Судзуки поместил такинов в гостиницу, потом перевез к себе домой. Японцы хотели произвести наилучшее впечатление на такинов и в то же время не выпускать их ни на минуту из-под наблюдения.

Судзуки не докладывал командованию, что настроение такинов оставляет желать лучшего. Аун Сан не хочет идти на сближение и откровенно признается, что собирался связаться с китайскими коммунистами или пробраться в коммунистическую Россию. Судзуки не докладывал всего начальству, потому что боялся провала своего плана сотрудничества с «Блоком свободы» и с такинами. Он понимал, что ставка на такинов единственно правильна для Японии. Генштаб же продолжал лелеять надежду на связь с У Со. Но У Со получил от англичан пост премьера колонии и моментально забыл о недавней дружбе с японцами.

Впоследствии Аун Сан признавался, что Япония и японцы на первых порах ему понравились. Такинов вежливо и дружелюбно встречали, давали в их честь завтраки и обеды. Такины ездили в деревню, разговаривали с крестьянами, побывали на заводе, и трудолюбие японцев, их гостеприимство, высокая техника и умение работать — все произвело на них впечатление.

Но параллельно с этим с каждым днем такины все больше понимали, что существует и другая Япония — милитаристское, фашистское государство, черты которого проявлялись все сильнее, все больше заслоняя собой традиционную Японию чайных домиков и изящных пагод. Да и некоторые черты тогдашней Японии, не связанные непосредственно с милитаризмом, претили бирманским революционерам.

Было это на третий день после приезда в Токио. Такины устроились в гостинице, и к ним с визитом пожаловал Судзуки.

— Все ли в порядке? Всем ли довольны гости?

— Все в порядке.

— Теперь осталось только… — Полковник нажал кнопку звонка.

Вошла молоденькая горничная. Судзуки задал ей какой-то вопрос. Девушка ответила, низко поклонившись.

— Хорошо. Иди. Вот видите, с этим вопросом улажено. Вечерком вам пришлют женщин.

— Вы с этой девушкой договаривались?.. — Аун Сан был вне себя от удивления и возмущения. — Ведь она совсем ребенок. У нас в стране никому и в голову не пришло бы осмелиться поднять такой грязный вопрос перед девушкой.

— Не надо изображать из себя святых. Вы же будете мыться каждый день. Для этого есть ванна. А для любви есть публичный дом. Не будьте идеалистами.

— Никаких женщин нам не надо.

— Жалко. Вы себя наказываете. — Полковник был явно расстроен.

Японская разведка искала путей, чтобы покрепче держать в руках такинов. Чем меньше было слабостей у них, тем хуже для разведки.

И еще был эпизод.

Однажды Судзуки предался воспоминаниям о своей военной карьере. Рассказывал о том, как был в России во время гражданской войны, побывал во Владивостоке.

— В одной деревне под городом пропал без вести наш солдат. Ну, конечно, его убили русские. Приехал я в эту деревню с приказом сжечь ее. Вижу: почти все успели сбежать в лес. Только в двух избах, изба — это русский дом, остались женщины с детьми. Ну мы их загнали в избы и подожгли. Неплохой получился факел.

— Детей? Живьем?

— Не просто детей, а детей коммунистов. Из них бы выросли наши враги. На войне не приходится проявлять жалость. Тем более идет великая борьба между белой и желтой расой. Китай и Корея — только репетиция. Главная война для нас — с Россией и Америкой. Вот вы будете уничтожать англичан. Неужели вы оставите в живых и женщин и детей? Никогда в это не поверю.

— И сделаете большую ошибку. Мы не расисты и не убийцы.

Аун Сан вышел из комнаты.

— Ну и попали мы в историю, — сказал присоединившийся к нему Хла Мьяин.

— Все-таки я не верю, что все они такие звери.

— Но с одним из них приходится работать. Может, откажемся от всего?

— И попадем в японскую тюрьму без пользы для дела? Нет. Мы выполняем решение ЦК, на нас надеются товарищи в Бирме. Мы приехали сюда получить оружие, и мы его получим. Мы приехали договориться о помощи в нашем деле. И мы ее добьемся. Но слугами Судзуки мы не станем.

Отношения между Судзуки и такинами изменились к худшему. Японец уже склонялся к мысли о том, чтобы отказаться от сотрудничества с ними, но в это время генштаб императорской армии принял решение о поддержке плана полковника Судзуки. Операция называлась «Минами Кикан», и Судзуки назначили руководителем бирманского отдела.

Отступать было поздно.

Беседы такинов с Судзуки стали все больше напоминать допросы. Аун Сан не признавался, что близок к коммунистам, но

у японцев были на этот счет свои сведения, и они ему мало верили. Однако такины твердо держались своей версии, и японцам не удалось добиться ничего большего. Тем более что Судзуки предпочитал не информировать генштаб о всех своих догадках и подозрениях. Связь с коммунистом Аун Саном могла ему самому дорого обойтись.

— Мы приехали в Японию, потому что хотели добиться иностранной помощи. Мы не скрываем, что приехали сюда не потому, что нам нравится японский строй или японская политика. Мы приехали потому, что считаем — на данном этапе это отвечает интересам нашей страны, — говорил Аун Сан Судзуки.

Аун Сана попросили набросать план возможной кампании в Бирме, но план японцам не понравился, и они его переделали. Ни в оригинале плана, ни в переделанной версии не говорилось ничего о вторжении в Бирму. В то время такинов горячо уверяли, что ни один японский солдат не вступит на бирманскую землю.

После трехмесячных переговоров соглашение в общих чертах было достигнуто. Оно сводилось к тому, что Япония согласна поставить бирманским революционерам оружие и принять несколько молодых такинов для обучении в японском офицерском лагере. Это будет подготовкой командирского костяка будущей Бирманской освободительной армии.

Аун Сану предстояло вернуться в Бирму, чтобы начать практическое осуществление соглашения.

Судзуки связался с японской пароходной компанией, на один из кораблей которой устроили Аун Сана. На этом же корабле ехал японский разведчик, который должен был следить за ним. Вторая подобная пара, такин — японский разведчик, отправлялась в Бирму на следующем пароходе.

Перед самым отъездом Судзуки отвел Аун Сана к зубному врачу, который снял слепок с челюсти такина, а потом сделал ему накладку на передние зубы. От накладки стало неудобно во рту, и, взглянув в зеркало, Аун Сан не узнал себя. Кожа на лице натянулась, обнаружились глубокие впадины на щеках, и выпяченные губы не могли прикрыть торчащих зубов. Нельзя сказать, что Аун Сан стал привлекательнее, но результат был разительным.

— Вы сможете спокойно пройти по улице Суле, по центру Рангуна, можете побывать в секретариате, и даже ваш старый друг не заподозрит, что вы и есть Аун Сан, — сказал Судзуки. — Я сам вставлял себе такие.

Где и когда — он промолчал.

Японский пароход пришел в Бассейн, порт в дельте Иравади,

и марте 1941 года. Команду отпустили на берег вечером. Аун Сан ничем не отличался от других матросов с японского судна. Когда прошли ворота порта, японские моряки пошли направо, в известный им китайский ресторанчик. Аун Сан остался стоять на улице, вдыхая бирманский воздух, прислушиваясь к долетавшим обрывкам бирманской речи. Стоял и слушал. Он как будто никогда и не покидал этого родного, жаркого, пыльного города с веселыми торговками, которые разложили у ворот связки бананов и зеленые манго, тяжелые арбузы, вареную кукурузу, ананасы. На медном блюде грелись палочки шашлыка, и звенел ложкой о жестяной бидон продавец лимонада.

Рядом была стоянка рикш.

— Опять приехали девок портить, — услышал Аун Сан с той стороны.

Это относилось явно к японским матросам. Значит, и к нему. Он улыбнулся и подошел к стоянке. Рикша, не говоря ни слова, нажал на педали и поехал по улице.

— Знаешь, куда ехать? — на ломаном бирманском языке спросил Аун Сан.

Рикша вполне мог оказаться агентом полиции, так что еще рано было считать, что благополучно добрался до своих.

— Скажешь, довезу.

— Не слыхал о Ко Тине с Максвел-роуд? — это был конспиративный адрес в Бассейне, полученный в письме из Рангуна.

— Как же не знать? Все его знают.

Аун Сану показалось, что рикша улыбнулся. Но может это просто болезненная подозрительность, уже выработавшаяся привычка следить за каждым своим шагом?

Через несколько минут доехали до нужной улицы. Когда-то, перед войной, Аун Сан был здесь и даже бывал в нужном доме. Так что надеялся узнать этот дом, когда доберутся.

Но дом, перед которым остановился рикша, был незнаком Аун Сану. Нет, вряд ли он успел забыть его.

Рикша заметил, что пассажир колеблется. И сказал:

— Не сомневайся, это дом Ко Тина. Я знаю, не первого сюда вожу.

— Постой, — сказал Аун Сан. — А чем Ко Тин занимается?

— Чего шутить-то? Каждый знает — веселый дом держит.

Ну вот, оказывается, конспираторов подвел довольно ограниченный выбор бирманских имен. Надо было бы подумать, прежде чем посылать Аун Сану явку, зная, что на той же улице есть дом свиданий, который содержит тезка нужного Ко Тина.

Поехали дальше. Проехали всю улицу, но дома не нашли.

Тогда Аун Сан вспомнил, что в городе живет один из университетских друзей — Мья Сейн. Заехал к нему. Дом заперт, никого нет. Что делать? В гостиницу Аун Сан ехать не хотел — в каждой были полицейские агенты. Он расплатился с рикшей и пошел без ясной цели по улицам Бассейна. Наступила ночь, а Аун Сан все шел, и с каждым шагом таяла радость. Он избегал оживленных центральных улиц. Переулки были темны, наполнены тенями бродячих собак, вспышками шумной грызни над костью, шуршанием крыс в помойных корзинах, жужжанием цикад, оглушительным мычанием лягушек и редкими шагами встречных прохожих. Прохожего можно было увидеть издали по колеблющемуся пятнышку керосинового фонаря. На улице нечего делать без огня — можно ногу сломать или наступить на скорпиона.

Вдруг впереди послышалась громкая музыка. Китайский балаган. Это уже было чистое везение. Значит, эта улица справляла ежегодный фестиваль. Аун Сан незаметно смешался со зрителями и пропал в толпе. Такие праздники продолжаются всю ночь, и до рассвета Аун Сан подремывал, устроившись на циновке неподалеку от сцены.

А с рассветом сел на первый же поезд в Рангун.

Когда Такин Мья вернулся домой, было это к вечеру того же дня, то обнаружил у себя дома гостя. Гость — Аун Сан — вел себя совершенно невыдержанно. Он без умолку смеялся, шутил с родными Такин Мья, показывал им, как вставлять фальшивые зубы, чем привел в полное изумление младшее поколение дома.

И когда после первых слов радости сдержанный Такин Мья начал корить Аун Сана за неосторожность, тот сказал, не сгоняя с лица счастливой улыбки:

— Не могу больше. Просто не могу больше таиться. Не опасности мне страшны и не лишения. Не могу больше быть один, сам по себе, среди чужих лиц, чужих мыслей, чужих голосов. Еще раз такое одиночество, и я, наверно, умру. Потеря моей индивидуальности, моего «я» уж очень напоминает по вкусу смерть. Я себя чувствовал призраком. А эта роль не для меня.

4

Ночью состоялось совещание рангунских такинов. Каждому хотелось узнать новости, узнать, что делать теперь. Партия фактически бездействовала в эти месяцы, растеряв связи, растеряв многих людей, была дезорганизована и расколота сложностью обстановки, интригами, японской и английской

пропагандой. Правительство У Со продолжало бесчинствовать, каждый жил в ожидании грядущего ареста, и это ожидание было вполне оправданно. Каждая неделя приносила вести о том, что арестован тот-то и тот-то, разгромлена ячейка. А арестованных на волю не выпускали. До конца войны Англии с Германией. А когда она кончится, война, а как она будет развиваться дальше? Похоже, что конца ей не видно. Аун Сан доложил совещанию, что с японцами достигнута договоренность о практической помощи бирманским революционерам. Японцы согласны помочь оружием, согласны взять на себя обучение будущих командиров бирманской армии. Вот отбор этих курсантов и был главной задачей визита Аун Сана. Ну и, конечно, информации о положении дел.

— Японцы обещают, что вторгаться в Бирму не намерены.

— А им и не вторгнуться, — сказал кто-то из такинов. — Ты, Такин Аун Сан, отстал от жизни здесь и не представляешь, как сильны сейчас англичане. Полностью контролируют любую мысль в Бирме, любое собрание. Может, среди нас сейчас сидит их агент.

— Значит ли это, что они контролируют и твои мысли?

— Я не хотел этого сказать. Да и ты знаешь меня уже пять лет. Неужели я давал право заподозрить меня в измене?

— Но теперь ты даешь мне повод заподозрить тебя в трусости. А иногда это хуже измены. Если у некоторых из нас последние месяцы были каникулами — это плохо. Мы теряем связь с народом, теряем доверие его… Этого нам никто ие простит. Пришла пора работать. Причем работать быстро, день и ночь, не обращая внимания на ищеек У Со и англичан. Или мы не сможем сделать того, что считаем целью нашей жизни. Необходимо возродить национальный фронт, связаться с теми, кто в тюрьмах, с профсоюзами, крестьянами. Мы должны готовиться к настоящим боям, а они уже на пороге.

— Скоро война с японцами?

— Не знаю, но по тому, что я видел там, — скоро. То, что они делают, направлено к войне. Они предпочли бы разделаться с Советским Союзом, но полагают, что Азия более легкий кусок.

— Ты так говоришь о японцах, будто они не наши друзья.

— Нет, они не друзья. И я хочу, чтобы вы поняли это. Я это понял не сразу и жалею об этом. Но дело сделано. Мы договорились с ними, а теперь должны извлечь максимум выгоды из этого договора.

На совещании была выбрана секретная комиссия по отбору кандидатов на поездку в Японию. Рассчитывали набрать человек двадцать-тридцать. В основном среди студентов, членов

официально распущенных, но фактически еще кое-где существующих дружин «Добама», партийной молодежи.

Утром следующего дня Аун Сан проснулся рано. И пока просыпался, нежился в знакомых и приятных звуках и запахах бирманского дома.

— Есть ли в этом доме кто-нибудь, кто может накормить несчастного странника куриным карри? — закричал он, пробегая с полотенцем к тазу умыться.

Такин Мья уже встал и читал газеты.

— Из Сингапура сообщают, что, возможно, на японском пароходе в Бирму проник известный террорист Такин Аун Сан. Это о тебе?

— Может, и обо мне. А все-таки как насчет карри?

— Сейчас пошлю кого-нибудь в индийский ресторан.

Вышел заспанный, невыспавшийся Такин Хла Пе.

— Не могу поверить, что Ко Аун Сан снова здесь, снова с нами.

— Не верь. Это мой дух, это нат Ко Аун Сана, убитого подлым Ксавьером.

Ксавьер, один из самых опасных полицейских Бирмы, был известен всем такинам.

Принесли карри. Карри было так себе. Другие такины предпочли обойтись супом-мохингой. Аун Сан ел так, что гора риса на блюде таяла на глазах.

— Вы и представить не можете, как дома все хорошо. Вот побываете в Японии, сами поймете.

И опять, как заговорит о Японии, за веселыми словами печаль и неуверенность в глазах. Но никто не замечает этого. Аун Сан вернулся, жизнь продолжается.

К вечеру начал приходить кое-кто из ребят, рекомендованных к поездке. Комиссия разговаривала с ними подолгу, присматривалась к каждому. Ведь этим ребятам через год, два, а может, даже через несколько месяцев придется встать во главе настоящей национальной бирманской армии. Не дай бог, попадется среди них трус или, что еще хуже, попадется агент У Со. За каждого кандидата отвечал руководитель ячейки, да и старались подбирать таких, кого лично знали члены ЦК.

Кандидаты направлялись в Японию разными путями. Часть морем, на японских и китайских кораблях под видом матросов, часть сушей через Таиланд.

Аун Сан возвращался в Японию на корабле по подложным документам. С ним в одной каюте ехали три такина. Уже третий раз Аун Сан становился матросом. Но на этот раз путешествие ему даже понравилось. Он был среди своих.

Аун Сан был хозяином, остальные такины — гостями. Он вспоминал любимые с детства кушания и готовил на всех. Кое-чему научился и в Японии. Ели когда-нибудь суп из водорослей? Сегодня попробуем.

Такины много говорили о проблемах, волновавших их, строили планы будущего устройства Бирмы. Это будет республика трудящихся, где не будет помещиков и капиталистов, где у каждого крестьянина будет своя земля и каждый рабочий будет сыт, а дети его обязательно будут ходить в школу. Тут они и придумали название для будущей Бирмы: Пьидота — страна изобилия.

Тун Шейн, один из такинов, хорошо пел. И Аун Сан с удовольствием слушал его. И даже сам начал подпевать. Когда он захотел сделать это и на следующий вечер, остальные взбунтовались и заявили, что слышать не могут скрипения, которое выдает за песню их генсек. Аун Сан обиделся. Но ненадолго. С тех пор не пел.

По мере того как корабль приближался к Японии, Аун Сан становился серьезнее и задумчивее. Настроение его передалось и остальным такинам.

— Веселиться больше не придется, — сказал он в последний вечер — Будет трудно. Но, как уже договаривались, чтобы никто не хныкал, не жаловался. Приказываю полностью подчиниться указаниям японских инструкторов. Нам есть чему у них учиться, и мы должны не упустить ни единой детали. И помните: все, что придется вынести, вынесем не ради себя, не ради кого бы то ни было, а ради Бирмы. Надеюсь, это всем понятно.

Всем все было понятно.

Неделю йебо провели в Токио. Йебо — по-бирмански «товарищ», «товарищ по оружию». Прошло уже больше двадцати лет с того дня, как тридцать бирманцев собрались в Японии, но и сейчас называют их йебо. Если тогда их объединяла борьба за независимость Бирмы, то теперь в независимой Бирме каждый пошел своим путем. Одни участвуют в политике, занимают государственные посты, другие отошли от политики и торгуют или молятся. Всякое бывает. В сорок первом году такинам было по двадцать, от силы по двадцать пять и вождю их не исполнилось двадцати шести.

Через неделю хозяин токийского дома, в котором остановились такины, вежливый и сладкий Ямашита, крупный торговец и бывший разведчик, накормил бирманцев вкусным ужином, последним «гражданским ужином». И такины перешли в ведение капитана Кавашимы. Капитан не собирался кормить их изысканной пищей и даже не предлагал им пойти к девочкам.

Капитан командовал лагерем на Тайване, в его подчинении было десять японских лейтенантов и десять сержантов. Так что в первые дни в лагере, пока не съехались все йебо, на каждого из них приходилось по два-три инструктора.

Японский генштаб перешел уже к детальной разработке планов войны в Азии, и генералы не собирались растрачивать деньги зря. Бирманцы должны были стать хорошо подготовленными офицерами и, главное, верными офицерами.

Хорошими офицерами они стали. Верными — нет.

5

Капитан Кавашима построил бирманцев перед бамбуковым бараком. Было семь утра, прохладно и влажно. Капитан говорил по-английски. Его трудно было понять, и ему приходилось повторять некоторые фразы дважды. Но переводчиком он пользоваться не хотел. Капитан готовился к боям с американцами и не упускал случая потренироваться в английском.

— С сегодняшнего дня вы солдаты его величества императора. Подчинение полное. За нарушение дисциплины будем взыскивать по всей строгости уставов японской армии.

Такины вставали на рассвете и занимались до темноты, с перерывом только на обед. Инструкторы сменялись, устав, но бирманцам сменяться было никак невозможно. Если в первые дни в Японии их встречали вежливо, ласково, как дорогих гостей, то теперь они почувствовали себя в шкуре японского солдата. Шкура побаливала от царапин и ссадин — сколько высот одолели такины за эти месяцы! — и от зуботычин сержантов. Правда, с зуботычинами удалось покончить. Но для этого Аун Сан должен был пожаловаться в Токио самому полковнику Судзуки.

Отношения с японцами портились изо дня в день. Бирманцы не привыкли к грубости, презрению, которое прорывалось у офицеров, к жестокости, пронизывающей всю жизнь в лагере.

Но уже весной случилось так, что даже самые упорные из японских инструкторов признали в Аун Сане настоящего военного, достойного соперника. А это далось ему нелегко.

Проводили ночные маневры. Бирманскому взводу надо было захватить холм, который удерживала японская рота. Ночь прорезывали только лучи фонариков — японские инструкторы наблюдали за ходом боя. К двум часам продвижение бирманцев остановилось. Взвод потерял уже треть состава, и десять неудачников сидели в стороне, ожидая исхода атаки.

А потом бирманцы пропали. Как сквозь землю провалились.

Инструкторы шарили фонарями. Никого.

А еще через полчаса холм был взят неожиданным штурмом с фланга, с такого крутого склона, что никто и не ждал атаки именно оттуда.

На вершине холма Аун Сан потерял сознание от усталости и истощения.

Жили они впроголодь, как и солдаты соседних частей. И украсть чего-нибудь из офицерской кухни было верхом доблести. Офицеры знали об этом и, больше того, сознательно допускали эти мелкие кражи. Если ловили — наказывали и бирманца и японца. Скудный паек был даже составлен с учетом «нелегальной добычи». Бирманцы, которые все эти месяцы сохранили дружный коллектив во всем, проводили эту операцию по очереди. Аун Сан всегда отказывался от своей доли, уверяя, что не голоден. и, зная его скрупулезную честность, товарищи не настаивали. Но в кражах была очередность. Аун Сан знал о ней. Дошла она и до него. Все уже ходили к кухне, все рисковали трехдневной гауптвахтой.

И вот вечером — ночных занятий не было, бирманцы вернулись из бани и занимались каждый своим делом — открылась дверь в барак, и вошел Аун Сан. Расстегнул мундир и вынул из-за пазухи пакет с горячими пышками.

— Из кухни?

— Да.

Аун Сан явно был расстроен своей собственной непоследовательностью.

— Наш генерал пал! — засмеялся кто-то из такинов помладше.

Пышки поделили на всех — досталось по половине. Аун Сан не взял своей доли и под общий смех забрался на нары.

— Желудок не принимает такой нищи.

— Чего же ты тогда?

— Во-первых, показать, что умею делать это не хуже вас. Повар, кстати, даже не догадался до сих пор, что пышек у него не хватает. А во-вторых, все вы шли на риск ради товарищей. И я не хочу быть сам по себе. Лучше спели бы.

Но пышками Аун Сана дразнили еще долго.

6

Как-то вечером все йебо собрались в своем бараке, мрачные и усталые. Только что инструктор опять обругал последними слонами одного из них за мелкую провинность. Хорошо еще,

драться не полез.

— Нет, больше терпеть нельзя, — шумел теперь пострадавший. — С этим надо кончать.

— А что ты предлагаешь?

— Поднять сегодня ночью восстание, связать часовых, прорваться с боем к морю, захватить катер — и домой!

— А оружие ты сдал?

— Конечно, всегда сдаем по вечерам.

— А чем же ты будешь часовых разоружать?

— Не в этом дело. Ко Аун Сан. Мы и с голыми руками их одолеем. Ведь нас все-таки тридцать человек и на нашей стороне внезапность.

— Опять неправильно. Внезапности на нашей стороне нет. Неужели ты думаешь, что японцы нам доверяют? Да и не это главное. Даже если мы и доберемся до моря, пожертвовав половиной товарищей, и даже если мы захватим катер, что дальше? В море нас задержит первый же японский сторожевик. А не задержит — горючее кончится. И какую пользу принесешь ты своей стране?

— Но ведь больше терпеть невозможно!

— Если наша страна терпит уже пятьдесят лет, то нам, на которых надеется страна, можно потерпеть немного.

Спор как-то заглох после этого, но настроение йебо не улучшилось. Сидели по углам, пили чай, и каждый думал о своем.

— Считайте, что мы на войне, — сказал вдруг Аун Сан. — И поэтому на нас распространяются все законы ее.

— Но на войне видишь противника перед собой, и он знает, что ты его враг.

— А если ты со специальным заданием ушел в тыл врагу?

— Все равно, там все справедливее. Мы же вынуждены кланяться им, слушать их приказания. Это лицемерие.

— Нет, — быстро сказал Аун Сан. Он был недоволен. — Это не лицемерие. Это военная хитрость, вполне допустимая военная хитрость.

— Мы, бирманцы, предпочитаем бороться лицом к лицу…

— А если враг сильнее? А если сегодня у нас нет шансов победить его в открытом бою? Знаете ли вы про хитрость, с помощью которой наши предки победили китайцев? Дело было давно. Очень давно. Сильная китайская армия перешла границу Бирмы. Китайцы хотели завоевать нашу страну и покорить ее. В северных шанских княжествах бирманская армия остановила захватчиков, но у нас не было сил, чтобы выгнать их обратно. Тогда мы договорились с китайцами о том, что обе армии

построят по пагоде. Строить можно будет только одну ночь. Те, чья пагода будет выше, считаются победителями. Другие же признают себя побежденными и отступают. Китайцы согласились на это, потому что не были уверены в победе и потому что очень трудно завоевывать страну, где даже побежденные не покоряются и даже женщины и дети идут защищать свою землю.

Понемногу слушатели все ближе пододвигались к своему командиру. Некоторые слышали уже, и не раз, эту историю, но от этого интерес их не уменьшился.

— Так вот, всю ночь в обоих лагерях кипела работа. Бирманцы построили свою пагоду из тростниковых циновок, сверху обмазали их грязью и побелили. И сделали пагоду так, что даже вблизи ее трудно было отличить от настоящей, каменной. Китайцы же строили пагоду, как обычно. Каждый солдат принес по камню или кирпичу и положил на пагоду. А так как солдат у китайцев было очень много, то к утру они построили половину пагоды. Если бы они успели построить ее, то, конечно, победили бы бирманцев, — ведь китайцев было втрое больше. Но они не успели. И утром солнце осветило две пагоды. Одну, уже готовую, белую, — бирманскую и другую, громоздкую, недостроенную — китайскую. Очень испугались китайцы, увиден, что бирманцы обогнали их. И китайская армия отступила. А развалины китайской недостроенной пагоды и сегодня можно увидеть на севере, на границе с Лаосом, и называется она — Ку Хо.

— А что было дальше, Такин Аун Сан?

— Дальше? Дальше китайцы отступили, но не совсем покинули Бирму. Тогда весь народ поднялся и выгнал китайцев. Так что, как видите, если нужно выиграть время для того, чтобы спасти свою страну, военная хитрость вполне оправдана. А сейчас давайте спать. Завтра нас будут учить форсированию водного рубежа. Давайте договоримся: выполняем все указания инструкторов и стараемся все запомнить.

7

А еще через несколько дней на тактических занятиях такинам предложили разработать на карте операцию по вторжению в Бирму. В операции по заданию должны были участвовать части бирманской армии, вторгающиеся в Бирму из Таиланда. Части наталкивались на сильное сопротивление английских войск, несли крупные потери. И только после получения японских подкреплений из Таиланда побеждали сопротивление и занимали Рангун.

Занятие не понравилось такинам. Из такого плана следовало — японцы предполагают использовать бирманскую армию как ударную силу для собственного вторжения.

— Пора собираться домой, — снова раздались в тот вечер голоса в бараке.

— Нам до сих пор не прислали оружия. Единственная бирманская армия — это мы, тридцать человек. Собираются ли японцы держать свои обещания? Собираются ли отправить нас обратно, чтобы мы начали готовить восстание в Бирме? А вдруг они продержат нас до самой своей войны с англичанами?

Японцы не скрывали своих симпатий к доктору Ба Мо, которого и прочили в премьеры независимой Бирмы. Такины не спорили. В независимой Бирме решать будут они сами.

А возвращение все откладывалось.

В июне пришло известие о том, что немцы напали на Советский Союз. Такины знали о тесных связях Японии с Берлином, хотя японские офицеры не уставали твердить о независимости японской внешней политики.

Вступление в войну Советского Союза изменяло характер войны. Теперь никто уже не мог сказать, что воюют между собой империалисты. Оказывалось, что правы коммунисты, полностью отвергавшие сотрудничество с фашизмом.

К тревоге за судьбу СССР — а ведь сведения о событиях там проходили через руки японцев и выставлялись в таком свете, что вопрос о падении Москвы и полном разгроме советских войск казался вопросом дней, — примешивались растущие сомнения в искренности японцев. Они становились все увереннее в своих силах, все больше проникались презрением к англичанам и американцам. Вот-вот война должна была перекинуться в Юго-Восточную Азию.

Аун Сан тратил много усилий на то, чтобы поддерживать своих товарищей. Он очень возмужал за эти месяцы. Такины же привыкли к тому, что он не только их командир, но и главная опора, с этим считались и японцы.

Осенью 1941 года начались сборы для переезда в Тайланд, который служил Японии плацдармом для подготовки наступления против Бирмы и Малайи.

8

Перед тем как перейти к рассказу о войне, стоит вернуться в Бирму и посмотреть, что же происходит там, что нового принесли туда те месяцы, которые Аун Сан провел в Японии.

Новый губернатор Бирмы Дорман-Смит оказался в довольно трудном положении. Британское правительство опиралось в Бирме на откровенного подонка, премьера У Со, но для Дорман-Смита лучше был он, нежели беспомощные, оторванные от жизни адвокаты преклонных лет, проанглийские политики двадцатых годов.

И что самое интересное, английский губернатор почувствовал после первых же встреч, что этот подонок ему чем-то нравится. Очевидно, и губернатор понравился премьер-министру. И они начали работать в полном согласии. У Со прекратил заигрывания с японцами, стал активным англофилом, ратуя на митингах и собраниях за войну до победного конца. Попутно не забывал и о своем кармане.

У Со любил заходить на чашку чая к вежливому, выдержанному губернатору — к настоящему джентльмену. Дорман-Смит иногда позволял себе в дружеских беседах намекать на отрицательные стороны натуры своего премьера. Например, так:

— Говорят, мой дорогой У Со, вы берете взятки.

— ?

— Дошли до меня слухи, что за назначение известного нам обоим человека в Мандалай вы положили в карман десять тысяч рупий?

Ваше превосходительство, не хотите ли вы предположить, что я, премьер-министр, могу продавать должности?

— Ни в коем случае. Но за эту должность вы все-таки взяли десять тысяч?

— Нет. Честное слово, нет.

И на лице У Со появляется загадочная улыбка. Губернатор знаком уже с ней.

— Так тогда сколько?

— Пятнадцать тысяч. И больше об этом ни слова. Обещаю больше не брать.

Добродушно посмеиваясь, друзья переходят в столовую.

Там уже накрыт стол, и супруга губернатора ждет их. И любимая обезьянка супруги, по имени мисс Гиббс, тоже пробралась в столовую. Начинается мирный, приятный ужин.

Губернатор со своей стороны делал все, чтобы заручиться поддержкой и завоевать любовь министров. Даже свадьбу своей дочери устроил по старинному бирманскому ритуалу. Так венчались дочери королевских министров. Прямо из церкви молодая пара уехала в Меймьо — горный курорт неподалеку от Мандалая, и там в присутствии всего кабинета специально привезенные из бывшей столицы астрологи читали молитвы на

языке пали и поливали новобрачных освященной водой.

Любители бирманской старины были польщены. На остальных бирманцев церемония не произвела особого впечатления. А английская колония в Бирме была явно шокирована.

У Со все с большей горячностью поддерживал усилия губернатора, направленные на укрепление обороны Бирмы. Даже позволял себе недоброжелательно отзываться о своих прежних друзьях:

— Они жестокие люди, эти японцы. Посмотрите, как они ведут себя в Китае. Когда я попал в Японию, я был молод, и, понятно, мне понравилось там. Ведь и англичане тоже восторгались ими в свое время. Приятно было видеть, что азиаты способны построить такую могучую и культурную страну. Но после того как они принесли столько бед китайцам, я не могу их уважать. Я их ненавижу.

В открытых выступлениях У Со не переставал твердить, что цель его жизни — независимость Бирмы. Но возникала необходимость подготовить аэродромы для английских самолетов или провести мобилизацию среди каренов — У Со отдавался этим задачам со всей своей энергией.

Смущали премьера надвигавшиеся выборы.

— Я бы с удовольствием переарестовал всех своих противников, — говорил он откровенно губернатору. — Но не могу всех арестовать, не подорвав свои позиции. Прошу вас, возьмите на себя охрану порядка во время предвыборной кампании, и я дам вам список всех, кого надо арестовать. Конечно, вам придется арестовывать и всех тех, кто будет выступать и говорить, что я продался англичанам.

— Мне это тоже не очень выгодно, — с такой же откровенностью отвечал губернатор. — Но есть выход. Мы просто отложим выборы до конца войны. Вы меня устраиваете как премьер. Мы с вами вполне сработались.

Все эти беседы между премьером и губернатором не вымысел автора. Сам губернатор передал их содержание впоследствии своему биографу. А сколько было еще бесед, содержания которых губернатор решил не обнародовать?

Однако как губернатор, так и У Со понимали, что мир и порядок, обеспеченные полицией, не могут продолжаться вечно. Тем более, со всех сторон приходили слухи о том, что такины и коммунисты снова активизируются и критикуют премьера на своих митингах. Прошли две забастовки в Рангуне. Обе удалось быстро подавить — время военное, и с забастовщиками не церемонились. Но они заставили У Со призадуматься.

И он наседал на губернатора, чтобы тот потребовал от Лондона для Бирмы хотя бы статуса доминиона после войны.

Губернатор отлично понимал обоснованность требований У Со. Он тоже сильно рассчитывал на такую подачку бирманскому общественному мнению. Но министерство иностранных дел молчало.

К концу августа 1941 года У Со начал проявлять явные признаки нетерпения. Его позиции слабели с каждым днем. На него нападали уже и крайние правые, нападали бывшие друзья.

— Я так больше не могу, — жаловался У Со губернатору. — Если Лондон не поможет мне, то мое правительство падет, а от этого Англии будет только хуже. Я себя гублю сотрудничеством с вами, и, возможно, скоро мне придется уйти в отставку. Неужели я не заслужил маленького подарка?

В августе была подписана Англией «Атлантическая хартия», в которой говорилось о праве каждого народа решать свою судьбу. У Со воспрянул было духом, но вскоре пришло разъяснение: «Положения хартии не распространяются на страны, входящие о Британскую империю».

У Со становился все менее послушным.

— Ваша независимость за углом, — сказал ему как-то губернатор.

И с невиданной ранее горечью премьер ответил:

— Я натыкался уже на столько углов.

Губернатор догозорился с министерством иностранных дел о приглашении бирманского премьера в Лондон. Может, в беседах с английскими высшими чиновниками удастся убедить их в безвыходности положения? Хуже от этого не будет, полагал губернатор. А вдруг У Со убедит хозяев в том, что обещание, хотя бы неконкретное, просто необходимо для того, чтобы удержать Бирму в руках?

Перед отъездом в Англию У Со решил помолиться в пагоде Шведагон. Но в своем вечном стремлении к дешевым эффектам не пошел туда пешком, а поднялся над Рангуном на личном самолете и облетел пагоду несколько раз, бормоча с неба молитвы. И тут он просчитался снова. Никому такой трюк не понравился. Если ты пришел поклониться пагоде, то будь ниже ее, уважай святыню. У Со же постарался вознестись.

Прощаясь с губернаторшей на балу, который дал в честь его отъезда Дорман-Смит, У Со сказал ей:

— Вы знаете, я очень смелый человек, раз решился лететь через всю Европу, через фронты, и все ради моей Бирмы.

Рядом были репортеры — они должны были услышать эти слова.

Губернаторша ответила также громко, также в расчете на репортеров:

— Да, вы отважный человек, и все мы это знаем.

— Надеюсь, я вернусь с победой. Если нет — придется уйти в отставку. Моя карьера кончена. — Это было сказано уже тише.

— Нет, об этом и не думайте.

В октябре 1941 года У Со прилетел в Лондон. Чиновники бирманского департамента министерства по делам Индии встретили его очень тепло. Они знали о нем из донесений губернатора. 18 октября У Со принял Черчилль и разговаривал с ним часа полтора.

О содержании беседы мы знаем из записок Черчилля. У Со сказал, что он не сомневается в искреннем стремлении английского правительства дать Бирме независимость, однако желал бы получить гарантии того, что Бирме будет обещана независимость или по крайней мере статус доминиона. Черчилль был сух и непреклонен. Он поставил на место бирманского премьера. Он сказал, что сейчас в разгар войны, когда Англия находится в таком тяжелом положении, поднимать вопрос о независимости попросту нетактично. Будущее Бирмы зависит от того, выиграет ли Англия войну. Если да, то вопрос о статусе Бирмы будет выработан в самой либеральной форме.

— Но если Япония нападет на Бирму, то отказ дать ей независимость может неблагоприятно сказаться на духе бирманцев.

— Япония не может напасть на Бирму, — последовал ответ. — Она никогда не осмелится.

Черчилль говорил искренне. Он до самого последнего момента был а этом уверен. И он не мог позволить себе разбазаривать Британскую империю, собранную по крохам его предшественниками. Бирманскому премьеру придется разочаровать своих подданных.

У Со бросился в министерство по делам Индии. Но там его не смогли успокоить. Если Черчилль считает, что никаких обещаний давать нельзя, значит так и будет. Правда, и У Со дали понять, что если Бирма хорошо проявит себя во время войны, то вопрос решить будет куда проще.

Такая ситуация У Со не устраивала. За один день все его надежды рухнули. Ставка на англичан была бита. Всю ночь он метался по номеру гостиницы. На следующий день объявил нетерпеливым репортерам, что собирается в США, хочет поговорить с Рузвельтом. Репортеры поняли, что переговоры с Черчиллем не увенчались успехом.

И У Со еще не успел покинуть Лондона — в Бирме знали, что

независимости от англичан ждать не приходится.

Рузвельт, уведомленный о ходе переговоров в Лондоне, был вежлив, но дал понять, что не собирается вмешиваться в дела союзника. У него достаточно своих забот.

У Со сел в самолет, идущий на Гавайи, и приземлился там 8 декабря, о день нападения японцев на Пирл-Харбор. Самолет дальше не шел. У Со вернулся в США, пересек Америку, Атлантический океан и достиг Лиссабона. По пути у него было достаточно времени принять нужное решение. И он принял его.

В Лиссабоне У Со нанес визит японскому послу.

У Со не знал, что к тому времени английская разведка разгадала японский дипломатический шифр. И каково было удивление английских разведчиков, когда в перехваченном донесении из Лиссабона они получили подробную запись беседы, в которой премьер-министр Бирмы, верный и надежный У Со, предлагал свои услуги Японии и обязывался полностью подчиняться указаниям из Токио.

У Со сняли с самолета в Бейруте. Вошли в ресторан, где он завтракал во время стоянки самолета, и попросили проследовать за сотрудниками Интеллидженс сервис.

Итак, У Со в самом начале войны исчез с политического горизонта. Его сослали в Кению, где он и прожил следующие четыре года. Губернатор Дорман-Смит получил соответствующее внушение из Лондона и занялся подысканием нового премьера.

А война уже подвигалась к границам Бирмы, и неотвратимость ее вносила свои коррективы во внутреннее положение в стране.

Единственными последовательными противниками Японии в Бирме оставались коммунисты, сидящие в тюрьмах, преследуемые полицией.

После того как фашисты напали на Советский Союз, всякие колебания прошли. Главное было — победить фашизм.

Но это совсем не значит, что англичане хоть на йоту изменили отношение к коммунистам. Они все равно оставались их главными врагами в Бирме. Коммунистов продолжали сажать и преследовать.

Общественное мнение все больше склонялось к сотрудничеству с японцами. И после неудачного визита У Со в Англию даже многие англофилы отвернулись от Великобритании.

Если разочарование в японцах охватывало Аун Сана и его товарищей по военному лагерю постепенно и, даже понимая, что представляет из себя японская военщина, Аун Сан продолжал сотрудничать с ними, чтобы сохранить силы такинов, то у коммунистов сомнений не было. Но они не имели большого

влияния в Бирме, тем более если учесть, что все руководство компартии находилось в тюрьмах.

А Аун Сан и его товарищи уже создавали в Тайланде бирманскую армию. К ним присоединились сотни бирманских и шанских эмигрантов, и первые роты уже маршировали под Бангкоком. Правда, японцы не спешили дать им оружие.

В начале декабря Бирманская армия независимости была официально организована в Бангкоке.

В один из последних вечеров тридцать товарищей собрались в штабе армии. Сели на циновки. Поставили посреди комнаты чашу с водой. Каждый брал нож, царапал себе руку, и несколько капель крови падало в чашу. А когда кровь всех тридцати смешалась, каждый отпил из чаши.

Потом по очереди вставали на колени перед Аун Саном и по бирманскому обычаю кланялись ему в ноги, сложив ладони перед грудью. И каждого Аун Сан благословил. И сказал:

— У нас трудный путь. И мы должны пронести в сердцах нашу мечту, какие бы ветры ни старались вымести ее оттуда. На заре нашей истории случалось, что корабли, уходившие к Тенассериму, уносило ветрами к другому берегу Бенгальского залива, к Аракану. Нас может также разбросать судьба, но те из нас, кто достигнет все-таки нужного берега, должны продолжать борьбу.

Перед расставанием решили, чтобы каждый выбрал себе имя. Чтобы это имя было гордым и напоминало о подвигах их предков. И с того дня Аун Сан стал Бо Теза, что значит «могущественный предводитель»; Такин Шу Маун — Бо Не Вин, что значит «блестящий как солнце».

Новые имена должны были выполнять также и другую цель — родственники командиров оставались в Бирме. И не стоило раньше времени выдавать свои имена англичанам. Неизвестно, какими путями пойдет борьба, какой ценой будет завоевана свобода.

К Аун Сану новое имя не пристало. Его слишком хорошо знали. Знали как Ко Аун Сана, знали как Такин Аун Сана. Да и самому ему имя не очень нравилось. Оно было слишком помпезным, и если бы не настояния друзей, он и не взял бы его.

А вот у других имена прижились. И мало кто знает теперь, что, например, премьер-министра Бирмы генерала Не Кипа раньше звали Шу Мауном.

А еше через несколько дней был Пирл-Харбор, и началась война.

ГЛАВА ПЯТАЯ
БО АУН САН

1

11 ноября 1941 года, выступая на банкете в Гилдхолле, Черчилль сказал: «Было бы безрассудной авантюрой для японского народа вмешаться без всякой на то необходимости в мировую борьбу».

Осень сорок первого года была трудной для всего мира. Фашистская Германия находилась в зените своей силы, дивизии Гитлера еще стояли под стенами Москвы, держали в своих руках Северную Африку, всю Европу и угрожали самому Альбиону.

Возможно, в гилдхоллской речи Черчилль старался успокоить своих слушателей, возможно, и себя самого. Япония уже фактически «вмешалась в борьбу», и открытое выступление ее против союзников было вопросом дней.

И хотя война уже витала в воздухе, хотя японцы захватили оставшийся «безнадзорным» французский Индокитай, проникли в Таиланд, прижали гоминдановцев почти к самым границам Бирмы, и все-таки, как это ни удивительно, сама мысль о вторжении японцев в Бирму казалась английским генералам

еретической и недостойной внимания.

Мешало реальной оценке событий и слишком большое значение, которое придавалось «неприступной крепости» — Сингапуру. В надежде на то, что Сингапур выдержит и пресечет любую попытку японцев вторгнуться в Бирму и Малайю, оборона остальных районов Юго-Восточной Азии была организована из рук вон плохо.

В сентябре Бирму посетил главный маршал авиации Великобритании Полхам. Он провел инспекционную поездку и заявил, что единственной дивизии, расквартированной в Бирме, вполне достаточно для обороны страны. Высказал предположение, что японцы, в случае если все-таки решатся напасть, будут наступать через Шанское нагорье, и приказал перевести основные части дивизии туда, на северо-восток.

В октябре побывал в Бирме министр информации Купер. Он выступил перед английскими офицерами в Меймьо и сказал, что вряд ли кому из них придется понюхать пороху. В конце октября приехал еще один важный гость — новый командующий вооруженными силами Индии генерал Уэйвел. Его перевели туда оправляться от разгрома, который учинил ему в Африке Роммель. Уэйвел тоже считал, что войны не будет, но все-таки явная беззащитность Бирмы, беспечность, с которой относились к ее обороне, встревожили битого Роммелем генерала. Генерал написал докладную записку, в которой испрашивал для Бирмы еще одну бригаду и батарею. Также разрешения начать строительство дороги из Бирмы в Индию через Аракан. За сто лет англичане не удосужились построить дороги из Рангуна на запад.

И что бы там ни было — у англичан оставался Сингапур. За ним Бирма была как за каменной стеной.

15 декабря, через неделю после Пирл-Харбора и через пять дней после уничтожения воздушным налетом английского тихоокеанского флота в Сингапуре, японские войска перешли бирманскую границу и заняли Викторию Пойнт, на самом юге страны. Там находился аэродром — заправочная площадка для самолетов, летевших из Индии в Сингапур. Воздушный мост к «непобедимой крепости» был перерезан. Несколько дней в Рангуне не хотели верить а это. Пока не прибыли первые беженцы.

В тот же день был отдан указ об аресте всех оставшихся на свободе такинов. С японскими дивизиями в Бирму вошла Бирманская армия независимости, которая насчитывала около трех тысяч плохо вооруженных, но горящих энтузиазмом солдат.

Губернатор Бирмы сэр Дорман-Смит вызвал к себе нового премьера По Туна, и тот опубликовал заявление о том, что

«Бирма готова отразить любую агрессию». Командующий английскими вооруженными силами в Бирме издал приказ: «На земле и на море Бирма отразит любого врага».

Сквозь барабанный бой речей проскальзывали первые нотки неуверенности и страха. Все билеты на пароходы в Индию были раскуплены на полгода вперед. Наиболее дальновидные чиновники и офицеры уже понимали, что к японскому вторжению Бирма не готова. Тем более что мало кто из бирманцев считал вторжение японцев вторжением врагов. Ведь с ними шла армия Аун Сана.

Лондон обратился к Чан Кай Ши. Снабжение его армий шло через Бирму. 5-я и 6-я армии гоминдана стояли без дела на бирманской границе. Может ли генералиссимус бросить их на юг на защиту важных для него коммуникации?

Чан Кай Ши в принципе согласился, но никаких практических действий за этим не последовало.

Японцы поднимались вверх по длинному и тонкому «хвосту» Бирмы — тенассеримскому побережью. Этим они спутали все карты английских генералов, которые предсказывали, что вторжение будет начинаться с Шанского нагорья. В конце декабря пал город Мергуи. Проводниками японцев были бирманские добровольцы.

Генерал Уэйвел бросился на север, в ставку Чан Кай Ши. Когда прибудут китайские армии? Чан Кай Ши уклонился от прямого ответа. Чан Кай Ши не очень доверял союзникам. Армий все не было.

Тем временем война добралась и до Рангуна.

Это было для всех полнейшей неожиданностью, и о такой возможности старались даже не думать. Утром 23 декабря семьдесят японских бомбардировщиков и тридцать истребителей совершили налет на бирманскую столицу. Их встретили несколько старых истребителей — все, чем располагал Рангун. Зенитной артиллерии в городе не было.

Не подозревали об опасности и жители города. Они высыпали на улицы, наблюдая за воздушным боем. И когда бой кончился полным уничтожением английских истребителей, бомбардировщики начали спокойно, без помех осыпать бомбами рангунские улицы. Было убито и ранено несколько тысяч человек.

Об обороне некому было заботиться еще и потому, что с первыми признаками опасности чиновники, отвечавшие за ПВО города, сбежали на запад. Единственные, кто пришел на помощь раненым, были бирманские добровольцы, наспех созванные доктором Ба У, будущим президентом независимой Бирмы. Весь день добровольцы не покидали улиц, собирая трупы, отвозя

раненых в переполненные госпитали. Вечером в квартире Ба У зазвонил телефон:

— Говорит адъютант губернатора. Его превосходительство просит передать вам, что ваши люди плохо работают. Они только болтают и едят.

Даже сдержанный Ба У взорвался:

— Как вы смеете так говорить? Это же добровольцы, которые совсем не обязаны отчитываться за халатность властей. Весь день они не покидают улиц, и никто им не помогает.

Ба У повесил трубку.

На следующий день начался массовый исход индийцев из Рангуна. Они в то время составляли половину населения столицы — более двухсот тысяч человек. Индийцы в панике бежали из города и любыми способами старались пробиться на запад, к дому, к безопасности. Теперь они уже не верили успокаивающим речам английских чиновников. Бесконечный поток стремился к перевалам Араканских гор, к Бенгальскому заливу. На пути не было ни пунктов питания, ни госпиталей. Люди умирали тысячами, но шли. А Рангун опустел.

27 декабря был назначен новый командующий фронтом, генерал Хаттон. Генерал представил отчет о положении дел: «Штабной состав полностью непригоден и недостаточен… разведка является таковой только по названию. Мы часто находимся в неизвестности относительно того, что творится на таиландской границе. То же относится и к внутренней разведке».

Генерал имел в виду настроения и действия бирманцев внутри страны. Бирманцы не встали на защиту англичан. И это понятно. В конце концов англичане были угнетателями, и им нечего было делать в Бирме. В массе бирманское население и в первую очередь бирманское крестьянство были пассивными свидетелями событий. Молодежь горячо встречала свою армию, армию Аун Сана, присоединялась к ней. Многие считали, что хуже, чем при англичанах, не будет, так что японцев встречали скорее доброжелательно. Было несколько случаев, когда навстречу им выходили старейшины деревень с подарками. Но японцы подарки отбирали, и старейшин избивали; чувствовали свою силу и не собирались церемониться.

Аун Сан старался обгонять японцев, первым входить в города и деревни, чтобы организовывать там местные комитеты самоуправления, устанавливать бирманскую власть на местах. Японцам это не нравилось, но они были вынуждены терпеть подобное самоуправство бирманских союзников.

«Судьба Рангуна решится в течение ближайших десяти дней, если не будут присланы подкрепления», — летели телеграммы в

Лондон. Подкрепления поступали, но их было недостаточно и они запаздывали. Бирманцев в английской армии фактически не было. Они были слишком ненадежны.

Разгромив две бригады, прикрывавшие Моулмейн, японцы заняли его и развернулись фронтом к Рангуну.

В наступлении на Рангун принимали участие две японские дивизии неполного состава и отряды Аун Сана, вооруженные в основном трофейным оружием, а то порой копьями и мечами. Военное превосходство японцев над англичанами было не так велико, как могло бы показаться из панических телеграмм, но дело было не только в военном превосходстве.

«Люди, воспитанные на стихотворении Киплинга «По дороге в Мандалай», — напишет через несколько лет после этих событий английский историк Харви, — были поражены в 1942 году, когда они услышали о том, что наши войска в Бирме, отступая перед японскими в иссушающей жаре, под солнцем, не получали должного гостеприимства, и, больше того, случалось, что на них нападали с тыла, когда они проходили через деревни. Что могло случиться, что вызвало изменения в таких порядочных людях, как бирманцы?»

Харви — историк колониальный. Порядочность он понимает точно так, как ее понимали английские чиновники. Порядочность — это когда. туземец кланяется тебе и говорит: «Слушаюсь, сахиб (или такин)». Так учил Киплинг, и они верили Киплингу.

Протрезвление запоздало. И оно было горьким. Теперь английские историки винят Черчилля в том, что он отказался пообещать Бирме статус доминиона, считая, что это удовлетворило бы бирманцев и те встали бы на защиту англичан. Здесь историки пугают бирманских политиков типа У Со и бирманский народ. Разговоры о статусе доминиона или изменении колониальной конституции не меняли существа дела. Народные массы, возглавляемые новыми силами, требовали независимости, и только ее. Стремление к независимости привело такинов к сотрудничеству с японцами, но оно же вскоре поднимет их против японских оккупантов. Такины были частью народа, выражали мысли многих бирманцев. А для англичан они были «экстремистской группой», смутьянами.

Рангун готовился к эвакуации. Саперы закладывали заряды под портовые сооружения и нефтеочистительный завод в Сириаме, над государственными зданиями поднимались густые столбы дыма — жгли архивы, накопившиеся за сотню лет. В Мандалае и Меймьо уже подготавливались новые дома для английской администрации. А через безводные перевалы Араканских гор тянулся многотысячный поток индийских

беженцев, и они умирали от истощения и холеры.

Дорман-Смит телеграфировал в Лондон: «Я задержу здесь правительство как можно дольше. Сам же не имею намерения покидать Рангун».

Губернатор решил держаться до последнего. Население Рангуна упало с четырехсот до ста пятидесяти тысяч человек. На улицах бушевали пожары и орудовали мародеры.

Японские войска не спеша продвигались от Моулмейна на запад, к реке Ситтан, где у единственного моста скопились бригады, защищавшие Рангун.

Дорман-Смит телеграфировал в Лондон: «Я останусь в Рангуне, пока не будут проведены все взрывные работы». Губернатор уже был согласен уехать.

В тот же день покинула Рангун супруга губернатора. Она записала в своем дневнике: «Настроение подавленное. В три часа выехали. Жена Миллера, я и Клео (собака) в «роллс-ройсе», потом два грузовика со слугами, примерно человек шестьдесят, и Миллер в третьей машине. Все набито багажом. Мисс Гиббс (обезьянка) волнуется. Прибыли в Таунгу в 10 вечера. В гостинице очень грязно».

Растерявшийся секретарь по уголовным делам дал приказ выпустить из тюрьмы уголовников. Их некому было охранять. Резко усилились грабежи и убийства. Секретарь кончил жизнь самоубийством. Были выпущены больные психиатрической лечебницы.

Битва у моста через реку Ситтан, которая решила судьбу Рангуна, произошла 22 и 23 февраля. Ночью английские бригады начали переправляться через реку, чтобы занять плацдарм на ее правом берегу. Но не успела переправиться первая бригада, как у моста появились японские части. Японцы отрезали переправившуюся бригаду от двух остальных. Целый день продолжался бой за мост, однако, хотя японцам и не удалось прорваться к нему до темноты, ночью был отдан приказ взорвать его и оставить две английские бригады на левом берегу на произвол судьбы. Так и было сделано. Основные силы английской армии перестали существовать.

Дорога к Рангуну была открыта.

Оправдываясь перед будущими поколениями, Черчилль напишет в своей многотомной эпопее «2-я мировая война»: «Подкрепления не могли достигнуть Бирмы вовремя. Но если мы не могли послать армию, мы послали одного человека».

Этим человеком был генерал Александер, который впоследствии прославился на других фронтах. В Бирме он не прославился.

Дорман-Смит телеграфировал в Лондон: «Я намереваюсь покинуть город 1 марта, после того как отдам приказ о начале взрывных работ». Губернатор уже решил не ждать, пока пройдут взрывы. Он пригласил на последний ужин своих адъютантов. Повар достал бутылку вина. Поужинав, перешли в бильярдную. Сыграли партию. Один из адъютантов посмотрел на портреты предыдущих губернаторов. Длинной чередой висели они на стене. Губернаторы раздражали его. Они смотрели на него с гордым негодованием. Они не могли простить позора. Адъютант поднял тяжелый, слоновой кости бильярдный шар и запустил им в лицо первого из губернаторов. Дорман-Смит промолчал. Остальные адъютанты присоединились к избиению портретов.

За окном гудела машина. Пора было бежать.

Через несколько дней войска оставили город.

Когда замолкли взрывы, последние подрывники сели в катер и поплыли вниз по реке.

Вот что пишет один из них: «Над городом висело громадное облако дыма. Пылала электростанция, чернели скелеты пакгаузов, как пьяные, подкосились подорванные портовые краны. И нигде не было видно и следа присутствия человека. Когда упала ночь, все небо было охвачено оранжевым светом, будто отблеском ада».

Не знаю, пришло ли кому-нибудь из англичан в голову, что уничтожен был не свой, а бирманский город, что много лет после войны придется бирманцам восстанавливать порт и причалы, заводы и электростанции.

То, что бирманцы строили много лет, было уничтожено за несколько дней. Уходя из города, англичане оставили скелет города.

Таким его и увидел Аун Сан, когда снова, после полугодовою отсутствия, прошел по его улицам. Не таясь. На Аун Сане был мундир японского полковника, длинная сабля путалась в ногах, и фуражка никак не налезала на выпуклый лоб.

С каждым днем становилось яснее, что японцы не намереваются выполнять своих обещаний. Обещали объявить независимость Бирмы, как только перейдут границу, и как будто начисто забыли об этом. Попросили подождать до взятия Рангуна. Спутывал все карты и невероятно быстрый разгром англичан. Вместо упорной борьбы на границе, во время которой можно будет организовать сопротивление, поднять народ, получилось то, что немцы называли блицкригом — молниеносной войной.

Аун Сан старался попасть в некоторые города раньше японцев, чтобы организовать там бирманские органы власти, встретиться с людьми, восстановить ячейки партии. К счастью,

Аун Сану в этом помогал сам полковник Судзуки. Тому было выгодно, чтобы его детище — бирманская армия показала себя с лучшей стороны.

И еще одна причина заставляла Аун Сана спешить. Уж очень часты стали столкновения населения с японскими войсками. Даже в его армии случилось несколько ЧП — солдаты убили японского советника, который избил настоятеля монастыря. Пропало без вести полдюжины японских солдат. Аун Сан знал, что смерть их — дело его солдат. Но удалось убедить японцев, что бирманцы не имеют с этим ничего общего. До поры до времени удалось. А что будет дальше?

Еле-еле успели выхватить из рук японцев коммунистов, которых освободили из моулмейнской тюрьмы. Японцы бы их расстреляли. Аун Сан встретился с коммунистами в городе — не рискнул привести в штаб. Двоих из них он знал и раньше. Разговор с ними получился тяжелым и неприятным. Коммунисты не хотели простить Аун Сану сотрудничества с японскими захватчиками для пользы дела. Однако решили, что один из них останется в армии Аун Сана солдатом. Будет на связи.

Офицеры бирманской армии вместе с Аун Саном написали докладную в японский штаб. Они требовали, чтобы сняли японских советников и наблюдателей, которые контролировали каждый их шаг.

Письмо посылали не без опасения, что оно может вызвать резкую реакцию японского командования.

Письмо послали утром, а уже после обеда пришел приказ всем явиться в штаб, к полковнику Судзуки.

Когда бирманцы вошли на территорию штаба, они увидели, что двор заполнен японскими солдатами. Положение было не из приятных. О сопротивлении не приходилось и думать. Бирманских офицеров было человек двадцать. Японцев — две сотни. С крыш на двор смотрели рыльца пулеметов.

Только у Аун Сана был меч. Остальные пришли без оружия. Открылась дверь, и на пороге штаба торжественно показался Судзуки. Он был одет в кимоно и в руке держал самурайский меч. За ним вышли четверо телохранителей.

— Что это значит?! — спросил Судзуки, размахивая письмом. Он наколол письмо на кончик меча и протянул его Аун Сану.

Аун Сан не двинулся с места. Судзуки покачал письмом перед лицом Аун Сана и продолжал уже другим тоном:

— Вы все мои сыновья. Мы вместе боремся за свободу Бирмы. Если у вас есть жалобы, если вы недовольны чем-то, зачем писать письма командованию? Придите к отцу, и мы все выясним полюбовно. Вы, надеюсь, уже передумали и отказываетесь от

своих необдуманных требований? Как вы можете требовать, чтобы Бо Теза, он же мой любимейший сын Ко Аун Сан, стал единоличным командующим вашей армией, а вы самостоятельными офицерами? Ведь это нарушит единство наших действий. — И другим тоном, заговорщицким: — Вы же знаете, что не все доверяют вам так, как доверяю я. Есть люди в нашей армии, которые предпочли бы, чтобы вас не было. И вы даете им в руки такой документ. Вы знаете, чем это может кончиться?

И Судзуки показал на японских солдат во дворе.

— Простите, ваше превосходительство, — вмешался один из бирманских офицеров, — но десять тысяч бирманских солдат ждут вашего решения, ждут, когда мы вернемся к ним.

Судзуки согнал с лица улыбку и отпустил бирманцев.

— Психологическая атака, — смеялся Аун Сан, когда они вернулись в свои штаб. — Вот посмотрите, они сдадутся.

На следующее утро посыльный привез приказ, который назначал Аун Сана командующим бирманской армией вместо полковника Судзуки. Функции советников были ограничены, но все-таки советники остались.

Японцы предпочли не ссориться с союзниками.

Им ничего не стоило арестовать весь комсостав бирманской армии. Но, во-первых, они не были уверены, что смогут найти ему надежную замену, а во-вторых, бирманская армия была им нужна. То, что японцы выступали как союзники бирманцев, облегчало им военные действия.

И вот генерал Аун Сан идет по улицам сожженного Рангуна. Один из его полков успел войти в город вместе с авангардом японцев, и, пока те занимали правительственные учреждения, разведчики Аун Сана бросились к тюрьмам Рангуна. Успеть освободить политзаключенных раньше, чем туда придут японцы. Борьба только начиналась.

2

Раздраженные уловками Чан Кай Ши, который принимал все меры, чтобы не давать обещанных англичанам двух армий, американцы назначили командовать ими генерала Стилуэлла. Чан Кай Ши не мог им прямо отказать. Он зависел от американской помощи. И скрепя сердце согласился на подобное унижение.

Американский генерал, полный решимости изменить ход войны в Бирме, обнаружил, что дела идут еще хуже, чем он

предполагал. Английские войска панически откатывались на север, китайские и не думали продвигаться к югу.

«Что за лавочка, — писал он жене (генерал никогда не стеснялся в выражениях), — как я ненавижу этих англичашек! Черт знает, куда я попал». В беседе с Дорман-Смитом Стилуэлл заявил, что поскольку он теперь китайский главнокомандующий, то будет расстреливать каждого бирманца, которого заподозрит в сочувствии к японцам. Губернатор немедленно согласился.

После Стилуэлла к губернатору зашел китайский генерал Ту. И этот генерал сообщил губернатору, что командующий китайскими войсками — он.

— А как же Стилуэлл? — удивился губернатор.

— Американец только думает, что командует. Мы считаем, что самый лучший способ заставить американцев помогать нам — это дать им несколько командных постов на бумаге. Нам это не повредит.

Потом заходил еще один китайский генерал и сказал то же самое. Четвертым командующим китайскими армиями оказался генерал Александер. И он тоже информировал об этом губернатора.

В конце концов китайские армии вступили в Бирму, но большой пользы войне не принесли. В памяти бирманцев они остались как грабители и убийцы. Они разделяли точку зрения своего американского командующего, что лучше всего подозрительных бирманцев сразу ликвидировать, и убивали на месте всех буддийских монахов, попадавшихся на глаза. А что касается генерала Стилуэлла, то от него нам в наследство остались дневник, в котором он, не стесняясь в выражениях, кроет всех направо и налево, да фотография, на которой он стоит в обнимку с Чан Кай Ши и мадам Чан Кай Ши.

К концу марта японские и бирманские войска обходным маневром прорвались к Таунгу, разгромив по пути китайскую дивизию, поставили под угрозу Мандалай (в который перешла вся британская администрация) и нефтепромыслы Енанджауна.

Наступило время губернатору и его супруге бежать дальше на север.

Супруга губернатора записала в дневнике: «Позвонили по телефону, что должны немедленно, собираться и ехать в Лашио (на север от Мандалая). Поражена как ударом грома. Из Рангуна привезли мисс Гиббс (обезьянку). Она путешествовала на крыше грузовика, но тем не менее перенесла путешествие хорошо. Приехали остальные собаки…»

Наступление японцев сопровождалось тяжелыми ударами с воздуха. Там они были безраздельными хозяевами.

Южный путь в Индию, через Араканские горы, уже перерезали японцы, и оставались пути отступления только через Чинские и Качинские горы, сотни миль по бездорожью. Туда и устремились потоки беженцев. Бегство это было еще трагичнее, чем через южные перевалы.

3

Массовые аресты такинов и коммунистов заполнили Рангунскую тюрьму до отказа. Отступая, англичане привезли с собой тех политических заключенных, которых не хотели оставлять японцам, — боялись, что те могут присоединиться к ним. Спать приходилось по очереди — не было места в камерах, чтобы улечься всем сразу.

Здесь находились многие из лидеров такинов и коммунистов. Были здесь и попавшие в немилость У Со сторонники Ба Мо, было много случайных людей и уголовников.

Тюрьма наводнялась слухами. На прогулке заключенные сообщали друг другу новости, иногда правдивые, иногда фантастические. Отделить правду от вымыслов было почти невозможно. Мало кто мог разобраться в действительном положении в стране, а что уж говорить о заключенных, единственным источником информации которых были сведения, что приносили родственники из Мандалая.

— Бы знаете, что в Таравади всех заключенных взорвали бомбами?

— Нет, у меня надежные сведения — англичане заберут нас всех в Индию и продержат там до конца войны.

— Ну, это ненадолго. С такой скоростью японцы через месяц будут в Дели.

— Аун Сана убили в бою.

— Нет, он перешел к англичанам.

— Я знаю лучше, он скрывается в Шанских горах вместе с доктором Ба Мо. И они готовят восстание.

— Против японцев не восстанешь. Чудом пережили вчерашнюю бомбежку. А где английские самолеты?

Почти все заключенные с нетерпением ждали прихода японцев. Ведь с ними, наверно, шел Аун Сан, шла бирманская армия. И тех немногих, кто поддерживал коммунистов и призывал к борьбе с фашизмом, в глаза называли английскими агентами.

Заключенные голодали. Большинство стражи сбежало, и поставщики под шумок сбывали в тюрьму гнилье и залежь. А

потом исчез последний поставщик, и заключенные перешли на фасоль — единственное, что оставалось на тюремном складе. Скоро до тюрьмы добралась холера, которая свирепствовала по всей Бирме.

Пошло известие о том, что японцы перерезали дорогу на север и не сегодня-завтра будут в Мандалае. Назавтра двери тюрьмы открылись и выпустили на свободу большинство заключенных. Осталось несколько сот такинон и коммунистов да сотни две случайных людей. Почему их не выпустили, не знали даже сами тюремщики. Ворота закрылись, и два дня никаких сведений с воли не поступало.

Надо было срочно что-то предпринять. Коммунисты знали, что японцы не помилуют их. Были колебания и среди левых такинов: что делать, чью сторону принять?

Тут обнаружилось, что из всего штата тюремщиков остались начальник тюрьмы и двое сторожей у ворот. Отправили делегацию к начальнику тюрьмы.

— Десять тысяч рупий и помощь в погрузке и вывозе моих вещей, — сказал начальник.

Заключенные смогли собрать только сто рупий.

— Вы согласны на долговые расписки?

Начальнику тюрьмы не оставалось ничего больше как согласиться.

Ночью в тюрьме состоялось последнее совещание. Решили: коммунисты будут пробиваться на север, в горы, а такины останутся в Мандалае и свяжутся как можно скорее с Аун Саном.

Совещание шло в камере. За решетчатым окном стоило облако дыма. Горел разбомбленный японцами королевский дворец — чудо бирманского деревянного зодчества, горела взорванная англичанами электростанция. Из холерного барака напротив слышались стоны и хрипы умирающих. У тюремного склада возились темные тени. Уголовники хотели вернуться на волю с прибылью. При свете свечей делили одеяла и насыпали в наволочки спичечные коробки.

Наутро все заключенные собрались на тюремном дворе. Они разделились на две группы. Одна, побольше, коммунисты и такины, стояла налегке посреди двора, ждала, пока откроют ворота. Другая, отягощенная узлами, прижималась к металлу ворот, надеясь вырваться на свободу пораньше.

Ворота завизжали и открылись. За ними стоил начальник тюрьмы и стражники с винтовками наперевес. Толпа мешочников хлынула было к ним, но остановилась.

— Никто не выйдет, пока не будет порядка и пока не будет нагружен мой грузовик! — крикнул начальник тюрьмы.

В дело вмешались такины.

— Одна гнилая рыбина портит всю корзину, — сказал Такин Ну. — Что скажут люди о бирманских политиках?

Такин Ну был известен своей рассудительностью и склонностью к литературе и буддийской философии. Он хотел после тюрьмы уйти от политической жизни и заняться личными делами. По крайней мере уверял в этом своих знакомых.

Грузовик с барахлом начальника тюрьмы не заводился. Такины долго толкали его по улице, пока не зафыркал мотор. Грузовик рванулся вперед и исчез в облаке желтой мелкой мандалайской пыли. Такины и коммунисты пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Многие из них еще не скоро увидятся друг с другом.

4

Сэр Дорман-Смит, губернатор Бирмы, узнал, что о нем забыли. Армия отступила на восток, перешла Иравади, и путь на север, к последней ставке губернатора, был открыт для японцев. В Мьиктьине скопилось множество людей, оставленных на произвол судьбы. Выбраться же в Индию можно было только через горы — через непроходимые джунгли, по тропам. Начинался муссон, и с началом дождей в горах даже между деревнями горцы ездили не часто.

Губернатор послал в Лондон очередную телеграмму, в которой говорил, что решил остаться со своими чиновниками до конца. Супруга губернатора решила все-таки уехать в Индию. Из Индии был прислан специальный самолет.

Но, прилетев в Калькутту, леди Дорман-Смит отправилась к маршалу авиации Стивенсону, старому другу губернатора, и сказала тому, что волнуется за судьбу мужа. Вдруг он и в самом деле останется в горах. Вдруг и в самом деле решит отступать со своими подчиненными через горные тропы.

«Я не хочу занимать место, которое может быть отдано больным беженцам», — телеграфировал тем временем губернатор в Лондон.

Стивенсон успокоил супругу губернатора и послал еще один специальный самолет в Бирму. Дорман-Смит спокойно занял место, которое могло быть отдано больным беженцам, и прилетел в Индию.

Остается вернуться к знакомому нам дневнику губернаторши. Адъютанты губернатора отправились пешком через горы. С ними путешествовали мисс Гиббс (обезьянка) и одна из собак. Эта

партия была оснащена и обеспечена припасами куда лучше, чем остальные беженцы. Мисс Гиббс, как пишет леди Дорман-Смит, благополучно добралась до Калькутты.

С мисс Гиббс в безопасности в Калькутте, с беженцами, умирающими на горных тропах, с армией, оставившей Бирму, с гоминдановскими солдатами, превратившимися в заурядных, но жестоких грабителей, с горящим Рангуном и Мандалаем, с японскими флагами, висящими на шестах перед викторианскими солидными зданиями, с армией Аун Сана, идущей от города к городу, — кончилась эра.

И она уже не вернется, хотя убежавшие в Индию министры последнего бирманского колониального правительства и английские чиновники во главе с губернатором обосновались в Симле и уже обсуждают вопрос, как они вернутся обратно.

Независимо от того, возвратятся или нет англичане, Бирме уже не быть такой же, как до войны.

Начинается другая эра — короткая, но болезненная и тяжелая. Избавившись от прежних оккупантов, бирманцы получили новых, еще более жестоких.

5

Чем безнадежнее было положение англичан в Бирме, тем тяжелее приходилось Аун Сану и бирманской армии. Армия, хоть и плохо вооруженная, выросла до двух десятков тысяч человек. Участились случаи неповиновения японцам, расстрелы японских мародеров.

Первое время японцы терпели такое двоевластие. Но как только большинство территории Бирмы было очищено от английских войск, как только пришли подкрепления, вызванные из Индокитая, они перешли к решительным действиям.

В июне 1942 года главнокомандующий японской армии в Бирме генерал Иида объявил о введении в стране японской военной администрации. Иида собрал у себя в ставке командиров бирманской армии, политических деятелей и сказал:

— Независимость Бирмы во время войны является делом невыполнимым и немыслимым. Ваша судьба определяется японской победой. После победоносного завершения войны Бирма достигнет полной свободы. Бирма должна быть готова к длительной войне и мобилизовать для этого все свои ресурсы. Те же, кто подвергает опасности военные усилия или отказывается содействовать удовлетворению военных нужд, будут жестоко наказаны военными властями.

Последней операцией, к которой японцы допустили Армию независимости, был поход ее на север, к Швебо. Это был, так сказать, отвлекающий маневр. Японские части уже господствовали в этих районах, и все военные функции армии ограничивались борьбой с остатками гоминдановских армий, выродившихся в настоящие банды.

Весь этот длинный поход но берегам Иравади Аун Сан проделал с войсками. Солдаты раздобыли ему старенький «форд». Он сложил туда пару запасных лоунджи, рубашку — так и прошел по всей Бирме.

Японцы не разрешали армии удаляться далеко от реки и зорко следили за каждым ее шагом. По все-таки Аун Сан был доволен тем, что армия движется. Это была неплохая школа для офицеров и солдат, возможность обзавестись кое-каким трофейным оружием. Много его было в деревнях. Крестьяне подбирали оружие, брошенное англичанами, и не жалели его для своих солдат. За эти недели Аун Сан лучше узнал свою армию, а армия, в составе которой было много молодых солдат, присоединившихся к ней уже в Бирме, узнала своего командующего.

В Швебо Аун Сан и его заместитель Не Вин неожиданно встретились со старым знакомым, Такином Тейн Пе, одним из организаторов компартии. Встреча была короткой и невеселой. Тейн Пе решил пробираться в Индию, чтобы там связаться с индийскими товарищами. Больше почти до самого конца войны его не видели. Ему удалось все-таки пробиться на запад.

А на севере Аун Сан получил японский приказ: армию вернуть на юг для переформирования.

Армия независимости была сконцентрирована в городе Пьинмана, в самом центре Бирмы. Наступил период обманчивого мира, передышки, полной внутренней борьбы и разочарований. Японские части вели бои с английским арьергардом в Качинских и Чинских горах, но наступление их выдыхалось, перерастая в серию мелких стычек, боев за перевалы и деревни. Стало ясно, что в Индию с ходу не ворваться.

Армию независимости полностью отстранили от участия в военных действиях. Она была уже не нужна и даже вредна. Японцы решили сохранить ее только номинально, сведя до нескольких плохо вооруженных батальонов. Но пока что армия отдыхала.

И так получилось, что Аун Сану пришлось присутствовать в качестве почетного гостя па нескольких свадьбах. Товарищи его были героями — каждая девушка рада выйти замуж за йебо, да и те не прочь жениться. Война войной, а им было по двадцать, от

силы по двадцать пять лет.

Но никто не мог предположить, что сам боджок окажется жертвой любви. Аун Сан ворчал на друзей на то, что они размягчаются, но ворчал незло.

И тут его снова свалила малярия. Бо Аун Сана пришлось срочно перевезти в Рангун, в госпиталь.

Командующего положили в отдельную палату И приставили к нему лучшую сестру госпиталя Ма Кин Джи.

Через несколько дней командующий обнаружил странную вещь. Стоит сестре прикоснуться ко лбу его, как пропадает жар. Обед вкусен только тогда, когда его приносит Ма Кин Джи, и в палате становится светло, когда Аун Сан видит ее густые брови и большие черные глаза.

Короче, командующий влюбился. Он отказывался принимать лекарства, если Ма Кин Джи не было в госпитале, он не хотел есть, если Ма Кин Джи не могла его накормить. Командующий бирманской армией, железный человек, которого уважали даже японцы, идол армии, Аун Сан, известный всем своей серьезностью, даже аскетизмом, вдруг изменился. Он заявил главному врачу, что любит Ма Кин Джи, что не уйдет из госпиталя, пока не получит ее согласия выйти за него замуж, а пока такового не получил, хочет видеть ее каждый день, с утра до вечера.

Странные слухи — «Аун Сан влюбился» — поползли по Рангуну. Старые друзья встречали их с усмешкой. Они-то знали, что с Аун Саном ничего подобного случиться не может.

И тем более велико было их изумление, когда Аун. Сан, выйдя из госпиталя, не вернулся, как ожидали, немедленно в армию, а задержался в Рангуне еще на неделю. Никто не мог его найти, никто не знал, где он. И только 6 сентября Аун Сан объявился и сказал своим офицерам:

— Сегодня у меня свадьба. Если кто хочет прийти, — вот адрес.

Это было удивительно, нетрадиционно — так никто не делал. Но факт остается фактом. Вечером офицеры собственными глазами увидели своего командира на торжественном месте рядом с невестой.

В армии поднялся страшный шум. Молодые офицеры, особенно холостяки, воспротивились такому шагу Аун Сана, объявили это предательством, уверяли всех и всякого, что дело свободы погибло и у них теперь нет вождя.

Скорее всего это была просто ревность.

А потом прошло еще несколько недель. И оказалось, что Аун Сан выбрал себе в жены самую лучшую девушку в Бирме. Уже не

говоря о том, что командующий ходил отныне в глаженых рубашках и кто-то заставлял его не забывать застегивать все пуговицы на мундире, не говоря о том, что Аун Сан поправился, посвежел и стал веселее, не говоря обо всем этом, как-то получилось, что Ма Кин Джи — ее стали скоро называть До Кин Джи, как положено звать уважаемую женщину, — стала всеобщей старшей сестрой. Хоть и была она моложе многих в штабе армии. К ней бегали и поговорить о жизни и пожаловаться на неверность любимой.

6

Осенью 19–12 года наступление японских войск было приостановлено в горах и джунглях на границе Бирмы и Индии. План японского командования, по которому японские армии должны были соединиться с немецкими в Индии, явно не срабатывал. Наступление немцев на юг, за Волгу и Кавказ замедлилось, и дивизии их завязли в боях, не дойдя до Индии многих сотен километров.

Теперь перед японцами стояла задача — укрепить тылы, навести порядок и уже завоеванных странах.

Бирме здесь отводилась особая роль. Она должна стать основным поставщиком риса для японской армии. И нефти. Правда, забегая вперед, надо сказать, что нефти японцы так и не получили. Нефтепромыслы в Енанджауне регулярно подвергались налетам английской авиации, что мешало их восстановлению.

Но производство риса требует до какой-то степени налаженного сельского хозяйства, внутреннего мира в стране.

И японцы решили создать марионеточное правительство, создать видимость самоуправления.

1 августа 1942 года было создано временное правительство Бирмы. Во главе правительства поставили доктора Ба Мо, которого нашли в Шанских горах, где он скрывался после побега из английской тюрьмы. Его перевезли в Мандалай. К Ба Мо приехали с визитом японские полковники и предложили ему пост премьера во временном правительстве и право подобрать себе министров, правда после проверки их японской разведкой.

Ба Мо почувствовал, что его час пробил. Из загнанного беглеца он превратился в маленького диктатора, кокетничал и удивлял даже привыкших ко всему японцев. Но на все их предложения согласился.

Японцы выделили сто двадцать должностей, которые могут быть заняты бирманскими администраторами. Это были

должности начальников департаментов, министерских секретарей и судей. Они предложили набрать на эти должности представителей различных партий. Создать видимость поддержки правительства всеми слоями бирманского народа. Ба Мо и на это согласился. Сто должностей он отдал деятелям своей собственной партии под гордым названием «Беднота», пятнадцать — тем адвокатам и старым политиканам, что не убежали по разным причинам в Индию за губернатором, а пять — такинам.

Такины хотели было отказаться полностью от участия в правительстве, но «Внутренний круг» решил — участвовать. Использовать все возможные пути борьбы.

«Внутренний круг» существовал нелегально. Он был организован в разгар военных действий летом 1942 года по инициативе Аун Сана и включал в себя виднейших такинов левого крыла. «Круг» с середины сорок второго года стал «мозгом» Бирмы. И что бы ни говорил Ба Мо, как бы ни усердствовали японские полковники, последнее слово оставалось за «Внутренним кругом», о существовании которого мало кто знал, пока не кончилась война.

В первое же правительство вошли Такин Мья и Такин Тан Тун. Первый — министром внутренних дел, второй — министром земледелия. Ба Мо предпочел бы не давать такинам таких важных постов, но без их помощи или хотя бы без их молчаливого согласия на его существование ему не продержаться. И он это понимал.

Сам Аун Сан занялся непосредственно армией. Теперь в ней было три тысячи человек. Три стрелковых батальона, минометный батальон, училище и штаб. И сотня японских советников.

Но зато на каждого из трех тысяч Аун Сан мог положиться как на самого себя. Армия была полностью в руках у такинов.

Присутствие японских инструкторов и наблюдателей имело и положительную сторону. Они знали свое дело, они умели воевать и учили этому бирманских солдат. Учиться было тяжело, но в ходе учебы заодно воспитывалась и ненависть к учителям.

Тридцать йебо были собраны Аун Саном в отдельный батальон. Решено было, что им следует заняться более тщательным образованием. Японцы согласились на это. Они полагали, что йебо, прошедшие суровую школу в Японии, надежнее тех офицеров, что вступили в армию в Бирме.

Сам Аун Сан часто ездил по стране, останавливался в деревнях, разговаривал с людьми, но почти не выступал с речами. На каждом собрании сидел японский агент. Трудно было сказать то, что думаешь, и в то же время не возбудить подозрений

японского гестапо Кемпетаи.

Правда, иногда удавалось.

Однажды Аун Сан приехал в городок Чаунгон на Иравади. Ехал он по реке, и вести о нем далеко обгоняли катер. К приезду его в городке устроили большой пир и гонки на лодках в честь высокого гостя.

А когда гонки окончились, Аун Сан поблагодарил жителей города за прием и сказал потом:

— Я наблюдал сейчас за соревнованиями. И обнаружил интересную вещь. Стоит какой-нибудь лодке вырваться вперед, гребцы сразу перестают налегать на весла с прежней силой, хотя до финиша осталось еще немало. Они слишком рано успокаиваются. Следующей за ними лодке не стоит большого труда обогнать их, если они поднажмут как следует. Но происходит еще одна странная вещь. Лодка, которая отстает, тоже снижает скорость. Ее гребцы тоже успокаиваются, решают, что проиграли. Так обе лодки не спеша приходят к финишу, если, правда, их при этом не обгонит третья лодка. Я хочу предостеречь вас, мои друзья, от ошибок, которые делают гребцы в обеих лодках. Это очень плохая привычка — бросать борьбу при первых успехах или первых неудачах. Ведь только сильные и смелые, только упорные и постоянные заслуживают свободы, которая сама ни к кому не приходит.

Назавтра эти слова передавались из уст в уста, из деревни в деревню.

Аун Сан поражал японцев. Они не могли его понять. Например, возьмите Ба Мо. После того как Ба Мо получил видимость власти, он окружил себя пышным конвоем, конфисковал у перепуганных индийских купцов несколько автомобилей, устраивал аудиенции, как император, и даже заказал себе генеалогическое древо — от самого короля Анораты.

Аун Сан же не меняется. Все так же предпочитает мундиру клетчатые лоунджи и старенькую рубашку, сразу не поймешь, что это и есть бирманский герой, за которым любой из его солдат, да и вообще любой из молодых бирманцев, пойдет в огонь и воду. Если говорит, то говорит только правду, хотя при этом порой рискует поссориться с японцами. А если не хочет выдать себя, просто промолчит. И может молчать несколько дней подряд.

В Рангуне стал известен такой эпизод. У ворот заместителя Аун Сана стоял солдат. Солдат не столько охранял офицера, сколько ограждал его от многочисленных родственников и просителей, от монахов и прожектеров. В тот день на часах стоял солдат молодой, новобранец, который еще никого из начальства не знал в лицо, — приехал несколько дней назад из деревни и

случайно попал в тот редкий день, когда записывали добровольцев.

Солдат видит невысокого человека в лоунджи, который идет, задумавшись, по дороге мимо дома и читает на ходу толстую книгу. Человек прошел было мимо ворот, потом вспомнил что-то, остановился и, закрыв книгу, повернул к дому.

Солдат преградил ему дорогу штыком. Посетитель явно относился к разряду прожектеров — людей надоедливых, которых начальник караула ни в коем случае не велел пускать.

— Мне к полковнику, — сказал посетитель.

— По какому делу?

— Да так, — посетитель не нашел сразу, что ответить, — по личному.

— Заходите к нему в приемные часы в штабе.

— А мне как раз сейчас нужно с ним поговорить.

— Нет, ничего не могу поделать.

Посетитель вдруг весело засмеялся.

— Но мне в самом деле надо повидаться с вашим начальником. Он меня знает.

— Много здесь ходит его знакомых. У вас документы есть?

— Есть. Да вот я лоунджи надел, а документы в брюках. Может, можно позвать разводящего?

Солдат подумал и решил: позову. Странный посетитель. Вдруг сумасшедший какой-нибудь. Может, готовит покушение.

Разводящий, еще не доходя нескольких шагов, вытянулся в струнку и крикнул не своим голосом:

— Пропустить главнокомандующего!

У солдата чуть винтовка из рук не выпала. Сам Бо Теза!

— Спасибо, — сказал Аун Сан и прошел быстро по дорожке к дому.

— Но он совсем не похож на командующего, — растерянно бормотал солдат.

— Что мне теперь с тобой сделать? Опозорил на всю Бирму, — сокрушался разводящий.

И в это время они увидали, как от дома бежит к ним ординарец полковника.

— Часового срочно в дом.

— Все, — сказал солдат. Отдал винтовку разводящему и пошел за ординарцем.

А в кабинете полковника хохотали так, что дрожали чашки в буфете.

Аун Сан при виде солдата вскочил с кресла и подошел к нему. Протянул руку.

— Не обижайтесь, товарищ солдат. Я просил позвать вас

сюда, чтобы не было непонимания. Не волнуйтесь. Это мне урок — следующий раз буду носить документы с собой.

Солдат ушел с твердым сознанием того, что командующий все-таки совершенно штатский человек. А в общем так оно и было.

7

Время шло быстро. Было много работы и мало возможностей отдохнуть. Правда, вокруг были товарищи, как и в студенческие годы. Но если тогда вес было ясно, теперь приходилось вести двойную жизнь, причем японцы, узнай они, о чем совещаются члены «Внутреннего круга», о чем говорит Аун Сан с верными офицерами, не пощадили бы бирманского командующего.

Родился сын. Дома было хорошо, дома Аун Сан отдыхал, хотя и признавал, что в домашних вопросах он не первый человек.

До Кин Джи была командиром над командующим, но властью своей не злоупотребляла.

А в стране за два года многое изменилось. В стране было плохо. Хотя поначалу крестьянам показалось даже, что теперь будет легче жить.

С англичанами убежали индийские помещики к ростовщики, некому стало платить арендную плату и проценты по займам. Во многих местах крестьянам удалось даже захватить районные магистраты и сжечь арендные договоры и другие рабские документы. Впервые за много лет крестьяне спокойно вышли на свои поля.

Но прошло несколько месяцев, и обнаружилось, что это облегчение только кажущееся.

Хорошо, крестьяне посеяли рис, вырастили его, но они могли продать его только японцам за их ничего не стоящие оккупационные рупии, годные только на то, чтобы оклеивать ими стены, японцы отбирали скот — это называлось поставками в натуре. Скот в Бирме в основном тягловый, рабочий — без него не обработаешь свой участок. Крестьян забирали в рабочую армию — сотни тысяч бирманцев работали на строительстве дорог и других принудительных работах. Никто не знает, сколько их умерло на строительстве железной дороги Таиланд — Бирма через горы, через джунгли.

И площади под рисом всю войну уменьшались, пока не сократились в два раза по сравнению с предвоенными. Уже в 1943 году риса не хватало на питание. А ведь большую часть урожая японцы отбирали.

Бирма при довольно редком населении всегда имела резервы необработанных земель — народ здесь давно не знал настоящего голода, как в Индии или Китае, где голод тысячами лет висит постоянной угрозой над страной. Бывает, конечно, неурожай в том или ином районе, но не было голода, который охватывал бы всю страну. Это не значит, что бирманские крестьяне зажиточны: им только-только хватает на еду и самую что ни на есть скромную одежду. Но на еду хватает даже батракам. Рис дешев, дешевы некоторые фрукты и овощи.

А вот во времена японской оккупации в Бирме начался настоящий голод. Тысячи безработных или разорившихся полностью крестьян стекались в города. Но в городах было не лучше, города были разрушены. В Рангуне стояли трамваи, не было машин и автобусов, бензин уходил на нужды японцев, электростанция не работала. Страна отступала на несколько десятков лет назад.

В деревнях возрождались кустарные производства — ткачество, производство джута и добыча соли. Но и это не спасало положения — текстиль шел японской армии, и люди донашивали довоенные рубашки.

Всю английскую собственность японцы реквизировали с самого начала и, что можно, вывезли в Японию. Вообще японские военные и чиновники вели себя, говорили тогда бирманцы, как люди, которые срубали кокосовую пальму, чтобы достать с нее орехи.

И с ростом их неуверенности в победе, в том, останутся ли они во все более враждебной Бирме, грабеж становился все более явным. Все эти годы Бирма ничего не ввозила, а это страна, вся экономика которой была поставлена англичанами в такие условии, что могла функционировать только при очень развитом импорте всего, кроме риса.

Бирма катилась к краху. И этому не могла помешать даже формальная независимость, которую дали ей японцы в 1943 году.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
БОДЖОК АУН САН

1

В наши дни мир связан в одно целое. И не только нитями телеграфа и радиоволнами, но и невидимыми нитями событий. То ли дело во времена Марко Поло. Когда великий путешественник рассказывал своим землякам о Бирме, о том, как под ударами китайских войск пало бирманское государство, ему просто никто не верил. Да и вряд ли кто поверил бы в тогдашней Бирме, что Венеция — город, построенный целиком из камня. И ни падение бирманского государства, ни войны генуэзцев с венецианцами не оказывали ровным счетом никакого влияния друг на друга.

Но когда в сорок третьем фашистские армии были разгромлены на Волге, это событие сразу повлияло на политику японцев в Бирме. Окончательно рухнули надежды японцев соединиться с гитлеровцами в Индии и образовать единый фронт. Да и не только единый фронт. Удар, нанесенный фашистам, в такой степени изменил все положение в Азии, что значение битвы на Волге, влияние ее на события в Бирме невозможно

преувеличить.

Теперь японцы переходят к обороне. Репрессиями, грабежом, обманами они уже успели восстановить против себя даже тех бирманцев, которые искренне приветствовали их приход в Бирму. Чтобы повернуть бирманское общественное мнение в благоприятную для себя сторону, японское правительство все-таки решилось на объявление Бирмы независимым государством.

Так или иначе, летом 1943 года была создана комиссия по выработке конституции и подготовке к независимости.

И для японцев и для бирманских политиков наступила горячая пора. Японцам нужно было обеспечить себе в правительстве верных людей и, если удастся, расколоть наиболее опасные для них силы такинов, поссорить их с Ба Мо, поссорить Ба Мо, в свою очередь, с правыми, в общем извлечь из независимости максимум выгоды для себя.

Крайне правые политики надеялись на теплые места в правительстве, Ба Мо — на неограниченную диктатуру, а Аун Сану и йебо перемены сулили более широкие возможности для подготовки восстания против японцев. Для них главной задачей было объединение легальных и подпольных сил, создание единого фронта в стране.

Вряд ли кто, за исключением нескольких адвокатов, принимал независимость всерьез, но в любом случае это был такой шаг, игнорировать который было нельзя.

Вся подготовка к независимости шла под неустанным японским наблюдением. Они не теряли ни единой возможности покрепче взять бирманцев в свои руки.

На стене гостиной доктора Ба Мо висел какой-то документ на английском языке, в тиковой рамке. Из-за него произошел интересный разговор между Такином Ну и японским полковником. Тот предложил Такину Ну президентство в «независимой Бирме».

— Мы знаем, что вы убежденный буддист, человек тихий и умеренный. Вас уважают состоятельные люди. Вы тот человек, который нам нужен.

— А доктор Ба Мо? Ведь, кажется, давно решено, что именно он встанет во главе независимой Бирмы?

— Понимаете, уважаемый господин Ну, мы не доверием доктору Ба Мо. Он друг англичан.

— Но ведь он сидел в тюрьме но время их господства.

— Неважно. Это был камуфляж. Знаете ли вы, что у него в гостиной висит письмо от английского короля?

Такин Ну отказался от президентского поста, а вечером заглянул к Ба Мо. У того и в самом деле на стене висел документ

на английском языке. Это было приглашение на обед от лорда-мэра Лондона, полученное Ба Мо во время давнишнего визита в Англию.

На следующий день на месте приглашения висела картинка с золотой рыбкой.

Некоторые из японских генералов хотели поставить во главе будущего бирманского государства Аун Сана, но их предложения натолкнулись на необоримое сопротивление Токио.

В общем японцы почти никому не доверяли в стране. Те же откровенные коллаборационисты, что готовы были на все ради японских хозяев, не пользовались ровно никаким влиянием в Бирме, и при всем желании японцы не могли опереться на них. Это только усилило бы изоляцию японских оккупантов в Бирме. Самого доктора Ба Мо, несмотря на то, что он был с японцами до конца, нельзя было назвать их другом. Японцы для него были только средством достигнуть власти и удержаться на вершине. То есть их присутствие было необходимостью, хотя и печальной необходимостью. Он не любил японцев и боялся их. Хотя еше больше не любил и боялся коммунистов и подпольщиков, постоянно ждал покушения и не раз просил Аун Сана и Тан Туна убедить подпольщиков пощадить доктора Ба Мо.

Поэтому-то он не осмеливался организовать правительство без Аун Сана и других левых. Таким образом, в проекте будущего кабинета оказались имена Такина Аун Сана, Такина Тан Туна, Такина Ну и Такина Мья.

«Внутренний круг» одобрил вхождение такинов в правительство. Это был лучший путь организации сопротивления сверху.

Двойственная позиция Ба Мо помогла такинам при организации правительства. Удалось провалить рекомендуемые японцами кандидатуры двух прояпонских политиков. До последнего дня японцы надеялись, что новое правительство внемлет их уговорам и нужные люди войдут в него. Ба Мо не говорил ни «да», ни «нет», такины отмалчивались, а из Токио летели телеграммы, требующие ускорить операцию «Независимость» и поставить во главе Бирмы именно Ба Мо — в Токио продолжали считать его кандидатуру наиболее подходящей.

И 1 августа 1943 года Бирма была официально объявлена независимым государством. Во главе ее становился «вождь» — адипати доктор Ба Мо, министром земледелия стал Такин Тан Тун, а министром обороны — Аун Сан, или, как теперь он звался, генерал Аун Сан, по-бирмански — Боджок Аун Сан.

Японская пропаганда в связи с этой реформой много писала и

говорила о дружеском отношении Японии к странам Азии. Скоро Бирма была признана Германией, Таиландом, всеми странами, оккупированными Японией, а также Аргентиной, Швецией и Испанией.

Официально теперь считалось, что Бирма — равный партнер Японии. Но она могла оставаться независимой, только если не порывала с «новым порядком», участвовала в войне с союзниками, с антифашистской коалицией, предоставляла неограниченные права японской армии на своей территории.

Оставались также на своих местах японские советчики и контролеры. Они были везде: и на радио, и в министерствах, и в армии, во всех предприятиях и учреждениях.

Другими словами, все осталось почти по-прежнему, только управлял независимой Бирмой теперь не командующий японской армией, а посол Японии в Рангуне.

И все-таки независимость Бирмы имела далеко идущие последствия, хотя бы психологического характера. От такой независимости путь был один — к независимости настоящей.

2

В ноябре 1943 года к Бо Джа До, каренскому офицеру, пришел офицер из министерства обороны.

— С вами хотел бы встретиться Боджок Аун Сан, — сказал он.

Бо Джа До жил в то время в Рангуне на полулегальном положении. Многие знали, что он служил в свое время в английской армии.

Карено-бирманский вопрос в то время очень беспокоил Аун Сана. Карены — народ, живущий на юге и востоке Бирмы. Их более миллиона. Еще до завоевания Бирмы Англией карены часто восставали против власти бирманских королей. А когда в стране появились англичане, то они использовали в своих интересах бирмано-каренские противоречия и натравливали каренов на бирманцев. Каренов, например, охотно набирали в полицию и в армию, тогда как бирманцев туда не брали. Среди каренов активно работали христианские миссионеры, и в результате среди каренов сравнительно высок процент христиан. И в начале войны с Японией многие карены воевали на стороне английской армии, а раз так — то воевали против армии Аун Сана.

Не обошлось и без столкновений бирманцев и каренов и во время японской оккупации.

Аун Сан же, создавая единый фронт Сопротивления, понимал, что без единства бирманцев и других народов страны

будет невозможно бороться как с японцами, так и в случае необходимости с англичанами; трудно будет сохранить в будущем единство страны.

И вот Аун Сан много усилий уделяет переговорам с представителями национальных меньшинств, добирается до самых отдаленных уголков Бирмы, объясняет свою позицию там, объясняет, что в будущей Бирманской республике не должно быть места национальной вражде.

Для этой же цели он и решил встретиться с каренским офицером.

Аун Сан встретил гостя у дверей своего кабинета, и карена удивила широкая мальчишеская улыбка, которая осветила лицо генерала.

Аун Сан был наголо обрит — так полагалось в японской армии и соответственно в бирманской армии обороны. Лягушечьего цвета мундир неловко сидел на нем, а когда генерал сел за свой обширный министерский стол, пустынный и блестящий, он показался карену еще меньше, чем был на самом деле.

Разговор шел об участии каренов в бирманской армии, о создании в ней каренских частей.

Бо Джа До полностью согласился с генералом о желательности такого шага, о желательности пресечения всякой вражды между каренами и бирманцами.

— Мы хотим сейчас же приступить к созданию каренского батальона. Пусть армия будет многонациональной. В конце концов и у бирманцев и у каренов одна цель — видеть Бирму свободной.

Слова генерала были откровенными, даже, пожалуй, слишком откровенными. Генерал показывал, что доверяет каренскому офицеру.

Когда через полчаса Бо Джа До покинул кабинет Аун Сана, он был уже верным последователем генерала. Вопрос о создании каренского батальона был в принципе решен. И этот батальон в самом деле создали.

Такие же беседы Аун Сан проводил с лидерами других национальностей в Бирме: с шанами, с каминами, с чинами.

Переговоры приходилось проводить по возможности втайне. Японцы переняли политику англичан — разделять бирманские народы. Они так же, как много лет назад англичане, выделили часть горных районов Бирмы и поставили их под специальное управление, сохраняя феодальных властителей.

Тем временем в уютном и тихом курортном городке на севере Индии, в Симле, расположилось еще одно правительство Бирмы.

Состояло оно из последнего довоенного бирманского кабинета, сбежавшего в Индию с английской армией, нескольких чиновников при губернаторе и самого губернатора, сэра Дорман-Смита. Правительство было очень занято. Правительство готовило планы на будущее для Бирмы. Будущее представлялось министрам и губернатору как долгие и счастливые годы английского господства.

Правительство было совершенно оторвано от настоящей Бирмы, и многим из его членов даже имя Аун Сана почти ничего не говорило. Информацию правительство извлекало из самых случайных и противоречивых источников. Так, например, к началу сорок четвертого года кабинет министров обсуждал следующую информацию, полученную из Бирмы: «Тот такин, которого японцы сделали генерал-майором, не допускается к своим войскам за исключением парадов. А так как он очень темпераментный молодой человек, то он находится в состоянии беспрерывного пьянства, топя в вине свое разочарование».

Разговор явно шел о трезвеннике Аун Сане, ибо больше генералов в бирманской армии не было, об Аун Сане, который в то время прямо-таки разрывался в работе между «Внутренним кругом», армией, министерством, партийной работой, который так редко бывал дома, что До Кин Джи уже жаловалась, что забывает его и как-нибудь вечером откажется пустить домой — не узнает.

Министры правительства в Симле всеми силами старались оправдать жалованье, получаемое от англичан. Даже сам губернатор сетовал, что они перебарщивают, требуя управления страной по «западным стандартам» английскими чиновниками на неопределенно долгое время.

В сорок четвертом году правительство в Симле так докладывало в Лондон об обстановке в Бирме:

«Революционная партия, известная под названием партии такинов, после неудачи в организации восстания, после того, как она была в полном составе посажена в тюрьму, встретила с распростертыми объятиями японские войска. Теперь же такины поняли, что японцы им не доверяют, и готовы обратиться за помощью и к англичанам. Однако такины, как показывает история, представляют только весьма малую часть бирманского народа. Мы не можем отказаться полностью от их помощи, однако их помощь не может быть для нас существенной. А потому наши обязательства по отношению к такинам будут зависеть от их, поведения, от их преданности, хотя мы никогда не должны

забывать их предательства, а потому не должны связывать себя ничем серьезным».

Да, министры в Симле очень мало знали, очень мало в чем разбирались и с уверенностью закрывали глаза на те сведения, которые противоречили милым их сердцу установкам. Главная опора англичане в Бирме — это они, министры, которые сидят в Симле, за ними, а не за кем бы то ни было другим, пойдет бирманский народ. Так что есть прямой смысл продолжать кормить и поить правительство.

Точка зрения министров поддерживалась губернатором. А вслед за ним — министерством по делам колоний. Да, Бирма должна снова стать колонией, да, английские компании должны вернуться туда и получить компенсацию за потери во время войны, да, с такинами придется обойтись построже.

Но все это не значит, что точка зрения губернатора полностью разделялась всеми теми, кто вершил судьбами Азии. И в первую очередь военным командованием индийского фронта.

Командующим был назначен лорд Маунтбатен, молодой способный адмирал, стремившийся выиграть войну. И этим определялись многие из решений его штаба. Решения эти явно противоречили мыслям и убеждениям Симлы, но это мало беспокоило адмирала. В конце концов правительство вольно было обсуждать планы, которые пока что не влияли на ход событий.

Адмирал Маунтбатен больше, чем министрам из Симлы, верил военной разведке и отряду «136» — специальной разведгруппе, которая подчинялась непосредственно ставке и с которой адмиралу удалось наладить сотрудничество.

Отряд «136» занимался не только разведкой, но и диверсиями за линией фронта, организацией местных антияпонских сил в горных районах, и этот отряд рано или поздно должен был осознать размеры и влияние «Внутреннего круга», силу коммунистических партизанских отрядов.

Разведчики отлично знали, что Такин Тейн Пе, один из руководителей Бирманской компартии и заграничный представитель Сопротивления, живет в Индии и поддерживает непрерывную связь с бирманским подпольем.

В августе 1943 года, когда японская империя была еше сильна, отряд «136» получил от своего агента в Бирме следующее сообщение: «Генерал Аун Сан, командующий армией обороны Бирмы, готовится к тому, чтобы повернуть свои силы против японцев, когда будет к этому благоприятная обстановка». То есть еще больше чем за год до того, как министры в Симле узнали о существовании Сопротивления, отряд «136» подшил к делу сообщение агента из Бирмы о готовящемся восстании.

А к началу сорок четвертого года английская разведка составила себе уже довольно правильное представление о действительной расстановке сил в Бирме, но тянула с налаживанием связей. Несколько раз Такин Тейн Пе поднимал разговор об оружии, и несколько раз под разными предлогами в оружии партизанам отказывали. Партизаны были коммунистами или были близки к коммунистам.

Но долго так продолжаться не могло. Маунтбатен отдавал себе отчет в том, что рано или поздно придется пойти на соглашение с Аун Саном и его сторонниками, с партизанами. Но даже когда он все-таки решился на это, первое время в Лондоне мало кто знал о решении адмирала. Сама мысль о сотрудничестве с бирманцами, которых уже несколько лет изображали как неблагодарных предателей, как японских друзей, казалась крамольной не только любому чиновнику в министерстве колоний, но и министрам кабинета его величества.

Два события повлияли на адмирала Маунтбатена в его решении пойти на союз с Аун Саном. Во-первых, частичные успехи на фронте. Вернее, неудача японцев, которые пытались в начале сорок четвертого года проникнуть в Индию через Северную Бирму. Это наступление им не удалось, и, отступая, они были вынуждены оставить и некоторые районы в горной Северной Бирме. Во-вторых, события в самой Бирме.

4

А в Бирме было создано третье правительство. Третье после правительства Ба Мо и правительства адвокатов в Симле.

Если бы Аун Сан поддался на уговоры горячих голов, которые требовали начать восстание против японцев в сорок четвертом году, он бы обрек это восстание на неудачу. В сорок четвертом году японцы еще были настолько сильны на фронте, что могли безболезненно бросить против восставших стопятидесятитысячную армию, закаленную в боях, опытную и отлично вооруженную.

В сорок третьем и даже до середины сорок четвертого года в Бирме не было единого антифашистского фронта. «Внутренний круг» существовал сам по себе, и в его подчинении была только небольшая армия обороны. Партизанские отряды и коммунистическое подполье действовали самостоятельно и не всегда были согласны с «Внутренним кругом». Партию такинов, разгромленную перед войной, так и не удалось полностью восстановить. В общем всеобщее недовольство в стране,

ненависть к японским захватчикам не были направлены в одно русло, не были организованы.

Перед тем как начать восстание, необходимо было создать настоящий Единый фронт, причем надо было учесть ошибки тридцать восьмого года, когда Единый фронт не оказался настолько сильным, чтобы поднять всю Бирму на борьбу с англичапами.

Так вот летом 1944 года и был создан Единый антифашистский фронт в Бирме, была создана организация, которая объединяла все антияпонские силы в стране.

Аун Сану удалось встретиться с командирами подпольных коммунистических отрядов. После первой встречи те приехали нелегально в Рангун, где и проходили переговоры между легальным и нелегальным центрами Сопротивления.

В августе 1944 года удалось собрать конференцию антифашистов, и на этой конференции была создана Антифашистская Лига народной свободы. Вернее, тогда она называлась еще Антифашистской организацией.

Главными членами Лиги стали коммунистическая партия, армия Аун Сана и народно-революционная партия.

Это и было созданием третьего правительства Бирмы, самого влиятельного в стране, по-настоящему представительного и наиболее патриотичного из трех. В Высший совет Лиги вошли девять человек — их никто не называл тогда министрами, но они были, по сути дела, таковыми. Главой Лиги, ее председателем, стал Аун Сан.

Доктор Ба Мо, возможно, и знал о существовании третьего правительства, но предпочитал молчать. В любом случае и председатель Лиги и ее генеральный секретарь были министрами в его собственном кабинете, а еще трое министров явно подчинялись Лиге, а не Ба Мо.

Конференция, на которой была создана Лига, выработала манифест Лиги. «Мы — народ Бирмы… — говорилось в этом манифесте, — страдаем сейчас под железной пятой японских фашистов». К манифесту прилагалась программа действий. Лига призывала народ на борьбу с захватчиками, к саботажу, организации партизанских отрядов и отделений Лиги на местах.

Законспирировано третье правительство было хорошо. Ни молчаливого Аун Сана, ни Тан Туна, ни Ну японская разведка не подозревала. Вернее, подозревала, как и каждого бирманца, но не имела никаких данных о их подпольной деятельности. Больше того, с самой конференции Аун Сану пришлось немедленно вылететь в Японию. Его и доктора Ба Мо приглашал японский премьер-министр.

Бирманского министра обороны приглашали на банкеты и говорили ему сладкие речи. Положение на фронтах было не настолько хорошо, чтобы можно было рисковать тылами.

Аун Сана наградили орденом Восходящего солнца.

Правда, с этим орденом получился казус, который удалось оправдать только рассеянностью Аун Сана. Так уверял разгневанных японцев Ба Мо.

А случилось вот что. При прощании на токийском аэродроме министр обороны Японии обратил внимание на то, что бирманский министр пришел к самолету без орденов и, самое странное, без только что врученного самим императором ордена Восходящего солнца.

— Где ваш орден? — спросил он, вежливо улыбаясь.

— Какой орден?

— Зачем шутить? Здесь столько репортеров. Завтра весь мир будет знать, что вы не надели ордена.

— Только что где-то здесь был, — сказал Аун Сан и полез в карман своей неловко сидящей генеральской формы.

Не нашел ничего.

— Наверно, в чемодане.

Репортеры слышали весь разговор. Министр обороны Японии холодно распрощался с Аун Саном и Ба Мо, хотя второй был ни при чем и надел все ордена, какие только можно было (конечно, кроме английских).

Орден догнал Аун Сана в Бангкоке. Он оставил его в ящике стола в токийской гостинице.

В газетах Японии поместили только фотографию Ба Мо. С орденом Восходящего солнца на груди.

5

Но еще до создания третьего правительства губернатор Дорман-Смит да и некоторые из чиновников в министерстве по делам колоний понимали, что работа в Бирме, возвращение в Бирму затруднятся, если не пообещать Бирме ничего конкретного. Это не значит, что подобные мысли сильно влияли на планы, которые разрабатывало правительство в Симле. Но все-таки уже появились люди, которые понимали, что какой бы фиктивной ни была независимость Бирмы, это была все-таки независимость. И если англичане придут освободителями, то весь положительный эффект их прихода сойдет на нет, как только они объявят, что собираются остаться в Бирме на неопределенное время. Нет, Дорман-Смит не был сторонником независимой

Бирмы. Он считал себя, и, возможно, искренне считал, другом Бирмы, но Бирма, другом которой он был, была Бирмой адвокатов и послушных, верных бирманцев — английской Бирмой.

Он обратился к Черчиллю с просьбой объявить о будущем статусе Бирмы.

Просьбы его в то время полностью совпадали с просьбами У Со, изложенными перед самой войной, Черчилль выслушал бирманского губернатора и сказал: «Вы человек, который хочет разбазарить империю».

Дорман-Смит искренне обиделся. Он хотел сохранить империю, а для этого необходимо было лавировать. Черчилль не хотел этого понимать. Дорман-Смит пытался объяснить Черчиллю, что его просьба объясняется только военными соображениями. Ведь Маунтбатен планирует в будущем году наступление в Бирме. Однако без решения кабинета о политике в отношении будущего Бирмы трудно вырабатывать оперативные планы. Если политика будет неприемлемой для бирманцев, то надо предусмотреть возможность их сопротивления английским войскам. С другой стороны, если политика правительства его величества удовлетворит бирманцев, можно будет рассчитывать на их сотрудничество.

Черчиллю понравились собственные слова.

— Разбазарить империю! — повторил он, не слушая собеседника. — Никогда!

Беседа была окончена.

Однако поездка Дорман-Смита в Лондон не пропала даром. Соображения его показались вполне разумными целому ряду консерваторов. И в результате долгих дебатов комитет молодых консерваторов — членов парламента выработал «Проект для Бирмы». Вырабатывался он на основе тех данных, которые консерваторы смогли собрать в Англии. То есть на основе мнений заинтересованных в английской Бирме капиталистов и бывших чиновников британской администрации.

Ни с кем из членов Антифашистской Лиги консерваторы, конечно, не беседовали. Поэтому «Проект для Бирмы» никак не отражал существующего положения вещей.

И все-таки у него нашлось множество критиков справа. Почему? Да потому, что в «Проекте» предусматривалось ограничить шестью годами срок губернаторских полномочий. А после этого провести выборы, чтобы дать Бирме какую-нибудь форму самоуправления.

Проект обсуждался в парламенте. В конце дебатов выступил секретарь по делам колоний и сказал, что правительство его

величества еще не выработало политики по отношению к Бирме, а потому всякие дебаты преждевременны. Черчилль не хотел разбазаривать империю.

Это было уже в декабре 1944 года.

Дебаты еще шли в палате общин, а в Калькутту приехала большая делегация Антифашистской Лиги для переговоров о будущем восстании, о более широких поставках оружия. Ведь до сих пор, даже зная кое-что о силе и влиянии Лиги, английская армия предпочитала ограничиваться обещаниями и посылать оружие не Лиге и ее партизанским отрядам, а горным племенам, которых считали куда более надежными.

И вот, как только была налажена постоянная связь между Лигой и отрядом «136», а через нее и с армейской разведкой, англичане получили телеграмму от руководства Лиги: «"Проект для Бирмы" нам не нравится».

Телеграмма поставила английских разведчиков в тупик. Они искренне считали, что и Лига должна с удовлетворением принять «Проект» как основу для будущих переговоров. И вдруг такой категорический ответ.

Совет Лиги уже считал себя временным правительством Бирмы и никак не собирался признавать правительство в Симле, даже если оно и вернется.

Разведчики не стали ставить губернатора в известность о переговорах с Лигой. Губернатору это не понравилось бы. Аун Сан и его сторонники не относились к «хорошим», «послушным» бирманцам. И что бы ни говорили губернатору, тот все равно был твердо уверен, что Лига «не представляет никого, кроме кучки экстремистов и коллаборационистов».

6

Зимой сорок четвертого года агенты японского гестапо — Кемпетаи доносили по начальству, что на вербовочном пункте бирманской армии появляются подозрительные люди. Они проводят в штабе день-два, а потом уезжают обратно.

У Аун Сана был неприятный разговор из-за этого с полковником из Кемпетаи. Полковник сам приехал домой к Аун Сану.

— Ваши агенты плохо информированы, — сказал Аун Сан. — Просто мы теперь более внимательно подходим к отбору добровольцев. Ведь не секрет, что положение на фронте не совсем благоприятно для вашей армии. Мы тоже готовимся к боям. Тех, кого считаем недостаточно преданными, отправляем обратно.

— Интересно, кого вы считаете достаточно преданными? — спросил полковник. Но он не ждал ответа на этот вопрос. Ему не нравился Аун Сан, не нравились его офицеры, не нравилась вся эта затея с национальной армией. В ней уже куда больше трех тысяч человек, и, хотя она плохо вооружена, от нее всегда можно ждать неприятностей. Правда, эту точку зрения не разделяли в штабе. Японские генералы говорили, что полностью уверены в Аун Сане. Тут, возможно, сказывалась старая вражда между Кемпетаи и армией. Но генералов переубедить не удавалось. Полковнику нужны были факты об измене Аун Сана. Фактов не было. На араканском фронте удалось поймать двух перебежчиков. Известно было, что по крайней мере один из них встречался до этого с Аун Саном. Но перебежчики ничего не сказали. И полковник не стал докладывать о них. На этот раз.

Не удалось и покушение на Аун Сана. Кемпетаи хотело потихоньку убрать бирманского генерала. Оказалось, генерала хорошо берегут его собственные солдаты. А когда о неудачном покушении стало известно в штабе, агентам Кемпетаи пригрозили, что, если они будут путаться под ногами у военных, их тоже могут убрать.

Полковник ушел от Аун Сана ни с чем. А через два дня узнал, что его агент в штабе пропал без вести. Это уже никуда не годилось.

Возбудившая у японцев подозрение активность объяснялась очень просто. Аун Сан вызывал районных и городских организаторов Лиги в Рангун. Явкой был вербовочный пункт армии. А вечерами делегаты встречались с боджоком, и с каждым он разговаривал, у каждого узнавал о настроениях в районе, о собранном оружии, о партизанских отрядах, о готовности к восстанию.

«Мы готовы к маршу» — таким был пароль января и февраля 1945 года.

С делегацией из Бассейна разговор получился особенно длинным. В том районе живет много каренов. Поэтому Аун Сан настаивал, чтобы комитет подготовки к восстанию был смешанным, карено-бирманским.

Делегация из Бассейна получила небольшую сумму денег — Лига была не так уж и богата, взносы собирали тайно и только с верных людей, — пароль дня восстания и последние документы совета. До Инсейна, до пригородов Рангуна, делегацию проводили солдаты из армии. Грузовик с ними ехал в нескольких десятках метров сзади «джипа» с делегатами. За чертой города свернул в сторону. Дальше делегация ехала одна. И, уверенные в полной безопасности, бассейновцы не обратили внимания на то,

что за ними идет еще один «джип» с рангунским номером.

У въезда в Бассейн машина с делегатами задержалась на пропускном пункте, и «джип» с рангунским номером остановился рядом. Пассажир его незаметно вылез из машины и, пока делегаты разговаривали с часовыми, проскользнул в будку, к телефону.

У дома секретаря Лиги района Бассейн было выставлено наружное наблюдение. Полковник Кемпетаи был доволен. Кажется, его подозрения начали оправдываться.

Еще через пять дней руководство Лиги в Бассейне было арестовано.

То же самое случилось и еще в двух или трех местах. Но везде арестованные с удивительным упорством придерживались одной и той же версии. Они, мол, хотели поступить в бирманскую армию, чтобы вместе с японскими братьями бороться за независимость Бирмы.

А время шло. Сведения об арестах немедленно дошли до Рангуна, и через своих людей, сидевших в полиции в штабе японской армии на связи, даже через все более сговорчивого доктора Ба Мо было сделано все, чтобы освободить арестованных. Командующий японской армией поддержал Ба Мо и дал понять Кемпетаи, что в любом случае арестованные должны вернуться домой — когда Кемпетаи сочтет это нужным — живыми и здоровыми.

— А если они сознаются?

— У вас любой сознается, — ответил генерал. — И я бы сознался после нескольких допросов. Так что я не придаю этому большого значения.

В феврале командующий бирманской армией генерал Аун Сан отдал странный приказ по армии. Отпустить волосы.

Солдаты и офицеры бирманской армии обязаны были бриться наголо — так, как делали это японцы. До этого никаких серьезных недоразумений из-за волос не возникало. А теперь Аун Сан подписывает такой приказ.

— Это же несерьезно, — позвонили Аун Сану из штаба японской армии. — Мы все принадлежим к одной и той же великой армии. Нет ничего более разлагающего дисциплину, как индивидуализм. Прическа же — один из первых шагов к этому.

Но Аун Сан был непреклонен.

— Бирманские солдаты никогда не брились наголо. Бреются у нас только буддийские монахи. И мне надоело выслушивать жалобы на оскорбление религии.

— Мы тоже буддисты, — возражали японцы.

— И все-таки у нас разные обычаи. И я не хочу, чтобы в

решительный день армия не подчинялась мне из-за того, что я не могу оградить интересы бирманских солдат даже в мелочах.

В конце концов японцы махнули рукой. Пусть носят длинные волосы.

А приказ был отдан не случайно.

После восстания хотя бы части солдат придется раствориться среди мирного населения, для подпольных действий, для диверсий. Бритый бирманец будет выделяться в толпе, как павлин среди ворон. Для того чтобы можно было исчезнуть в толпе, нужно быть таким же, как все вокруг.

Тогда же армия получила другой приказ. Секретный. О нем так и не узнали японцы. Каждому солдату и офицеру было приказано запастись штатской одеждой.

В марте совет Лиги принял решение вывести из Рангуна и других больших городов семьи командного состава армии и членов совета Лиги. В случае восстания им несдобровать. До Кин Джи с обоими мальчиками уезжала на рыбацком сампане вверх по Иравади. Там в одной из деревень ее ждали.

Перед приездом на пристань семьи боджока заместитель Аун Сана, который отвечал за эвакуацию семей, расставил по причалу нескольких из своих солдат. Те должны были подать знак ему, если появится на горизонте что-нибудь подозрительное. Заместитель боджока поместился в доме, окна которого выходили на набережную. Комнату уступил богатый китаец. В комнате стояли какие-то ящики, мешки и висел дым от ароматных свечей, горевших в углу.

В назначенное время на причале появилась До Кин Джи с детьми. За ней шел невысокий человек в лоунджи и шляпе, надвинутой на самые уши.

— Боджок, — прошептал один из солдат. Заместитель подбежал к окну. И в самом деле, генерал Аун Сан, нарушая конспирацию, пришел на пристань.

Заместитель Аун Сана приказал солдатам смотреть в оба, но ничем не выдавать своего присутствия. Аун Сан попрощался с женой. Постоял на причале, пока сампан не отвалил, и потом не спеша пошел к городу. Он шел ссутулившись — со спины можно было подумать, что идет пожилой человек. Заместитель так и не понял, то ли Аун Сан притворялся, то ли в самом деле устал.

Аун Сан мало спал. Днем он был министром обороны японской Бирмы, ночью — становился руководителем Лиги, организатором надвигающегося восстания.

На следующее утро заместитель встретил боджока на улице, перед штабом.

— Зачем ты вчера приезжал на набережную? Тебя же могли

заметить. Тогда угроза нависла бы и над твоей семьей.

— Неужели узнали все-таки? Хорошо работаете.

Он посмотрел серьезно на товарища и сказал:

— Я все это отлично понимаю. Но ведь, может быть, я их больше никогда не увижу. Я люблю их.

Генерал повернулся и прошел мимо часовых в штаб.

Часовые взяли под козырек. Генералу оставалось быть министром обороны всего десять дней.

7

«Мне представляется совершенно ясным, что восстание в Бирме начнется до конца этого месяца, — писал в те дни Маунтбатен, — и оно начнется вне зависимости от того, будем ли мы его поддерживать или нет. После долгого раздумия я пришел к выводу, что мы должны дать ему максимальную поддержку».

Доклад лорда Маунтбатена рассматривали в Лондоне, когда наступление английских войск на западе Бирмы было в полном разгаре. И каждому было ясно, что возражать наступающему адмиралу совершенно бесполезно. С военной точки зрения сотрудничество с Лигой было выгодным. От него зависел успех наступления англичан. Маунтбатен разошелся с точкой зрения правительства в Симле, которое до сих пор пребывало в счастливом неведении относительно действительного положения вещей в Бирме.

В горных районах запада партизанские отряды соединялись с английской армией, и, хотя нельзя сказать, что их принимали с распростертыми объятиями, партизаны участвовали в наступлении, их забрасывали снова за линию фронта, пересылали им задания. Партизанские отряды Лиги выполняли роль авангарда английского наступления.

На 17 марта был назначен торжественный парад. Бирманская армия выступала на фронт против англичан. Скорее всего японцы не пошли бы на эту крайнюю меру, но каждый солдат был на счету. Всю войну армия Аун Сана провела в бараках, в Рангуне и двух-трех других крупных городах. Теперь ей предстояло показать себя на деле, показать в боях с англичанами.

Один из японских чиновников, который был в то время в Бирме, рассказывает, что на военном совете дело чуть не дошло до драки. Представители Кемпетаи требовали разоружить армию, арестовать ее офицеров и в первую очередь обезвредить Аун Сана. Но армейские генералы так и не согласились с разведкой. Они давно знали Аун Сана. Бирманский генерал никогда не спорил с

ними, всегда был вежлив и молчалив. В конце концов учили же его в Японии, дали орден, сделали министром. Ведь англичане не помилуют его в случае победы. Нет, у Аун Сана нет иного выхода. Он не политик, он военный, и не очень далекий притом. Когда бы еще ему удалось стать генералом?

Аун Сан предложил японскому командованию расположить бирманскую армию вдоль Иравади, там, где наступающие с запада англичане угрожали перерезать страну пополам. План был разумным. Если бы Аун Сан не предложил его, вернее всего его предложили бы сами японцы.

Наконец-то открылись двери японских арсеналов. Армия получила оружие, новую форму, башмаки.

И 17 марта на лугу, напротив пагоды Шведагон, там, где теперь раскинулся молодой парк Сопротивления, состоялся парад.

На трибуне собрались японские генералы. Над марширующими частями пролетали звенья японских самолетов.

К микрофону подошел министр обороны Бирмы, командующий бирманской армией генерал Аун Сан.

— Мы выходим в бой, в бой смертельный и решительный, — говорил боджок. Его слушали не только солдаты, не только японские генералы — его слушала вся Бирма. И те, кто пришел на парад, и те, что оставались у радиоприемников.

— Я призываю вас отдать все силы за свободу нашей страны, за свободу Бирмы. Призываю не жалеть жизни для этой благородной цели…

— Он ни слова не говорит, с кем будет воевать его армия, — сказал полковник из Кемпетаи генералу Инда.

— Нас не настолько здесь любят, чтобы Аун Сан мог особенно распространяться на эту тему.

— Еще не поздно арестовать всю эту компанию.

— И проиграть войну.

— У вас пораженческие настроения, генерал.

— Нет. Я придаю большое значение битве на Иравади.

— Когда вы признаете мою правоту, будет уже поздно.

Вдруг генерала прорвало:

— Так вот пойдите и попробуйте сейчас отнять у них оружие! Как вы это сделаете? Где у нас свободная дивизия, для того чтобы затевать бой в Рангуне?

Генерал перевел дух.

— Будем надеяться, что все кончится хорошо. Они победят, но победят с нами.

— Я не верю.

На этом разговор кончился.

— Итак, вперед, на врагов, на захватчиков. Уничтожайте их беспощадно. Вся Бирма смотрит на вас, — закончил свою речь Аун Сан.

Японское командование пригласило Аун Сана на обед по случаю выхода армии на фронт. Это был невеселый обед. Японские части с трудом сдерживали английское наступление на Иравади. Их положение на Тихом океане оставляло желать много лучшего. Из Европы поступали известия о том, что гитлеровская Германия доживает последние дни. Союзные войска приближаются к Берлину. Оси Рим — Берлин — Токио уже не существовало.

Плохое настроение было и у «диктатора» Бирмы, доктора Ба Мо. Утром он принял индийского хироманта. Хиромант долго колдовал над нежной рукой Ба Мо.

— Не убьют ли меня? — несколько раз спрашивал диктатор.

Индус не отвечал. Потом отпустил руку, вздохнул. Ба Мо почувствовал, как сердце остановилось на секунду и покатилось вниз, к животу.

— Ну!

— Нет, вы не умрете скоро, ваше превосходительство. Но судьба ваша плачевна. Я вижу по линиям вашей руки, что вам предстоит далекое и трудное путешествие, путешествие, связанное с унижениями. Ваши надежды не сбудутся. Начиная с этого года жизнь ваша пойдет вниз.

Индус неплохо разбирался в политике. Ба Мо вытер потную ладонь о таиландские лоунджи и знаком отпустил хироманта. На обеде он все время посматривал на японских офицеров. Генерал Кимура и его офицеры казались спокойными и уверенными в себе. Они по очереди произносили тосты и вежливо кланялись. Ему и Аун Сану. Ба Мо давно знал о Сопротивлении, знал уже и о Лиге. «Пускай, — думал он, — все-таки я останусь жив. Ведь я их не выдал».

Аун Сан слушал, как играет военный оркестр на хорах, и не обращал внимания на тосты. Интересно, как доехала Ма Кин Джи? Ведь, может быть, этот обед — ловушка. Может быть, армию сейчас, когда он сидит здесь, разоружают. Нет. Спокойно, Аун Сан. У тебя не выдерживают нервы. В любом случае основные руководители Лиги уже ушли в подполье. Даже если что-нибудь и случится, есть кому возглавить восстание. Осталось последнее: как бы сделать, чтобы Такин Тан Тун смог, не вызывая подозрений, уехать из Рангуна?

— Доктор, — обернулся Аун Сан к сидевшему рядом Ба Мо, — мы не используем наших лучших пропагандистов.

— Вы кого имеете в виду?

— Такин Тан Туна.

— Если он пропагандист, то не наш, — Ба Мо говорил тихо, чтобы не услышали соседи за столом. — За ним давно уже охотится военная полиция. И я не удивлюсь, если его арестуют.

— Но он же министр.

— Хорошо. Что же вы предлагаете?

— Надо его командировать для пропагандистской работы в район Таунгу. Мобилизовать народ. Вы же сами говорили, что рабочие отряды разбегаются.

Полковник из Кемпетаи прислушался. Аун Сан заметил это.

— Такин Тан Тун — верный друг Японии. И вы это знаете, доктор. Никто лучше его не сможет поднять народ.

— Хорошо, я согласен.

— Что-то вы выглядите печально сегодня, генерал, — сказал полковник из Кемпетаи. — Вам тяжело расставаться с семьей?

Знает или не знает?

— Да, у меня заболел сын.

— Мы усилим охрану у вашего дома. Я сегодня же распоряжусь.

— Не беспокойтесь, мои солдаты охраняют меня достаточно надежно.

— Как знаете.

Полковник отвернулся.

Такин Тан Тун уехал в Таунгу 20 марта. 21-го он исчез. В городе оставались Такин Ну и Аун Сан. Такин Ну колебался.

— Какая от меня польза на войне?

— По японцы могут вывезти тебя, тебя может схватить Кемпетаи.

— Нет, Ко Аун Сан, мои семья в безопасности. И надеюсь, что японцы не сделают мне ничего плохого. У меня много друзей среди них. Я останусь с доктором Ба Мо.

И, наконец, 25 марта Аун Сан не пришел, как обычно, в рангунский штаб бирманской армии. В штабе оставалось всего несколько писарей да солдаты у входа. Еще вчера и тех и других было значительно больше.

Аун Сан выехал на машине к линии фронта.

Его машину видели по дороге в Пром. После этого генерал исчез, как исчезли днями до этого его офицеры.

И в тот же день бирманская армия ударила с тыла по японским войскам. А те части, что заняли передовые позиции вдоль Иравади, сразу в нескольких участках открыли фронт.

В этот день начался разгром японцев, разгром еще более быстрый и страшный, чем разгром англичан в сорок втором.

В первый же день восстания, 28 марта, бирманские части

уничтожили более семисот японских солдат и офицеров и разгромили несколько японских штабов. В руки бирманцам попали два японских генерала.

8

А адмирал Маунтбатен все еще никак не мог получить одобрения ставки на сотрудничество с бирманской Национальной армией. Уже английские, индийские и бирманские солдаты воевали бок о бок против японцев, но военный кабинет Великобритании не соглашался признать Аун Сана. Маунтбатен искренне негодовал. «Мы так навсегда потеряем Бирму», — говорил он 28 марта на военном совете. В тот же вечер он пишет новое письмо в Лондон.

«Гражданские власти полагают, — писал адмирал, — что признанием Аун Сана мы оскорбим лучшие чувства более респектабельных слоев населения. Но я уже не раз указывал, что эти респектабельные слои проявили себя полностью пассивными. Ведь восстание-то поднимают не они, а активные, политически сознательные и политически организованные элементы в стране».

Да, соглашался далее Маунтбатен, Аун Сан виновен в измене, в союзе с японцами в сорок втором году. Но ведь он верил, что японцы принесут Бирме освобождение от нас. Будет колоссальной ошибкой пойти против бирманских героев, а они, Аун Сан и его соратники, в настоящее время являются бирманскими героями. Маунтбатен требовал немедленного признания Аун Сана и Лиги в качестве союзников.

Делал он это отнюдь не из любви к Аун Сану. Как полководец, он отлично понимал, что бирманская армия является тем самым балансом силы на фронте, от которого зависит, затянется ли кампания еще на полгода или окончится в течение нескольких недель.

И еще. Маунтбатен был более разумным и гибким дипломатом, чем люди, управляющие британской политикой. Он действовал именно в интересах Британской империи, он хотел сохранить ее. Но хотел сделать это более жизненными методами, нежели гражданские власти.

Наконец через несколько дней после восстания военный кабинет дал согласие на сотрудничество с Аун Саном. Однако в той же телеграмме указал, что никаких политических обязательств, никаких политических переговоров Маунтбатен вести не имеет права. Наоборот, лидеры восстания должны быть твердо предупреждены, что только хорошим поведением, только

неограниченной верностью Великобритании они смогут искупить свои ошибки, свое сотрудничество с японцами.

Маунтбатен разрешил генералу Слиму, командующему бирманским фронтом, встретиться для переговоров с Аун Саном. Прошел уже почти месяц с начала восстания, а прямых контактов между командующими все еще не было.

Только в конце апреля Слим послал приглашение Аун Сану. И в мае Аун Сан появился в английском штабе.

К штабу фронта подъехала черная закрытая машина. За ней «джип» с автоматчиками. Часовым показалась странной форма автоматчиков в «джипе». Они подбежали к остановившейся у шлагбаума машине и заглянули внутрь.

В машине сидел японский генерал в полной парадной форме. Генерал был молод, скуласт и темнокож.

Растерявшийся часовой уже поднял автомат, чтобы выстрелить в воздух, как из-за поворота дороги выскочила еще одна машина. Штабная. Английский полковник выпрыгнул из нее, не дожидаясь, пока машина остановится.

— Пропустите генерала Аун Сана! — крикнул он на бегу солдатам.

Так вот он какой, бирманский генерал! Английские солдаты много слышали о нем. И разное. Он был и предателем и японским министром. И он же воевал сейчас на юге с японцами.

Генерал вышел из машины и не спеша пошел через обширную поляну к зданию штаба, над которым на флагштоке висел «Юнион Джек».

Появление генерала в японской форме, прогуливающегося по территории штаба, вызывало что-то вроде паники среди писарей и интендантов.

Но генерал Слим уже вышел на крыльцо.

— Добро пожаловать, дорогой друг. Мы вас ждем с утра.

Аун Сан улыбнулся, отдал честь генералу и сказал:

— А мы вас ждем уже который год. А в последний месяц в особенности.

— Заходите.

Генералы прошли в здание штаба. Итак, после четырех лет Аун Сан снова встретился с англичанами. Правда, теперь ему не надо прятаться от них на улицах.

Разговор генералов затянулся на два часа. Слим и не ждал, что бирманец будет просить прощения у англичан за сотрудничество свое с японцами, но независимая позиция, занятая Аун Саном, несколько смутила его.

Слим сказал, после того как окончилась формально-вежливая часть разговора:

— Давайте подумаем, как нам влить ваши отряды (ему не хотелось говорить: армию, или хотя бы: части. Этим он признавал бы определенную самостоятельность Аун Сана) в регулярную армию. Я думаю, об этом мы сможем легко договориться.

— Вряд ли, — улыбнулся Аун Сан. — Я ничего решать самостоятельно не могу и не хочу. Я представляю здесь временное правительство Бирмы. И правительство наше — правительство народа, правительство Антифашистской Лиги. Вы, генерал, получаете приказы от своего правительства. Я — от своего.

— Право же, я не могу признать бирманского правительства, — перебил его Слим.

— Ваша воля. Я командующий союзной Великобритании армии. Но вам ни в коей степени не подчинен.

— Что же, я признаю ваше мужество, — сказал генерал Слим. — Вы сейчас находитесь полностью в моих руках. И будь на моем месте другой генерал, он бы мог арестовать вас, как бунтовщика и коллаборациониста.

— Не думаю.

— Хорошо, не будем об этом. Но поймите: вы подданный Британской империи. Да, не улыбайтесь. По крайней мере формально это так. Но вы сражались против правительства его величества. И у меня здесь, в штабе, есть люди, которые как дважды два могут доказать, что вы виновны в убийствах, и мы найдем достаточно свидетелей. Мы вам не давали никаких письменных обязательств, только устно пригласили на переговоры. И я перед законом буду чист, если вы не вернетесь обратно.

— Знаю. И все-таки ничего сделать со мной вы не осмелитесь. Вам это невыгодно. По крайней мере сейчас.

— Скажите мне, — переменил тему Слим, — если вы так доверяете англичанам, почему вы так хотите от нас отделаться?

— Вы неправильно ставите вопрос. Я не говорю. что я не люблю англичан. Нельзя не любить народ. Но мы не хотим ни англичан, ни японцев в качестве наших господ.

— Ну что ж! Как солдат и как человек, я, может быть, и согласился бы с вами. Но мы не политики. Пусть об этом говорят штатские.

— А у нас нет такого деления.

И разговор перешел на чисто военные темы.

Когда все вопросы связи и взаимодействия были обсуждены, когда принесли чай, Слим вернулся к политике. Хоть он и считал себя только солдатом — только солдатом он не был.

— Признайтесь, господин Аун Сан, вы ведь пришли к нам

только потому, что мы побеждаем.

— Я не спорю. Если бы вы не побеждали, нам пришлось бы действовать только своими силами.

«Аун Сан произвел на меня сильное впечатление, — записал Слим вечером в дневнике, — он оказался не грубым партизаном, бандитом, как его изображали и какового я ожидал увидеть… Я понял, что он искренний патриот и реалист, что редко совмещается в политике… Наибольшее впечатление на меня произвела его честность. Он не мог и не хотел давать неподкрепленные обещания и не был открытым до конца со мной, но я твердо убежден, что, если бы он обещал что-нибудь сделать, он сдержал бы свое слово».

9

Вооруженные силы Бирмы — Национальная армия Аун Сана, отряды Лиги, партизаны — участвовали в течение сорок пятого года более чем в тысяче боев и стычек. Они уничтожили больше десяти тысяч японских солдат и офицеров, более трех тысяч японцев были ранены и взяты в плен. Бирманские части полностью дезорганизовали японские коммуникации в тылу, вызвали панику, и действия их привели к тому, что японские войска не смогли оказать серьезного сопротивления наступающим союзникам. Летом 1945 года Маунтбатен писал в официальном докладе в Лондон:

«Атакуя изолированные гарнизоны и линии связи и оказывая давление на японцев, бирманская армия связала большое количество вражеских войск, которые иначе могли быть использованы для блокирования 14-й союзной армии в ее наступлении на Рангун».

Маунтбатен не совсем объективен в своем докладе. И понятно. Ему не было ровным счетом никакого смысла отдавать должное бирманцам. Каждый их успех отнимал листочек с лаврового венка самого Маунтбатена.

В этом докладе есть фактическая неточность. Из него следует, что якобы Рангун заняла 14-я союзная армия. По крайней мере здесь о бирманцах упоминается только как о силе, косвенно способствовавшей взятию Рангуна.

В самом же деле Рангун был взят не кем иным, как Аун Саном. Его войска вошли в столицу Бирмы за два дня до англичан. И когда первый английский катер с десантом подошел к покореженному бомбами причалу, англичане увидели солдата в зеленом мундире с японским автоматом в руках. Это был солдат

Национальной армии.

Бирму освобождали с двух сторон. Изнутри — партизанские отряды и части Аун Сана. Снаружи — английские войска и опять же части Аун Сана. Во всех городах и деревнях, освобожденных от японцев, немедленно создавались отделения Лиги, которые брали на себя поддержание порядка в период военных действий, брали на себя охрану населения от мародерствующих японских банд, от местных бандитов. Каждый день все новые и новые красные флаги Антифашистской Лиги поднимались над Бирмой.

В стране создавалось двоевластие. Англичане возвращали свою администрацию. Бирманцы создавали свою.

1 июня в Лондоне была опубликована Белая книга о Бирме. Из нее следовало, что после окончания военных действий в стране утверждается губернаторский режим. Все политические вопросы будут решаться губернатором, при котором создается «совещательный» Исполнительный совет, назначенный тем же губернатором. Этот порядок должен был сохраниться до 1948 года, до окончания «периода восстановления Бирмы». Потом наступал «период подготовки почвы для полного самоуправления» и так далее. Независимостью и не пахло.

Отвечая Белой книге. Антифашистская Лига писала: «Бирманский народ нельзя отбросить назад, к духовному и политическому уровню 1941 года… Бирма хочет быть независимой — ни больше, ни меньше».

Англичане открыто не спорили. Даже больше того, Дорман-Смит заявил в Лондоне, что программа Лиги в принципе не противоречит целям английского правительства. Это была ложь. Но англичане ждали, когда страна полностью перейдет к ним в руки. Тогда можно будеть заговорить по-другому.

А тем временем война все дальше откатывалась от Рангуна. И, наконец, в Рангуне стало настолько безопасно, что скоро прибыл его превосходительство губернатор Бирмы сэр Дорман-Смит.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
У АУН САН

1

Губернатор впоследствии признавался, что, когда он приехал в Рангун и ознакомился с документами Лиги, он понял, что задача возвращения Бирмы в лоно Британской империи осложнится непримиримой позицией Лиги. Тогда губернатор решил бороться с Лигой с помощью самих же бирманцев.

Губернатор подготовил вступительную речь и разослал приглашения бирманским политикам на первую встречу с ним на борту английского крейсера «Кемберленд». Кого же пригласил губернатор? Кого же он считал представителями Бирмы?

От Лиги на встречу были приглашены двое: Аун Сан и Такин Тан Тун. Губернатор рад бы не приглашать никого от этой подрывной организации. Но шла война. Аун Сан командовал бирманской армией, а Тан Тун был генеральным секретарем Лиги. Тем более что на приглашении Аун Сана и Такин Тан Туна настоял адмирал Маунтбатен.

Но, кроме Аун Сана и Тан Туна, на встрече должны были быть еще пятнадцать человек. А это уже были верные друзья англичан.

Те из них, что пережили оккупацию в Рангуне, похудели, постарели. Они рассказывали губернатору, что все эти годы сидели дома и боялись, что японцы посадят их в тюрьму. И губернатор соглашался с ними, что такая жизнь была ужасна. Но теперь они дождались настоящих друзей, и друзья их не забудут своими милостями.

Губернатор зачитал семнадцати гостям свой доклад по поводу Белой книги и будущей политики Великобритании в Бирме. Губернатор старался быть как можно более мягким и либеральным. Он искренне хотел добра своим старым друзьям. И друзья понимали это. Они согласно кивали головами, когда губернатор говорил:

— Борьба Бирмы за свободу окончена. И я умоляю вас поверить в это. Самоуправление теперь уже-совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Возможно даже, что период прямого управления страны губернатором окончится быстрее, чем через три года Это уже зависит от хорошего поведения бирманцев. В конце концов… — губернатор обернулся к сидевшим отдельно от его друзей Аун Сану и Тан Туну, — в конце концов ведь то, что предлагаем мы, мало отличается даже от самых левых требований Лиги.

Губернатор был доволен своей речью. Еше ни один губернатор в Бирме не произносил такой либеральной и мягкой речи. Только вот эти двое — из Лиги. Молодые люди, с которыми он раньше не сталкивался. Они, кажется, связаны с коммунистами. И они молчат, они не улыбаются и не качают сочувственно головами.

— Вот что, ваше превосходительство, — сказал, наконец, Аун Сан. Он не снимал сшитого по японскому образцу генеральского мундира, и это сильно шокировало губернатора. — Вот что. Должен признаться, что ваше выступление никакого влияния на нашу позицию не оказало. Мы требуем немедленной отмены военной администрации и признания нашего временного правительства.

Нет. Придется расстаться с Лигой. Придется уничтожить ее. Губернатору не очень хотелось начинать свою деятельность с репрессивных мер. Но с Аун Саном, очевидно, не сговоришься. Да и есть ли смысл договариваться? Стоит только взглянуть на верных адвокатов и увидишь, с какой ненавистью они смотрят на этих коммунистических выскочек. Нет и еще раз нет. Переговоры с Лигой — это предательство по отношению к старым друзьям, по отношению к интересам Великобритании. Губернатор так задумался, что не заметил, как оба руководителя Лиги поднялись, вежливо наклонив головы, и ушли без единого слова. А

губернатор думал. Вот они уверяют, что Лига представляет собой бирманский народ. Но ведь здесь в салоне крейсера сидят пятнадцать старых опытных политиков — цвет бирманской нации. Они рады видеть губернатора. Они готовы оказать ему полную поддержку. Не может быть, чтобы Лига была так сильна, как она себя пытается представить. Вот и друзья уверяют, что это совсем не так.

И губернатор обратился к адвокатам. Он выбрал путь. Он пойдет против Лиги, потому что Лига пошла против него, а значит, и против Англии.

В конце концов Аун Сан всего-навсего бирманец. А губернатор Бирмы сильнее любого бирманца и даже сильнее всех бирманцев, вместе взятых.

Между тем мировая война подходила к концу. Советские войска перешли границу Маньчжурии. Японцы теряли последние позиции в Китае и на Тихом океане.

В сентябре в Канди, на Цейлоне, проходили переговоры между руководителями Лиги и Маунтбатеном. На переговорах стоял вопрос о будущем Бирманских патриотических сил (так теперь называлась бирманская Национальная армия).

Перед этим Лига уже выработала свое отношение к английским требованиям. Англичане требовали, чтобы армия была распущена и оружие было сдано.

Лига согласилась на это. И вот почему. В мирных условиях десятитысячная армия не могла решить судьбу страны. Решал ее народ. Значит, надо было переходить непосредственно к работе с массами. Надо было рассредоточить по всей стране кадры Антифашистской Лиги. То есть, подчиняясь требованиям англичан, Лига не теряла свою армию, а, наоборот, получала возможность более широко использовать ее в своих интересах, в интересах народа. Что касается сдачи оружия — на это Аун Сан тоже согласился. Оружие было сдано. Но никто не может сказать, какой процент его. Во всяком случае, небольшой. В стране, по которой два раза прошла война, накопилось очень много оружия — как японского, так и английского. И это оружие осталось у отрядов Лиги, у армии. Официально армия была распущена. Но на деле она сохранилась и с каждым днем становилась все сильнее. У Аун Сана не было никаких оснований доверять англичанам. И он был в этом прав.

И еще одно условие бирманцы выговорили при роспуске армии. Члены ее могли вступать в английскую армию. Все-таки в будущей колониальной армии, сколько бы она ни просуществовала, желательно было иметь своих людей. Маунтбатен вынужден был на это согласиться.

По дороге в Канди на переговоры с англичанами бирманская делегация остановилась в Индии, у Такин Тейн Пе. Там прошло предварительное совещание, на котором и была выработана окончательно позиция для переговоров в Канди.

Тогда же было принято еще одно решение.

Дело в том, что уже долгое время англичане настаивали на том, чтобы Аун Сан перешел в их армию. Ему предлагали чин бригадного генерала и пост заместителя начальника штаба регулярной армии колонии. Или даже, если он будет несговорчив, чин генерального инспектора бирманской армии.

Вот это предложение англичан и надо было тщательно обсудить. Становиться ли Аун Сану профессиональным военным или бросить армию? Аун Сан высказал свое решение: бросить армию, уйти в отставку и перейти полностью к работе в Лиге. Некоторые возражали против этого. Кое-кому из бирманских лидеров было выгодно, чтобы Аун Сан отошел от политической деятельности.

Но все-таки большинство поддержало боджока. Такин Тейн Пе писал по этому поводу: «Я поддержал мнение, что Аун Сану лучше перейти в политику. Я также верил, что в то время было жизненно необходимым создать Единый фронт прогрессивных элементов и национальных сил. И что не было среди нас ни одного человека, который мог бы выполнить эту роль лучше, чем Боджок Аун Сан. В конце нашей беседы Аун Сан сам заявил, что считает для себя необходимым покинуть армию. Таким образом, больше спорить было не о чем».

А уезжая из Канди, Аун Сан передал Маунтбатену письме, в котором объявлял о своей отставке.

«…Я передал моим коллегам по Антифашистской Лиге и по Бирманским патриотическим силам ваше предложение о переходе моем в бирманскую армию. Несмотря на то, что нам надо будет провести некоторые формальности, прежде чем мы сможем представить официальное решение, я уже сейчас могу сообщить вам, что я бросаю военную карьеру. Я сожалею, что мне придется расстаться с армией, по это решение настолько важное, что я ему обязан подчиниться».

Но по возвращении в Бирму Аун Сану пришлось снова заниматься военными вопросами. Правда, теперь уже официально бирманской армии не существовало, но часть ее влилась в регулярную армию — армию колонии, а одновременно создавалась народная добровольческая организация, которая и должна была заменить армию, только на более широкой, народной основе. В нее вошли многие из солдат и офицеров Бирманских патриотических сил, бывшие партизаны. Народные

добровольцы были полувоенной организацией. Англичане, разумеется, не признавали таких формирований. Но в них уже в первые месяцы насчитывалось более двадцати пяти тысяч человек, не говоря о тех десятках тысяч, которые могли взять оружие в руки, когда это понадобится стране.

Создание народных добровольцев свело на нет все усилия англичан в Канди. У Лиги все-таки была своя армия. И это про нее писал известный экономист, профессор Фэрнивол: «НДО была бы страшной в партизанской войне против английской армии и не менее страшной для любого бирманского правительства, которое не смогло бы добиться ее лояльности».

2

Одной из важнейших причин, почему господство англичан в Бирме доживало последние дни, было экономическое положение в стране и политика англичан в этом вопросе.

Уже перед войной Бирма никак не могла похвастаться здоровой экономикой. Во время наступления японцев ей был нанесен серьезный удар, за которым следовал трехлетний грабеж страны японцами. Потом вторично военные действия — наступление англичан. Так что в сорок пятом году в стране господствовал экономический хаос. Не было промышленности, сельское хозяйство опустилось почти до уровня каменного века, безработица приняла угрожающий размах. В стране царили голод и разруха. Риса собирали в три раза меньше, чем до войны, горных рудников действовало в десять раз меньше, чем до войны, две трети рисорушек стояло. Даже те кустарные отрасли, что поощрялись японцами, сошли на нет с падением денежного обращения. На страну, протянувшуюся с севера на юг на две тысячи километров, оставалось тридцать паровозов из трехсот, что были в сорок втором году.

Торговое обращение вернулось к временам натурального обмена. Оккупационные рупии были отменены, а новых денег не было.

Но не только крестьяне и рабочие находились в тяжелом положении. Бирманская буржуазия тоже чувствовала себя ограбленной. Те английские компании, что в течение трех лет были оторваны от Бирмы, от своих фабрик, промыслов, полей, теперь возвращались в страну, преисполненные уверенности в своих патриотических заслугах. Ведь их предприятия были разрушены во время войны, войны, в которой они в конце концов победили. Так кому же в первую очередь должна пойти помощь?

Кому должны быть возвращены все льготы и привилегии? Им. И английское правительство не могло не откликнуться на просьбы своих фирм. В основу развития экономики Бирмы должны быть положены: финансирование английских компаний, ограждение их от иностранной конкуренции, восстановление помещичьей и ростовщической системы. Бирме надо было вернуть положение ведущего экспортера риса, а для этого нужно было сильное колониальное правительство.

Беспроцентный заем, который английское правительство предоставило Бирме, уходил почти целиком на развитие тех же британских фирм. Для этого были выработаны секретные «проекты». Когда в сорок шестом году администрации пришлось их опубликовать, возмущение в Бирме было велико. На верховном совете Лиги в мае 1946 года Аун Сан говорил:

«Чем больше мы узнаем, тем больше убеждаемся, что британское правительство обращается к затягиванию признания за нами права на политическую свободу для того, чтобы еще глубже укрепиться в нашей экономике. Получается, что, какая бы ни была в Англии политическая партия у власти (а в то время в Великобритании правило лейбористское правительство), основной их заботой остается, как говорил Черчилль, «что у нас есть, мы удержим». Мы же хотим полной свободы. А при отсутствии экономической свободы политическая свобода останется не больше, чем издевательством, фикцией».

Бирманской буржуазии в кредитах и компенсации было отказано. Считалось, что она не понесла никаких потерь во время войны. Бирманских промышленников даже полностью отстранили от торговли и переработки риса в Нижней Бирме — основном рисовом районе страны. Положение было хуже, чем во времена японцев. В результате этих мер англичан даже правые круги бирманской буржуазии скорее были склонны поддерживать Лигу, чем английского губернатора.

Росло влияние Лиги среди рабочих и крестьян. В 1945 и 1946 годах было создано несколько профсоюзов. Прошли первые после войны забастовки. Теперь уже англичанам не удалось нейтрализовать борьбу рабочих национальными распрями. Когда забастовали докеры, англичане срочно привезли в доки индийцев. Но на следующий день ни один из индийцев на работу не вышел. Они вечером встретились с представителями бастующих и присоединились к ним.

Пришлось бросить на разгрузку кораблей японских военнопленных.

И в деревне англичане потребовали, чтобы все вернулось на довоенные позиции. Ряд законов, которые они издали для

деревни, требовал выплаты задолженности по арендной плате, налогам и ссудам. Все земли, что крестьяне захватили во время войны, надо было возвращать помещикам. После этих законов Лига могла полностью рассчитывать на полную поддержку всего крестьянства.

Крестьяне надеялись, что документы на владение землями потерялись во время войны. Оказалось, ничего подобного. Их вывезли помещики в Индию, и в сорок четвертом году перед началом наступления передали англичанам на хранение. Тридцать шесть кули перетаскивали эти бумаги по улицам Симлы, укладывая в несгораемые шкафы правительства Дорман-Смита.

В ответ на меры английского правительства крестьянство организовывалось под руководством Лиги и компартии. Уже в январе 1946 года была создана Всебирманская крестьянская лига. Времена восстания Сая Сана прошли. Теперь крестьяне были организованы и отлично знали, за что борются.

И вот складывается парадоксальное положение. Практически вся страна за исключением небольшой кучки компрадорской буржуазии и нескольких оторвавшихся от народа политиков поддерживает Аун Сана, поддерживает Антифашистскую Лигу. И все-таки Лигу продолжают не признавать в Лондоне, продолжают считать ее экстремистской организацией. И если убрать Аун Сана, слышатся рассуждения и в Лондоне и в Рангуне, то Лига сама собой распадется и к власти придут «правильные, верные» люди.

Лига знала о поддержке масс и была уверена в своих силах. Для Аун Сана вопрос стоял не в том, получит ли Бирма независимость или нет. Вопрос стоял, получит ли она независимость в этом году, в следующем или через два года. Но это будет полная независимость, без скидок и оговорок.

Осенью 1945 года Лига сама пошла навстречу губернатору и предложила превратить его Исполнительный совет в настоящий, представительный орган с тем, чтобы он потом превратился в учредительное собрание. И Лига представила губернатору проект, по которому из пятнадцати членов совета одиннадцать должны быть членами Лиги. Причем требования Лиги были вполне умеренными, ведь среди одиннадцати ее кандидатов не все были йебо и коммунистами. Некоторые выдвигались от «Мьочи» — бывшей партии У Со, некоторые от «Синьета» — бывшей партии Ба Мо. Обе эти партии в то время поддерживали Лигу в едином народном фронте.

Губернатор решительно отказался от таких требований. В первую очередь вычеркнул коммуниста Тейн Пе. Тогда Лига отказалась принимать участие в Исполнительном совете. Правда,

узнав об этом, члены Лиги из партий «Мьочи» и «Синьета» срочно покинули ее и вошли в Исполнительный совет. На силе Лиги это не отразилось, а бирманцам еше раз показало действительное лицо этих партий.

Но к зиме сорок шестого года губернатор стал уже куда более серьезно относиться к Лиге, чем летом. Он пригласил к себе Аун Сана.

— Я предлагаю вам вступить в совет. Это ни к чему вас не обязывает. Но совет будет по-настоящему представительным, и вы сможете в нем стать легальной оппозицией.

— Оппозицией?

— Ну, как консерваторы в Вестминстере.

— Простите, но как мы можем выступать в оппозиции к силам, которые никого не представляют? Мы не считаем, что в Бирме есть оппозиция нам, если не считать вас, англичан.

Во главе нового совета встал знакомый Аун Сану сэр По Тун. Это он, будучи премьером перед войной, арестовывал такинов. И теперь он ничего лучше не придумал, как обратиться к губернатору с предложением арестовать Аун Сана.

Губернатор колебался. Он уже не очень доверял и своим бывшим друзьям. Друзья выступали на митингах и волей-неволей говорили о независимости. Они не могли говорить ни о чем другом — их просто никто бы не стал слушать. А Аун Сана губернатор начинал побаиваться.

Он писал в Лондон: «Насколько сильно действительное влияние Аун Сана, сказать трудно. Никто не устраивает демонстраций против него. Даже члены совета предпочитают помалкивать при народе, когда разговор заходит об Аун Сане». Особенно смутил губернатора Аун Сан тогда, когда после памятного разговора об оппозиции вынул из кармана генеральских, уже поношенных брюк декларацию, которую должны были обсуждать вечером того же дня на массовом митинге Лиги. В декларации, в частности, говорилось, что губернатор Дорман-Смит не имеет права представлять Англию в Бирме.

— Я могу вас уверить, что эта резолюция будет принята на митинге единогласно, — сказал он, прощаясь с губернатором.

Однажды сэр По Тун принес новость о беспорядках в городе Пегу. Там в окрестностях города орудовала какая-то банда.

— Это не иначе, как начало всеобщего восстания. Надо сегодня же арестовать Аун Сана и послать туда войска.

Губернатор запросил тамошнюю полицию. Никакого восстания не намечалось.

Оставалось два пути. Или ждать, пока влияние Аун Сана

ослабнет, и тогда убрать его без шума, или найти вполне легальный и официальный предлог, приписать ему какое-нибудь преступление, что-нибудь пострашнее. Так, чтобы под этим предлогом не только физически изолировать Аун Сана, но и уничтожить его морально.

На первый путь надежды было мало. Популярность Аун Сана никак не сходила на нет. Но противники боджока не оставляли надежды скомпрометировать его.

На бурном заседании Законодательного совета представители англичан Пирс, Вайз и другие требовали, чтобы, не считаясь ни с чем, правительство все-таки арестовало президента Лиги.

— Это очистит воздух, — настаивали они. — Аун Сан уже сейчас потерял многих сторонников. Посмотрите, верхушка партии У Со и Ба Мо перешла на нашу сторону.

— Предлог?

— Его речи. Каждая из них отлично подходит под статью о подстрекательстве к бунту. А это наказуемо. Вот посмотрите.

Пирс постучал согнутым пальцем по пачке листков.

— Это перевод речи Аун Сана на конгрессе его Лиги. Я позволю себе прочесть несколько строк отсюда, несколько фраз, относящихся к истории. «Империализм и фашизм, по сути дела, представляют собой разные формы финансового капитала». Это же коммунистические идеи! Слушайте дальше. «Вначале империалистические круги Англии, Франции и других капиталистических стран кормили, поили и нянчили своего незаконного брата — фашизм. Мюнхенская банда в Англии несет ответственность за насилие над Абиссинией и Маньчжурией, за преступления фашизма в Испании, Германии, Европе и во всем мире. Империалисты в Азии различными путями поддерживали японских фашистов. Они надеялись на них, как на силу, способную сдержать подъем национально-освободительного движения. И не по их воле чудище Франкенштейна повернулось против своих создателей».

Ну как? «Мюнхенская банда». Как вам это нравится? Так я могу найти примеров, подобных этому, примеров открытого оскорбления чести Британской империи десятки в каждой из его речей. А речи Аун Сан говорит почти каждую неделю.

Например, послушайте, что он говорит про русских коммунистов: «Нас вдохновляет отвага и героический дух социалистических идей, с которым народы Советского Союза борются за победу социализма в своей стране, строят плановую экономику, с которым они поднялись на разгром фашистских банд во второй мировой войне, когда в течение долгого времени

им приходилось бороться в одиночку, без всякой помощи. Мы преклоняемся перед мощью социалистической державы и особенно подчеркиваем роль ее в разгроме фашизма в Европе. Мы гордимся и тем, что великая страна социализма борется за права отсталых и порабощенных народов».

Но ведь это уже поэма в прозе. Коммунистические песни, которым не место в Бирме. Я полагаю, все собравшиеся со мной согласны, что Аун Сан представляет непосредственную опасность как агент мирового коммунизма.

Присутствующие не возражали.

Но опять не пришли бы ни к какому решению, не окажись среди них бывшего Такин Тун Ока, который был обижен в свое время еше японцами, ибо прочил себя на место самого Ба Мо, но затея его сорвалась. Был он обижен и на Лигу, а Аун Сана ненавидел патологической ненавистью. Сам ли он додумался до своего плана или ему кто-нибудь посоветовал, неизвестно, но, так или иначе, Тун Ок выступил на совете и заявил, что видел собственными глазами, как во время наступления японцев на Бирму Такин Аун Сан зарубил саблей старейшину одной из деревень. Причем добить сам не смог и приказал закончить кровавое дело одному из своих солдат. Тун Ок потребовал, чтобы Аун Сана арестовали за убийство мирных граждан.

Даже те люди, которым хотелось поверить в такое обвинение, не смогли поверить Тун Оку. Во-первых, потому, что Тун Оку и так никто не верил. А во-вторых, даже самое поверхностное знакомство с Аун Саном полностью исключало возможность подобных действий боджока. Но тем не менее губернатор поспешно дал ход этому делу. Приказал начать расследование.

Это решение губернатора испугало более трезво мыслящих англичан и в первую очередь английских военных, которые командовали бирманскими частями комиссаров областей, понимавших, какой популярностью пользуется Лига. 27 марта 1947 года ведущие английские офицеры и чиновники собрались на совещание. Оно проходило без губернатора — тот был в те дни на севере. На совещании зачитали письмо Маунтбатена, который резко протестовал против попытки арестовать Аун Сана, уверяя, что это равнозначно началу всеобщего восстания в стране, восстания, подавить которое если и удастся, то только после долгой и кровопролитной борьбы. Нет, это было слишком рискованно, и адмирал был против.

По очереди поднимались выступавшие.

Четтль, генеральный инспектор армии: «Арест вызовет немедленное восстание».

Генерал Бриггс, командующий регулярной армией колонии:

«Арест Аун Сана вызовет немедленное восстание в рядах армии. На армию полагаться нельзя. Тем более что, помимо бирманских, в ней теперь есть индийские части, настроение которых и сторона, которую они выберут в случае вооруженного конфликта, весьма сомнительны».

Генеральный инспектор полиции: «Опасно».

Начальник отдела расследований полиции: «Рискованно».

Совещание представило вернувшемуся из поездки губернатору свои соображения. Арест Аун Сана нежелателен. Губернатор не сдавался. Он продолжал держаться упрямой мысли, что Лига — это Аун Сан. А если Аун Сана не будет — Лига, развалится. Он послал в Лондон запрос на арест Аун Сана.

Телеграмма из Лондона с разрешением на арест застала губернатора в Сингапуре. В тот же день он вылетел обратно в Рангун и вызвал к себе генерального инспектора полиции.

— Выполняйте приказ, — сказал губернатор.

— Но, ваше превосходительство, я еще раз хочу напомнить вам, что, возможно, ни я, ни вы не переживем беспорядков, которые последуют за арестом.

— Хватит, — ответил Дорман-Смит. — У нас есть указание из Лондона, и мы обязаны ему подчиниться.

Инспектор вернулся в контору, позвонил жене, чтобы она заперла дом и приказала слугам никого не впускать, а сам выписал ордер на арест Аун Сана, тридцати одного года от роду, обвиняющегося в убийстве, совершенном в 1942 году. Несколько минут он не мог заставить себя нажать на кнопку звонка.

Потом сказал вошедшему лейтенанту:

— Возьмите взвод. Англичан. Вот адрес.

И тут раздался телефонный звонок. Звонили из губернаторского дома. Только что пришла из Лондона вторая телеграмма. Арест отложить впредь до особого распоряжения.

— Это ваша работа? — опросил на другой день губернатор инспектора полиции.

— Нет, я ничего не писал.

— Значит, все-таки кто-то нажаловался в Лондон. И скажу по правде, все-таки зря мы его оставляем на свободе.

Потом, через несколько лет, заказав книгу о себе писателю Морису Коллису, губернатор будет оправдываться перед историей. Он якобы лично неплохо относился к Аун Сану и не был уверен, стоит ли арестовывать его. Просто обстоятельства были сильнее его.

Аун Сан отлично знал о всей переписке и разногласиях, касавшихся его персоны. В конце концов во всех конторах работали бирманцы — писцы, курьеры, мелкие чиновники. И

почти каждый из них платил в Лигу членские взносы или бывал на ее собраниях.

3

В феврале 1946 года из ссылки в Африке вернулся У Со. Он постарел, стекла очков стали потолще. А в остальном не изменился. У Со доставили в Бирму как раз в самый разгар кампании против Лиги. И он в эту камланию включился.

Примерно в то же время из Японии вернулся прощенный Ба Мо. Конечно, и губернатор и чиновники в Лондоне отлично понимали, что оба эти бывших премьера — люди в высшей степени ненадежные и что-что, а ненадежность свою они уже не раз доказывали. Но сейчас выбирать не приходилось.

Ни У Со, ни Ба Мо на первых норах не вошли в Законодательный совет. У Со ездил с визитами, выяснял обстановку, восстанавливал старые знакомства. Он даже нанес визит Аун Сану и предложил ему свое сотрудничество в рамках Национального фронта. Аун Сан сотрудничества не принял.

Вдруг 1 мая сэр По Тун, который еще не отказался от попыток добиться ареста Аун Сана, как подстрекателя к мятежу против законных властей, объявил, что в результате переговоров с У Со было достигнуто соглашение об объединении сил У Со и По Туна.

Дорман-Смит телеграфировал в Лондон об этом новом союзе и просил разрешения ввести У Со в совет. Кроме того, губернатор просил разрешения срочно прилететь в Лондон, чтобы лично обсудить с премьером Эттли обстановку в Бирме и меры, необходимые для сохранения Бирмы в империи.

Эттли отказался давать оценку действиям губернатора. «Трудно что-либо понять, — отвечал он, — когда политические деятели в Бирме меняют свои позиции ежедневно». Эттли имел в виду У Со. Но на приезд губернатора в Лондон согласился. В министерстве были недовольны положением в Бирме. Оно ухудшалось на глазах. Англичане явно теряли позиции в стране. Надо было менять не только политику, но и губернатора.

В июне 1946 года колониальное правительство перешло в решительное наступление на Лигу, на коммунистов. В районы и города направились карательные экспедиции. Все это называлось борьбой с бандитизмом. Начались аресты среди Организации народных добровольцев. Арестовывали сотнями. И в случае сопротивления расстреливали на месте. В мае расстреляли демонстрацию в Тантабине, в дельте Иравади.

На похоронах убитых выступал Аун Сан. За день до этого

губернатор пригласил его к себе и попросил не поднимать в Тантабине восстания.

— Вы только обречете своих сторонников на смерть, — уверял он Аун Сана. — Зачем вы стремитесь к революции? Ведь все мы хотим одного и того же.

— Мы стремимся не к революции, а к свободе нашей страны. Если добьемся свободы мирным путем — тем лучше. Если свобода мирным путем не придет, возьмем ее с оружием в руках.

Аун Сан был совершенно серьезен. И губернатору стало страшно.

— Но на этот раз на митинге я не собираюсь призывать к восстанию. Вы нас все еще недооцениваете. Такое местное восстание и в самом деле принесет множество неоправданных жертв. Нет, мы восстанем по-другому. Так что не волнуйтесь. Завтра восстания не будет. Но этих убитых мы вам не простим. Можно идти?

С Аун Саном нельзя было договориться полюбовно.

8 июня в Рангуне собрался пятидесятитысячный митинг. Аун Сан сказал на нем: «Мы хотим добиться осуществления наших национальных требований мирным путем, но в связи с действиями правительства вряд ли имеется много шансов на мирное решение вопроса. Если англичане полностью удовлетворят наши требования, битва за свободу в широких масштабах может и не начаться. Если, однако, англичане хотят этой битвы, они ее получат».

После митинга Аун Сан позаботился, чтобы текст речи доставили губернатору.

Но английские власти еще не собирались отступать. По официальным данным, к июлю 1946 года в тюрьмах Бирмы находилось несколько сот политических заключенных. Но на самом деле в тюрьмах находилось еще 22 тысячи человек, осужденных за «бандитизм». Из них бандитов было несколько сот. А остальные — это активисты Лиги, члены Организации народных добровольцев.

Английское правительство все больше запутывалось в совершенно безнадежной борьбе с целым народом, народом единым, потому что еще в войну во главе его стала сильная партия, возглавляемая такими людьми, как Аун Сан и его соратники. Стремительно приближался час, когда первая страна отколется от еще великой Британской империи. Этой первой страной будет Бирма.

4 июля был издан приказ, запрещающий ношение военной формы «частными лицами». Это запрещение относилось непосредственно к народным добровольцам.

К этому времени внутри Лиги возникли серьезные затруднения. От коммунистической партии откололась и вышла из Лиги троцкистская группа, так называемая компартия красного флага. В самой Лиге усиливались правые элементы, те многочисленные попутчики, которые, выступая под знаменем Лиги, рвались к власти, к теплым местечкам.

Но все-таки Лига оставалась единой и могучей организацией. Когда 26 июля она призвала провести День борьбы против репрессий правительства, в Рангуне прошла двадцатитысячная демонстрация рабочих. Но демонстрация была только прелюдией ко всеобщей забастовке, которую готовили исподволь на август. Чуя надвигающуюся прозу, англичане собирали вещи и потихоньку переводили деньги домой.

4

А в это время губернатор Бирмы сэр Дорман-Смит сидел в шезлонге на палубе парохода, который вез его в Лондон. Губернатор решил отправиться на консультацию к премьер-министру не самолетом, а более спокойным видом транспорта. Его мучила амебная дизентерия и неизвестность. Он боялся, что в Лондоне из него сделают козла отпущения. Было ясно, что политика Великобритании провалилась и, если не перейти к более гибким методам, если не пойти хотя бы частично на уступки, в Бирме будет все потеряно.

Эта медлительность губернатора принесла ему много неприятностей.

В Лондоне не стали дожидаться его приезда. Переговорив с Маунтбатеном, который вернулся из Канди, Эттли понял, что пора спасать то, что еще можно спасти. Маунтбатен трезво оценивал действительное положение в стране. Он уверял Эттли, что только через переговоры с Лигой можно будет сохранить интересы Великобритании в Бирме.

Он же предложил Эттли кандидатуру нового губернатора, генерала Райса, бывшего главу военной администрации в Бирме при штабе Маунтбатена, человека, который разделял точку зрения своего начальника.

И когда Дорман-Смит прибыл, наконец, в Лондон, в министерстве его встретили холодно. Он уже не был губернатором.

Вместе с губернатором ушел с политической арены и сэр По Тун, старый друг Англии, верный слуга, а когда надо, и цербер. «Ничего нельзя было поделать, — напишет через несколько лет

английский писатель, — в конце концов он честно отработал свои деньги. Беда его в том, что он не смог доставить товар».

Перед самым приездом нового губернатора в Рангуне началась всеобщая стачка. Все предприятия, учреждения были закрыты. Висели замки на лавках и магазинах. Не работали школы и институты. Все, кто мог, пришли на громадный митинг, на котором выступал Аун Сан. От имени Лиги он потребовал немедленного прекращения репрессий, создания демократического правительства и созыва учредительного собрания.

Каждый день приносил известия о новых забастовках, демонстрациях, митингах. В сентябре бастовали нефтяники, потом работники почт, железнодорожники, радио, государственные учреждения. Наконец — а это было уже явным признаком полного краха — забастовали полицейские Рангуна. До сих пор каждый год полицейские Рангуна собираются на митинг, посвященный этому событию, дню, когда те, кто должен был охранять английское правительство, перешли на сторону народа.

Перед началом забастовки полицейские выпустили воззвание. Обращались они к ворам, контрабандистам и всякого рода жуликам. Полицейские объясняли им, что собираются бастовать, а потому охранять порядок будет некому. Так что на время забастовки просьба — не воровать, не хулиганить и не возить контрабанды. Потерпеть до конца забастовки. В конце концов вы же бирманские воры и должны понимать.

Воры поняли. В эти дни преступность в городе снизилась.

Губернатор сразу же по приезде связался с представителями Лиги и предложил Лиге войти в Исполнительный совет с таким расчетом, чтобы большинство в совете оставалось у Лиги.

Принимать или не принимать предложение? Заседание Исполкома Лиги было бурным. Не задержит ли вхождение в Исполнительный совет развитие революции? Ведь войти в него — значит признать власть губернатора, связать себя, хотя бы косвенно, с английской политикой.

Большинство высказалось за то, чтобы войти. Аун Сан стал председателем совета, то есть практически заместителем губернатора. Тейн Пе — членом Исполнительного совета по сельскому хозяйству.

Позже губернатор ввел в совет У Со. На него еще надеялись. Остальные друзья Дорман-Смита остались за бортом.

Компартия выступала с критикой Аун Сана, с критикой Исполнительного совета. Требовала превращения его во временное правительство. Напряжение в Исполкоме Лиги все

нарастало. Большинство там представляли социалисты. 10 октября Исполком постановил исключить компартию из Лиги. Лига была расколота, к большой радости англичан, У Со и всех врагов Бирмы.

Аун Сан, хоть и подчинился решению Лиги, тяжело переживал его. Ушли его лучшие друзья, с которыми вместе он боролся уже много лет, у которых учился. Но Аун Сан не считал разрыв окончательным. До последнего дня жизни он продолжал стремиться к объединению с коммунистами. И погиб через несколько дней после начала переговоров с ними о возвращении в Лигу. Но об этом потом.

Разногласия с коммунистами не значили, что Аун Сан успокоился, что он согласен с затяжной процедурой, при которой независимость Бирмы опять отодвигалась на неопределенный срок.

10 ноября Лига заявила, что английское правительство должно дать Бирме независимость не позднее 31 января 1948 года, то есть через год. В апреле следовало провести выборы и созвать учредительное собрание. Все экономические «проекты» должны быть пересмотрены. Исполнительный совет должен быть признан национальным правительством. Если эти требования не будут приняты, Лига выходит из совета.

Теперь уже никто не сомневался, что Лига может в любой момент поднять всю страну на восстание.

«Мы не желаем, — сказал 20 декабря Эттли, — удерживать в содружестве и империи народы, которые этого не хотят». Слова эти звучали не совсем искренне. Просто Великобритании сил не хватало удерживать больше эти народы. Эттли обратился к бирманским лидерам с предложением приехать в Лондон для переговоров.

«Это бегство, — возмущался непреклонный Черчилль, — это неуклонный и бесстыдный процесс лишения себя всего того, что было приобретено многими поколениями».

Черчилль продолжал рассматривать Британскую империю как большое поместье. И считал лейбористов неразумными наследниками, разбазаривающими то, что накопили предки, — скупили, украли, отняли. Но гнев его ничего не мог изменить.

Эттли не сказал ни слова ни о сроках независимости, ни об условиях. Поэтому Лига потребовала разъяснений. Но на посылку делегации согласилась.

Как-то перед отъездом у Аун Сана в гостях сидел его старший брат У Ба Вин, теперь тоже активно работающий в Лиге. В доме было тихо. До Кин Джи лежала больная, 22 сентября у нее родилась дочь, четвертый ребенок Аун Сана. А через четыре дня девочка умерла. Она умерла в тот день, когда Аун Сан стал во главе Исполнительного совета. Аун Сан узнал об этом только поздно вечером, когда вышел с заседания. Всю ночь он просидел у постели До Кин Джи. В соседней комнате лежало тело девочки, которой даже не успели дать имя, которую он живой-то видел только один раз, забежав домой прямо с поезда — он ездил на север, на областную конференцию Лиги, — и сразу уехал снова.

— Мы женаты всего пять лет, — говорил он брату, — а у нас уже четвертый ребенок. Но до чего горько, когда умирает человек, даже если он всего четырех дней от роду. Как только добьемся свободы, уйду в отставку. Я ведь в общем не политик. Я писатель, который не написал ни единой книги. Я буду воспитывать детей. Пусть станут настоящими людьми.

Он помолчал, прислушиваясь, как скребет крышу последний в этом году муссонный дождь, и добавил:

— Все-таки я очень одинок.

— Ты не прав, Ко Аун Сан, — сказал У Ба Вин, — ты же знаешь, что каждый бирманец готов пойти за тебя в огонь и воду. Ты же идол Бирмы.

— Я к этому никогда не стремился. И потом, меня оставили коммунисты. Оставили именно сейчас, когда мне так нужна их помощь.

— Коммунисты завидуют тебе.

— Нет. Это неправда. Только Тан Тун хочет добиться независимости завтра же и обязательно с оружием в руках. А я хочу сохранить как можно больше человеческих жизней. Ведь если мы можем завоевать свободу мирным путем, зачем браться за оружие?

— А если нет?

— Будем воевать. Я об этом говорил. И еще раз повторяю. Но с Тан Туном нам никак нельзя расставаться. Я не мог не подчиниться большинству в совете Лиги, не мог пойти против большинства, против социалистов. Это был бы еще более крупный раскол. А теперь я себя чувствую совсем одиноким.

Молчание.

— Я хочу свободы для нашей страны. Но никогда я не думал, что мне будет так тяжело.

У Ба Вин первый раз видел, как плачет его брат. Даже мальчишкой никогда тот не плакал. Сказались и усталость, и боль, нанесенная смертью дочери, и разрыв с друзьями. У Ба Вин

старался утешить его.

Через несколько минут Аун Сан вдруг спокойно спросил:

— Ты говоришь — идол. Другие говорят — национальный герой. А сколько живут такие национальные герои? Сколько у них врагов? Год мне еще остался? Два? Вряд ли больше.

В комнату заглянул ординарец.

— Нести ужин?

— Неси. И побольше мангового соуса. Мой старший брат его любит.

6

Аун Сан уезжал в Лондон, почти уверенный в победе. Он понимал: для того чтобы победить Лигу теперь, надо поднять против Бирмы всю мощь Британской империи. Этого Англия не могла себе позволить. То же самое творилось и в Индии, на Золотом Берету. Но англичане надеялись, что им удастся все-таки выторговать выгодные для себя условия. Если для этого придется пойти на ликвидацию Аун Сана, они с удовольствием согласятся на это.

В договоре, подписанном в Лондоне, говорилось, что «Бирма может достичь своей независимости как можно скорее, выходя или не выходя из содружества». Англичане рассчитывали с помощью правых политиков, социалистического крыла Лиги сохранить Бирму в империи на положении доминиона. Сохранялся Исполнительный совет. Но им пришлось согласиться на проведение в апреле выборов в учредительное собрание. Правда, реакционный избирательный закон 1935 года мог помочь им провести в собрание нужных им людей.

И еще. Англия согласилась, что пограничные, горные районы перейдут в состав будущей, независимой Бирмы при наличии «свободного согласия». Создавалась особая комиссия для «обследования горных районов». Эттли прямо сказал Черчиллю: «Соглашение не значит, что мы уходим». Но в Лондоне все-таки не учитывали всего влияния Лиги, всей силы Аун Сана. Ом же знал об этом. Он знал главное: в апреле будет выбрано учредительное собрание, которое выступит за немедленную свободу.

Почувствовав, что одному ему с Аун Саном не справиться, У Со организовал в Рангуне новый союз: У Со, Ба Мо, сэр По Тун — три бывших премьера. Удивительный это был союз. Три самых известных в стране реакционера, три предателя обвиняли Аун Сана в предательстве, в измене народу, в том, что его купили

англичане. Они давали ясно понять народу, что единственные последовательные борцы за его права — это и есть три бывших премьера. Это была последняя попытка врагов Аун Сана восстановить против него общественное мнение. Попытка провалилась. Мало нашлось бирманцев, которые поверили бы, что Аун Сана можно купить, что Аун Сан может стать предателем.

У Со демонстративно вышел из Исполнительного совета. Вместо — него и еще одного близкого к нему реакционера в совет вошли представители Лиги. Теперь весь совет находился в ее руках.

Приближались выборы. Нужно было готовиться к ним. Выступать, проводить совещания. Нужно было использовать, насколько позволяли возможности, Исполнительный совет, нужно было предотвратить выгодный англичанам и феодалам раскол Бирмы, отделение от нее горных районов.

В феврале Аун Сан председательствовал на конференции нацменьшинств в горном местечке Панлон. Большинство горных князей, большинство руководителей окраинных народов высказалось за то, чтобы оставаться в Бирманском Союзе. Эта победа Аун Сана была подготовлена и предопределена политикой, которую Лига вела еще со времен войны, политикой сближения народов Бирмы.

Не обошлось без острой борьбы и на самих выборах, которые начались 9 апреля. Партии Ба Мо, У Со, По Туна объединились в союз под громким названием «Сначала независимость». Они пытались сорвать выборы, демагогически требуя, чтобы сперва Бирма стала независимой, а потом уже можно будет и выбирать.

Но все-таки выборы прошли. И результаты их разрушили все надежды англичан. Всего в собрание было избрано 210 депутатов. Из них 194 человека прошло от Лиги. Семь мест получили коммунисты — они выступали только в нескольких округах, только там, где выставили свои кандидатуры крайне правые. Между компартией и Лигой существовало, хотя и негласное, сотрудничество. Остальные места достались независимым и англобирманцам. Теперь, когда учредительное собрание полностью в руках Лиги, вопрос о независимости должен был решиться буквально в ближайшие месяцы. И ничего нельзя было противопоставить этому.

Правда, оставался еще один путь — уничтожить Аун Сана, уничтожить его соратников. Англичанам было неловко делать это своими руками. Вот если бы найти честолюбивого человека, который согласился бы рискнуть.

Второй послевоенный Праздник воды, бирманский Новый год 1947 года, был, как никогда, жарок. Апрельское солнце немилосердно пекло еще не оправившиеся после войны рангунские улицы.

С утра сыновья бродили по комнатам за Аун Саном, уговаривая взять их в город, посмотреть на праздник. В руках их поблескивали велосипедные насосы, и, когда надоедало упрашивать отца, они подбегали к бочке, стоявшей у двери, набирали в насосы воды и обливали непокорного премьера Бирмы.

В результате они своего добились. Аун Сан согласился поехать с ними в город. Он даже помог шоферу взгромоздить в «джип» бочку с водой и чуть было сам не запасся насосом, но потом покрутил его в руках, улыбнулся и положил обратно. Переоделся в старую рубашку и ситцевые лоунджи, чтобы промочить не жалко. И вся веселая компания — Аун Сан. ребята, его адъютант и шофер — отправилась в путешествие. Охрану он по случаю праздника отпустил.

По дороге к городу (новый дом, в который по постановлению Лиги пришлось переехать Аун Сану, стоял за Королевским озером, на окраине) встречали много таких же «джипов», грузовиков, телег. На каждой машине бочка с водой, и «экипаж» ее из кружек, ведер, насосов, чашек обливает прохожих и встречные машины. Ведь в этот день в Бирму приходит веселый Тинджан, бог дождя.

Ребятишки, возглавляемые адъютантом, с увлечением участвовали в водных баталиях. В машину время от времени вливались потоки воды, прохладные брызги разбивались о лицо боджока, но тот, хотя и поехал специально, чтобы не думать о бесчисленном множестве проблем и трудностей, требующих разрешения, чтобы отвлечься, понимал, что отвлечься все равно не удастся.

У моста в город «джип» попал в толпу, перегородившую улицу. Здесь каждую машину останавливали и тщательно, не спеша обливали седоков. В такой день не обливают водой только почтальонов и монахов.

Чье-то веселое молодое лицо заглянуло под брезентовый верх и расплылось от радости.

— Боджок! — закричал молодой голос. — Боджок с нами!

Загорелые руки потянулись в машину.

Шофер медленно нажал на газ. Аун Сан высунулся из машины и протянул обе руки. Машина въехала на мост и, казалось, исчезла за морем голов. Каждый хотел пожать руку Аун Сану. Ведь он теперь был не только герой. Он теперь возглавляет

всю страну. Не сегодня-завтра уйдут англичане…

Долго еще бежали за машиной люди, и уже по мосту, по центральной улице прокатывалась весть: боджок с нами! Вслед машине тянулись сверкающие струи воды. Шофер прибавил газу. Обернулся.

— Чудо просто, что мотор не залили. Как бы пешком возвращались?

Адъютант был озабочен. Он отвечал сейчас за жизнь боджока, а как охранишь его в такой толпе?

«Джип» ехал по улицам центральной части города. Часто встречались еще обгорелые стены, пустые глазницы окон, выбоины в мостовых, кое-как заделанные дорожным управлением.

Родной Аун Сану город. Давно ли он, совсем мальчишкой, вышел неуверенно на вокзальную площадь Рангуна? Интересно, жив ли еще тот тамил — уборщик, первый человек, с которым он заговорил в Рангуне? Или рикша, который вез его к университету?

Город сейчас грязен, неустроен, даже хуже, чем до войны. Здесь богатеют спекулянты, разоряются мелкие лавочники, здесь процветает «черный рынок» и проститутки разъезжают в облезлых «джипах». Здесь стоят длинные очереди к магазинам с желтыми вывесками, в которых отоваривают карточки. Мальчишки-газетчики размахивают на углах своим товаром, и слышно, как в их криках повторяются слова «Лига» и «Аун Сан». В кучах мусора возятся голодные дети, и кондукторы развалюх автобусов зазывают пассажиров. Калеки-нищие демонстрируют свои уродства. По ночам участились грабежи.

Но Аун Сан за всем этим видит другой Рангун, Рангун будущего, светлый, чистый город, город счастливых, свободных людей, столицу Пьидоты — страны изобилия. В конце концов Бирма — одна из богатейших на свете стран. Надо только приложить руки, надо, чтобы народ чувствовал себя настоящим хозяином. И что же, все-таки жизнь прожита не зря. «Даже если что-нибудь случится со мной, — думает Аун Сан, — то мой труд продолжат другие, которым уже не придется скрываться от английских шпиков или убегать за границу».

Машина проезжает по набережной с обгорелыми остовами пакгаузов и искалеченными телами башенных кранов. Немногочисленные корабли ждут очереди к единственному восстановленному пока причалу… Пора поворачивать назад.

— Нас уже мать ждет обедать, — говорит боджок малышам.

Адъютант облегченно вздыхает и вынимает руку из кармана. Рука вспотела.

— Ничего со мной не случится, — улыбается Аун Сан,

заметив движение адъютанта. — Не стоило так судорожно держаться за пистолет.

— Раскрытие заговора! — кричат газетчики. — Куда пропадало оружие!

Аун Сан просит шофера остановиться и покупает газету. Об этом ему еще не сообщали. Оказывается, в Рангуне раскрылся очень неприятный для англичан скандал. Заведующий военными складами майор Вивиен продал У Со большие партии оружия. Часть оружия возвращена, часть так и пропала. Сигналы о том, что с военных складов пропадает оружие, поступали уже давно, расследования англичане так и не назначали. Но этот последний скандал получил слишком широкую огласку для того, чтобы его замять.

— Ну что ж, — говорит Аун Сан, — с этим мы справимся. Хотя оружие в руках негодяев, даже немногочисленных негодяев, может натворить много бед.

Адъютант опять сует руку д карман. И уже не вынимает до тех пор, пока «джип» не сворачивает к дому с башенкой, к дому председателя Антифашистской Лиги.

8

«Революция — это прямое участие масс в определении своей собственной судьбы с применением любых средств. Революция исторически неизбежна и необходима. Она не допускает никакого схематизма, отсутствия связи с данными историческими условиями и не может иметь слепого, негативного, стихийного, разрушительного характера. Революция, следовательно, в высшей степени созидательна. Ее основная цель — освобождение всех тружеников, ее основа — участие масс, гарантия ее успеха — сознательность (другими словами — степень, в которой трудящиеся массы организованы и тем самым сознают свою роль и силу)…»

Аун Сан выступал на конференции Антифашистской Лиги в мае 1947 года. Революция продолжалась. «Если мы сумеем получить на пути мирных действий столько же, сколько на пути насилия, вы можете не сомневаться, что мы пойдем к свободе дорогой мира, что бы другие ни говорили обо мне или об этом пути. Но если единственным путем к свободе явится путь насилия, мы пойдем по нему».

9 июня открылась первая сессия учредительного собрания. На ней приняли резолюцию, разработанную Аун Саном на основе его майской речи. За резолюцию голосовали и члены Лиги и

коммунисты. Был принят и проект конституции независимой Бирмы. На сессии Аун Сан снова заявил о необходимости скорейшей передачи власти временному правительству. «Если эта передача власти не будет произведена мирным путем, посредством переговоров, то мы прибегнем к другим средствам».

И все-таки это еще не было независимостью. Губернатор продолжал лавировать, английские газеты писали день и ночь о том, как хорошо будет Бирме, если она останется в Британской империи.

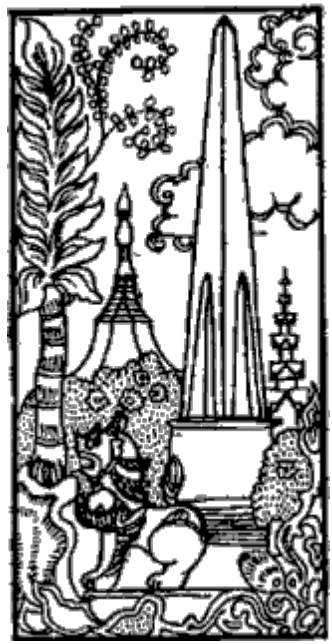
В июле начались переговоры о восстановлении единства с компартией. Не сегодня-завтра в Рангуне ждали заявления о том, что компартия снова вместе с Аун Саном.

Ждать дольше было нельзя. Переговоры оказались последним толчком, последней каплей.

Если Аун Сана не убрать немедленно, сейчас, страна могла полностью и навсегда быть потеряна для Англии, для таких людей, как Ба Мо, У Со и По Тун. С этим были согласны и некоторые деятели внутри самой Лиги, некоторые социалисты, некоторые помещики.

Наступил день 19 июля 1947 года.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
СМЕРТЬ АУН САНА



1

С утра был дождь. Но он так и не набрал силы. Перестал. Небо осталось мутным и серым — муссонным небом.

В 10 часов утра машина Аун Сана въехала в ворота секретариата. Заседания Исполнительного совета проходили в этом огромном мрачноватом здании, построенном англичанами еще в начале века. Вместе с газонами оно занимает целый квартал и огорожено железной высокой решеткой в полтора человеческих роста.

Аун Сан вышел из машины у входа в секретариат. Он был одет в золотистые лоунджи и белую рубашку. Теперь он все реже и реже появлялся в мундире, который знала вся Бирма.

В 10 часов 5 минут Аун Сан вошел в кабинет, где его ждали члены Исполнительного совета. Теперь их уже все называли министрами. Все, даже губернатор, который на заседания не приходил. Ему уже нечего было там делать.

В 10 часов 7 минут в кабинет Аун Сана вошел Такин Мья — последний из министров. Началось заседание. Обычное

заседание. На нем обсуждались вопросы автономии нацменьшинств и распределения земли между крестьянами.

В 10.25 некий У Тин Маун, который пришел в секретариат навестить своего друга, индийского клерка, увидел, что по галерее, окружающей секретариат, идут четыре солдата с нашивками 12-й армии на рукавах и с автоматами наготове. У Тин Маун решил, что это охрана, присланная губернатором. В Рангуне уже несколько дней поговаривали, что на Аун Сана готовится покушение, и было естественно, что губернатор все-таки решил обеспечить охрану правительства. У Тин Маун посторонился. Солдаты спешили.

В 10.28 к курьеру, сидевшему на складном стуле у входа в кабинет Аун Сауа, подошли все те же солдаты. Один из них сказал курьеру:

— Отойди.

— Нельзя, идет заседание.

— Знаем.

Солдат отшвырнул курьера, другой направил на него автомат.

Все четверо вошли в комнату.

Длинный стол достигал середины комнаты. Министры сидели по обе стороны от него. Во главе стола, лицом к солдатам сидел Аун Сан. Он разговаривал с вошедшим в комнату чиновником. Тот принес бумаги на подпись.

Один из солдат крикнул;

— Не вставать, не двигаться!

Аун Сан успел все-таки подняться. Но сказать ничего не успел. Затрещали автоматы. Адъютантам в соседней комнате показалось, что в кабинете взорвалась граната. Солдаты стреляли в упор и всаживали десятки пуль в тех, кто уже упал, в тех, кто успел броситься на пол.

Курьер все видел. Он вошел за солдатами в кабинет, полагая, что это ошибка и что они сразу уйдут. Он видел, как поднимался из-за стола Аун Сан. Курьер выбежал в коридор.

Четверо солдат вышли из кабинета. На пути им встретился журналист, который слонялся по коридорам, надеясь перехватить новость. Услышав выстрелы, он бросился к кабинету Аун Сана н в дверях столкнулся с солдатами. Увидев дуло автомата, он присел от страха. Очередь прошла у него над головой. Из соседней с кабинетом Аун Сана комнаты выбежал телохранитель одного из министров с револьвером в руке, но упал, прошитый очередью.

В 10.29 к арке секретариата подъехал зеленый «джип». За рулем сидел солдат с нашивкой 12-й армии на рукаве. Полицейский, который дежурил во дворе секретариата, попросил

отогнать машину, потому что здесь стоянка запрещена. В этот момент полицейский услышал выстрелы наверху. Он тут же пошел вдоль веранды, стараясь понять, откуда они могли раздаваться.

В 10.32 в стоящий с включенным мотором «джип» вскочили четыре солдата, и машина рванулась к воротам. За нею последовал грузовик с тремя молодыми парнями, который стоял у других ворот так, чтобы ни одна машина не могла въехать в секретариат.

Вбежавшие в кабинет адъютанты в первые секунды ничего не могли разобрать. Комната была полна дыма. Потом адъютант Аун Сана увидел боджока. Наклонился над ним. Боджок не дышал. Комната наполнилась народом. Шанский князь Сао Сам Хтун, один из горячих сторонников единства Бирманского Союза и давнишний друг Аун Сана, был еще жив. Пуля попала ему в рот, и он захлебывался кровью.

В этот день вместе с Аун Саном погибли все члены Исполнительного совета, то есть все министры временного правительства Бирмы, все руководство Лиги. Погиб и старший брат Аун Сана, У Ба Вин. Из членов совета остались в живых У Ну, который не пришел на это заседание, и социалист У Джо Нейн, который в этот день плохо себя почувствовал.

Уже через пятнадцать минут Рангун гудел. Секретариат стоит в деловом центре города. Вокруг трехэтажные дома с лавками и конторами на первых этажах, с мебельными мастерскими и парикмахерскими. Кто-то слышал выстрелы, кто-то видел машины, поспешно выехавшие из секретариата.

Примчалась в секретариат санитарная машина. Еще одна. Полицейских окружили любопытные. И вначале никто не верил новостям. Аун Сана убили? Всех министров убили? Среди бела дня? В центре города?

Еше одна санитарная машина.

Мальчишки бежали по улицам. Останавливались машины и рикши.

Кто убил Аун Сана? Кто посмел убить Аун Сана?

Телеграф начал отстукивать новость.

В Шанское государство.

В Каренское государство.

В Англию.

По всему миру.

Тело Аун Сана привезли в центральный госпиталь. Ничего нельзя было сделать. Тринадцать пуль. Сао Сам Хтун умирал. Агония его продлится еще два дня. Остальные министры мертвы. И чиновник, который принес бумаги на подпись, и телохранитель.

Никто не решался позвонить До Кин Джи. Потом один из врачей подошел к телефону и набрал номер.

В двенадцать часов комиссар полиции Рангуна У Аун Сейн, взявший на себя расследование, встретился с журналистом, который видел убийц у входа в кабинет. Журналист открыл записную книжку. В ней был записан номер «джипа» — 1814. Журналист оказался настоящим, газетчиком. Он вскочил, как только солдаты скрылись за поворотом коридора, и бросился за ними. Он успел заметить номер машины и шофера в военной форме за рулем.

У Аун Сейн приказал найти немедленно зеленый «джип» с номером 1814.

В 12.20 в госпиталь приехала До Кин Джи. Она омыла лицо мужа. Она не плакала. Она сидела рядом с ним весь день и всю следующую ночь.

В Рангуне закрывались магазины и конторы. Бросив инструменты, на улицу выходили рабочие.

А пока срочно собрались члены правых партий — партий У Со, По Туна, Ба Мо. Теперь англичанам придется назначить новое правительство. Вернее всего, премьером станет У Со.

А на улицы выходили новые и новые тысячи людей.

Улицы вокруг секретариата были запружены народом.

На реке пароходы и баржи включили сирены. Заводы и фабрики включили сирены. Автомобили останавливались и включали сирены. Казалось, весь город плачет.

Никогда еще не было столько людей на улицах.

В 12.25 в управление полиции принесли список владельцев автомобилей, «джипов». «Джип» номер 1814 был записан на имя некоего Ба Эя.

Наряд полиции направился туда. «Джип» стоял у дома. Рядом возился механик, разложив на траве части мотора. И механик и соседи в один голос уверяли, что «джип» уже три дня никуда не выезжал. А с утра сегодня механик разобрал двигатель. Части мотора были холодными. Шины — сухими. Нет, эта машина не подъезжала к секретариату.

А уже в полный голос в колоннах демонстрантов, на стихийных митингах называли имя У Со. «Обыскать его, задержать», — требовали демонстранты.

У Со сидел дома у телефона и ждал звонка от губернатора. Но звонка не было. У Со так и не позвали в премьеры.

В 12.30 в полицию позвонил бирманский офицер Хаи, который жил на улице Эйди. Он сообщил, что у него есть важные сведения, касающиеся убийства Аун Сана. У Аун Сейн немедленно вызвал его к себе.

У Аун Сейн знал Хана. Не так давно его вызывали в управление полиции и просили неофициально помочь в одном деле. Среди патриотически настроенной части полицейских имелись подозрения, что У Со продолжает получать оружие через англичан. Но для того чтобы поймать У Со с поличным, нужны были доказательства настолько неопровержимые, чтобы даже англичане не посмели возражать против его ареста.

Хан жил как раз напротив дома У Со. Из его окна были видны ворота, сад перед домом. Капитана попросили почаще смотреть в это окно. Капитан согласился.

Хан приехал к У Аун Сейну. Повесил промокший плащ на спинку стула.

— Сегодня утром, в половине десятого, из дома У Со выехал «джип». У Со вышел проводить его к воротам. Он обнял на прощание отъезжающих людей в плащах. Их было четверо или пятеро. Через некоторое время следом за «джипом» выехал и грузовик. Больше тогда я ничего не увидел. Шел дождь, и перед окном верхушка кокосовой пальмы закрывала обзор.

У Аун Сейн вызвал дежурного и спросил, вернулись ли агенты, которых он на свой страх и риск, не предупреждая англичан, поставил на улице Эйди. Принесли их доклад. Оказывается, Хан не ошибся. В половине десятого из дома У Со выехали одна за другой две машины — грузовик и «джип».

— Продолжайте, — обратился У Аун Сейн к Хану.

— Я бы не обратил особого внимания на утренний эпизод — каждый день машины приезжают и уезжают. Каждый день У Со провожает и встречает людей — у него есть связи и в провинции. Я собрался на службу. Я уходил позже — у меня в двенадцать должно было быть совещание, — и тут у моих ворот меня чуть не сшиб утренний «джип». Он возвращался. Я заметил номер — 1814. Но я уже вторую неделю слежу за всеми машинами и знаю, что такого номера в доме У Со нет. Ворота в доме У Со открылись, и сам хозяин выбежал на улицу. С машины замахали руками, закричали что-то. Они были чем-то очень довольны. И ворота закрылись. А когда я добрался до службы, узнал — убили Аун Сана.

В 2 часа дня дом У Со был оцеплен. О том, что высылается наряд, У Аун Сейн сообщил губернатору только после того, как наряд отбыл. Он не знал, как будет реагировать губернатор на санкции против человека, по многим сведениям весьма близкого англичанам.

К удивлению У Аун Сейна, губернатор одобрил действия полицейского комиссара. Только пожурил за то, что его поставили в известность так поздно.

Губернатор знал о том, что творится в Рангуне, знал, что находится на пороховой бочке, фитиль которой уже догорает. Если для того, чтобы предотвратить взрыв, придется пожертвовать У Со — бог с ним. Он больше не нужен.

В 2.20 полицейские уже находились внутри дома У Со. Только один из его многочисленных обитателей оказал сопротивление и в перестрелке был ранен. У Со искренне возмущался и требовал официального ордера на арест. Он стоял посреди двора под начавшимся снова, который раз за день, дождем, постаревший и обрюзгший, толстые очки придавали его совиному лицу напряженное выражение, щеки подергивались. Англичан среди полицейских не было. Значит, англичане его предали. За ним, согнанные в кучу, стояли подручные, в основном молодые парни. Лейтенант, командовавший операцией, приказал арестованным занять места в крытом грузовике.

У дома нашли «джип» под номером 9831 который был записан на У Со. Но ни оружия, ни военной формы, ни документов при обыске не нашли.

Когда крытый грузовик проезжал по улицам Рангуна, каким-то шестым чувством люди догадывались, что в нем У Со. И несколько раз полицейские машины с трудом прорывались сквозь толпу, спасая арестованных от самосуда.

Улики начали появляться на следующий день. Курьер опознал одного из убийц. Другого опознал журналист. Поваренок, служивший в доме У Со, раскопал в куче кухонной золы обгоревшую нашивку 12-й армии. Саперы нашли на дне озера пять солдатских широкополых шляп, автоматы и поддельный номер 1814.

Исполнители сознались.

Охранять У Со было трудно. С одной стороны, от бирманцев было несколько попыток прорваться в тюрьму и казнить его. С другой — от сторонников. Нашлись и такие — причем весьма высокопоставленные. Охрана тюрьмы была сменена. Охранниками стали члены Лиги. Они знали, что У Со обязательно постараются спасти или убрать. Он слишком много знал.

У Со пытался бежать. Через два дня ему удалось переправить на волю записку: «Полночь. Лестница. Зеленые бананы. Лимонад».

Записка была адресована ни много, ни мало как заместителю начальника военной полиции Бирмы — англичанину. Записку перехватили уже в городе.

Не дождавшись ответа от англичанина, У Со предложил начальнику тюрьмы сто тысяч рупий. Но начальника Лига уже сменила. Подкуп не удался.

У Со получил записку с воли: «Обратись к высокому». Потом выяснилось, что «высокий» к тому времени не по своей воле покинул Рангун. Это был английский разведчик, полковник Толлок.

К началу суда у следствия накопилось столько материалов, что исход его был ясен заранее.

Суд начался только в октябре. Задержка вышла из-за защитника. Никто в Бирме не захотел защищать У Со. Пришлось выписать адвоката из Англии. А потом еще одного ему на помощь.

Рядовые участники процесса не имели адвокатов. Суд предложил им государственных адвокатов, но обвиняемые отказались. Они считали, что У Со предал их. Он их уверял, что им ничего не грозит, что он выручит их из любой беды. Теперь он выписал себе адвокатов из Англии, а своих подручных бросил на произвол судьбы.

У Со в самом деле предал их. С первого же дня следствия и до последнего он не уставал твердить, что ровным счетом ничего не знал о покушении, что это все ловушка и провокация левых. Просто-напросто он был очень гостеприимным человеком, и каждый мог прийти к нему в дом, переночевать, пообедать.

— Может быть, — говорил он на процессе, — мои мальчики хотели сделать мне приятное и убрать Аун Сана, потому что знали, что по праву во главе Бирмы должен стоять я. Но я об этом и не подозревал. Подозревал бы — отговорил.

— Но ведь вас видели, как вы провожали их «на дело», как вы встретили их. Ваши же слуги говорят, что вы кричали «Победа!», когда вернулся «джип» с убийцами, пошли с ними за стол, пили и пировали.

И чем яснее становилось остальным подсудимым, что начальник их предал, тем подробнее они рассказывали о покушении. Правда, они не знали тайных пружин и нитей, что тянулись к У Со из английской разведки, а сам У Со был уверен, что его все-таки спасут, и связей не выдал. Эту уверенность в освобождении в нем поддерживали до самого последнего дня.

У Со крепко держал в руках своих «подданных». Одних пригрел в трудную минуту, а потом опутал обязательствами и долгами, других выручил из тюрьмы, третьих снабжал наркотиками.

Помощников он подбирал из деревни, темных, необразованных, опутанных суевериями. Если У Со был уже уверен, что парень у него в руках, тому устраивали последнее испытание. На берегу озера, у маленькой пагоды, новобранец произносил страшную клятву — клялся духами, клялся душами

предков, клялся своей настоящей и будущей жизнью. А потом подписывал кровью записку:

«Прошу в моей смерти никого не винить. Я предал родину и за это умираю, убитый собственной рукой».

У Со прятал эти записки в тайник. Если изменишь, на твоем трупе найдут эту записку. Ясно?

Но он был добр и обходителен. Он будто бы забывал о записке. Разговаривал с ними, как равный. Они были и его телохранителями, и слугами, и друзьями. А когда понимал, что можно доверить «акцию», давал нетрудное задание. Избить, например, активиста Лиги, доставить оружие, сжечь дом коммуниста… Давал деньги на карманные расходы. Больше, чем можно заработать честным трудом. Денег у У Со было много.

И 19 июля послал пятерых. Самых верных. Среди них не было политических врагов Аун Сана — какая уж там политика! Даже не наемные убийцы. Автоматы. Исполнительные тупые автоматы.

Отрезвление наступало во время процесса. Только тогда они разглядели настоящее лицо своего отца, своего бога. Он старался все свалить на них. Придумал сложный и правдоподобный заговор. Распределил роли. Не было в этом заговоре только роли для него самого. Нет, среди убийц политиком был только У Со. Грязным политиком.

А англичане просто отказались от знакомства с У Со. Отказываются они и по сей день.

Но уже на следующий день после убийства Аун Сана, выступая в палате общин, левый лейборист Том Драйберг сказал:

«Я выражаю искреннее горе тех, кто был счастлив знать Аун Сана и его коллег, и я заявляю, что моральная вина за убийства меньше лежит на зверских элементах в Рангуне, нежели на благопристойных британских джентльменах здесь (громкие крики: «Долой!..», «Слушайте!»), которые подстрекали к предательству и саботажу».

Правительство Великобритании официально заявило, что сожалеет о смерти бирманских лидеров, и подчеркнуло, что не имеет ничего общего с убийцами.

Удивительнее было бы обратное заявление.

2

Бирма была в трауре.

Да и за границей те, кому приходилось знать боджока, работать с ним, открыто выражали свое горе.

Горькая новость достигла Индии. Когда Неру узнал о смерти

Аун Сана, он, не стесняясь окружающих, заплакал. Сказал: «Не Бирма, а вся Азия, борющаяся за независимость, потеряла своего вождя».

20 июля в Рангуне состоялись похороны Аун Сана и остальных мучеников. Так их теперь и будут называть — мученики, мученики свободы. И день их смерти станет Днем мучеников.

За гробом боджока шло сто тысяч человек.

24 июля Эттли выступил в Лондоне и был вынужден признать, что Бирма получает независимость в самое ближайшее время.

24 сентября учредительное собрание приняло конституцию независимой Бирмы — Бирманского Союза.

17 октября был подписал англо-бирманский договор, по которому Англия признавала Бирму независимым государством.

Провозглашение независимости было назначено на 4 часа утра 4 января 1948 года. Такое неудобное время было выбрано астрологами. Они подсчитали, что в этот момент сочетание звезд наиболее благоприятно для независимой Бирмы. Во главе правительства стоял теперь религиозный человек — У Ну. Наверно, Аун Сан улыбнулся бы, узнав об этом решении правительства. Он никогда не скрывал своего равнодушия к религии.

Еще не встало солнце над громадным золотым конусом пагоды Шведагон, как британский флаг «Юнион Джек» сполз с древка. В тот же день английский губернатор покинул пределы страны. Золотой Яун был казнен по приказу первого из английских губернаторов. Внук его, Аун Сан, не дожил полугода до отъезда последнего.

Но дело, за которое боролись дед и внук, победило. В красном цвете бирманского флага есть кровь их обоих. И тысяч, которые погибли вместе с ними.

За приготовлениями к независимости, за борьбой последних дней почти незамеченным завершался жизненный путь У Со. Он ненадолго пережил Аун Сана. Враг Аун Сана, враг дела, за которое Аун Сан боролся, он начал войну с Аун Саном еще тогда, когда боджок ходил в школу и не помышлял о будущих походах. Аун Сан погиб раньше, но все-таки победил он, а не У Со.

Казнили У Со уже в независимой Бирме. Он хотел послать прошение о помиловании английскому королю, но не успел, и прошение попало на стол первому президенту Бирманского Союза. Президент прошение отклонил.

А в день казни состоялся в Рангуне массовый митинг крестьян, посвященный вопросам восстановления сельского

хозяйства, распределения земли. Только из газет узнали бирманцы на следующий день, что У Со и другие убийцы повешены.

С независимостью не были решены все проблемы, стоявшие перед Бирмой. Англичане еще были сильны в ней. Они оставили за собой многие ключевые позиции в экономике — то, против чего предостерегал Аун Сан.

Но не было боджока. Коммунисты не смогли достичь соглашения с новым руководством Лиги, в которое вошли после смерти боджока в основном умеренные или просто правые элементы. Если боджок сам называл себя и своих друзей представителями мелкой, революционной буржуазии, то теперь к власти пришла средняя и крупная национальная буржуазия.

Не было единства в независимой Бирме. Не было единства и в самой Лиге. Коммунисты вскоре ушли в подполье. Началась затяжная гражданская война.

Нет, не все заветы Аун Сана претворены в Бирме в жизнь. Но помнят о них его друзья и соратники.

В 1962 году к власти в Бирме пришло правительство генерала Не Вина, того самого Не Вина, который вместе с Аун Саном был в числе тридцати товарищей, тридцати йебо в Японии.

Революционное правительство заявило о своей верности делу Аун Сана. Оно опубликовало программу — бирманский путь к социализму, в которой слова Аун Сана: «Единственный путь для Бирмы — путь социализма».

Многое уже сделано бирманским правительством: национализированы крупнейшие предприятия, банки, оказывается большая помощь крестьянам, многое еще предстоит сделать.

3

Каждый год 19 июля, в 10 часов 30 минут утра на минуту все в Бирме останавливается. Заводы, фабрики, машины, поезда. На минуту включают сирены пароходы и паровозы. Как бы стараясь заглушить доносящийся через много лет треск автоматных очередей.

В этот день со всех сторон страны съезжаются в Рангун делегации, чтобы возложить венки на могилу Аун Сана, в мавзолее мучеников, на склонах шведагонского холма, там, где Аун Сан со студентами в тридцать шестом году проводил первые митинги и университетскую забастовку.

Колонны идут с пригнутыми к земле флагами, поднимаются

на холм, к восьми одинаковым саркофагам. Аун Сан и его министры были едины в жизни, боролись вместе. И только по числу венков можно безошибочно определить могилу Аун Сана.

Однажды, не так давно, в Бирме была делегация Советско-Бирманского общества. Президент общества архитектор Андреев, который строил в Бирме гостиницу Инья — подарок советского народа народу Бирмы, возложил венок на могилу Аун Сана.

Потом наших делегатов пригласили друзья из Бирмано-Советского общества. Там один из руководителей общества, много лет работавший с Аун Саном, Бо Му По Кун, вручил Андрееву большой портрет Аун Сана.

— В сорок седьмом году, вернувшись из Англии, Аун Сан заказал увеличить одну из фотографий, сделанных в Лондоне. И подарил ее мне. Семнадцать лет я хранил подарок боджока, как самую дорогую на свете вещь. И теперь дарю ее друзьям из Советского Союза. Если бы Аун Сан знал об этом, он сказал бы: правильно.

Портрет Аун Сана теперь в Москве, в Союзе обществ дружбы.

28 октября 1963 года, Рангун.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АУН САНА

1915, 13 февраля — В городке Натмауке в Средней Бирме родился Аун Сан.

1920 — Аун Сан поступает в монастырскую школу в родном городе.

4 декабря — Начало университетского бойкота.

1923 — Аун Сан поступает в национальную школу в Енанджауне.

1930 — Начало крестьянского восстания в Бирме под руководством Сая Сана. Создание организации «Добама» — партии такинов.

1931, ноябрь — Казнь Сая Сана и подавление восстания.

1932 — Аун Сан приезжает в Рангун и поступает в Рангунский университет.

1935 — Аун Сана избирают в университетский совет. Сближение с такинами.

1936, февраль — Аун Сана исключают из университета. Университетская забастовка.

8–9 мая — Всебирманская конференция студентов и создание Всебирманского союза студентов.

1937, май — Аун Сан становится президентом ВСС (Всебирманского союза студентов).

Май — Встреча и знакомство Аун Сана с Неру.

1938, октябрь — Аун Сан вступает в партию такинов и его избирают генеральным секретарем «Добама».

1938 — Создание первых марксистских кружков в Бирме.

1938–1939 — Забастовка нефтяников Енанджауна и поход нефтяников на Рангун.

1939 — Образование народно-революционной партии Бирмы.

1940, январь — Создание Всебирманского совета профсоюзов.

Весна — Опубликование манифеста «Добама», автором которого был Аун Сан.

Март — Аун Сан едет в Индию, на сессию Индийского национального конгресса.

Июнь — Аун Сан выступает на массовом митинге в Хензаде, после чего английская администрация выписывает ордер на его арест. Аун Сан уходит в подполье.

Август — Аун Сан покидает Бирму на корабле «Хианьли».

Сентябрь — ноябрь — Аун Сан находится в Коулуне.

Ноябрь — Аун Сан уезжает в Японию.

1941, март — Аун Сан тайно возвращается в Бирму.

Апрель — Аун Сан и тридцать товарищей приезжают в Японию.

11 декабря — Японские войска вступают на территорию Бирмы.

1942, 7 марта — Падение Рангуна.

Май — Завершение оккупации Бирмы японскими войсками.

Июль — Создание «Внутреннего круга» — центра Сопротивления японским оккупантам, во главе которого становится Аун Сан.

Август — Аун Сан — командующий армией обороны Бирмы в составе гражданской администрации Ба Мо.

1943, 1 августа — Провозглашение независимости Бирмы, Аун Сан становится министром обороны.

1944, август — Создание Антифашистской Лиги народной свободы. Аун Сан становится президентом Лиги.

1945, март — Начало всеобщего восстания против японских оккупантов, во главе которого встает Аун Сан.

Май — Полное освобождение Бирмы от японских войск.

1946, январь — Первый съезд Антифашистской Лиги. Аун Сан формулирует требование о предоставлении Бирме полной независимости.

5 августа — Всеобщая стачка в Бирме.

24 сентября — Аун Сан входит в Исполнительный совет.

1947, январь — Аун Сан едет в Лондон на переговоры с английским правительством.

Февраль — Аун Сан председательствует на конференции в Панлоне, где решен вопрос о создании Бирманского Союза.

9 апреля — выборы в учредительное собрание Бирмы. Победа Антифашистской Лиги.

19 июля — Смерть Аун Сана.

1948, 4 января — Провозглашение полной независимости Бирмы.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Книги на русском языке

В. Ф. Васильев, Очерки истории Бирмы (1885–1947). Москва, 1962.

Д. Дж. Холл, История Юго-Восточной Азии. Москва, 1958.

А. А. Толоконникова, Бирма. Москва, 1959.

А. С. Кауфман, Рабочий класс и национально-освободительное движение в Бирме. Москва, 1961.

2. Книги на английском и бирманском языках

Нгуэ Лин, Минджи Шве Ла Яун. Рангун, 1952 (на бирманском языке).

Аун Сан (биография). Рангун, 1961 (на бирманском языке).

Aung San. Burma's Challenge. Rangoon, 1946.

The 1936 Rangoon University Strike (New Burma Weekly, 1958), Rangoon.

Dr. Maung Maung. Aung San of Burma. The Hague, 1962.

Dr. Maung Maung. A Trial in Burma. Oxford, 1962.

Maurice Collis. Last and First in Burma. London, 1956.

John F. Cady. A History of Modern Burma New York, 1958.

U Ba U. My Burma. New York, 1959.

D. g. Hall. Europe and Burma. London, 1945.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Бирманские вельможи XIX века.

Командный пункт бирманцев во время англо-бирманской войны.

Пагода Шведагон в Рангуне.

Редколлегия журнала «Овей» *Второй слева* — Аун Сан.

Аун Сан — студент.

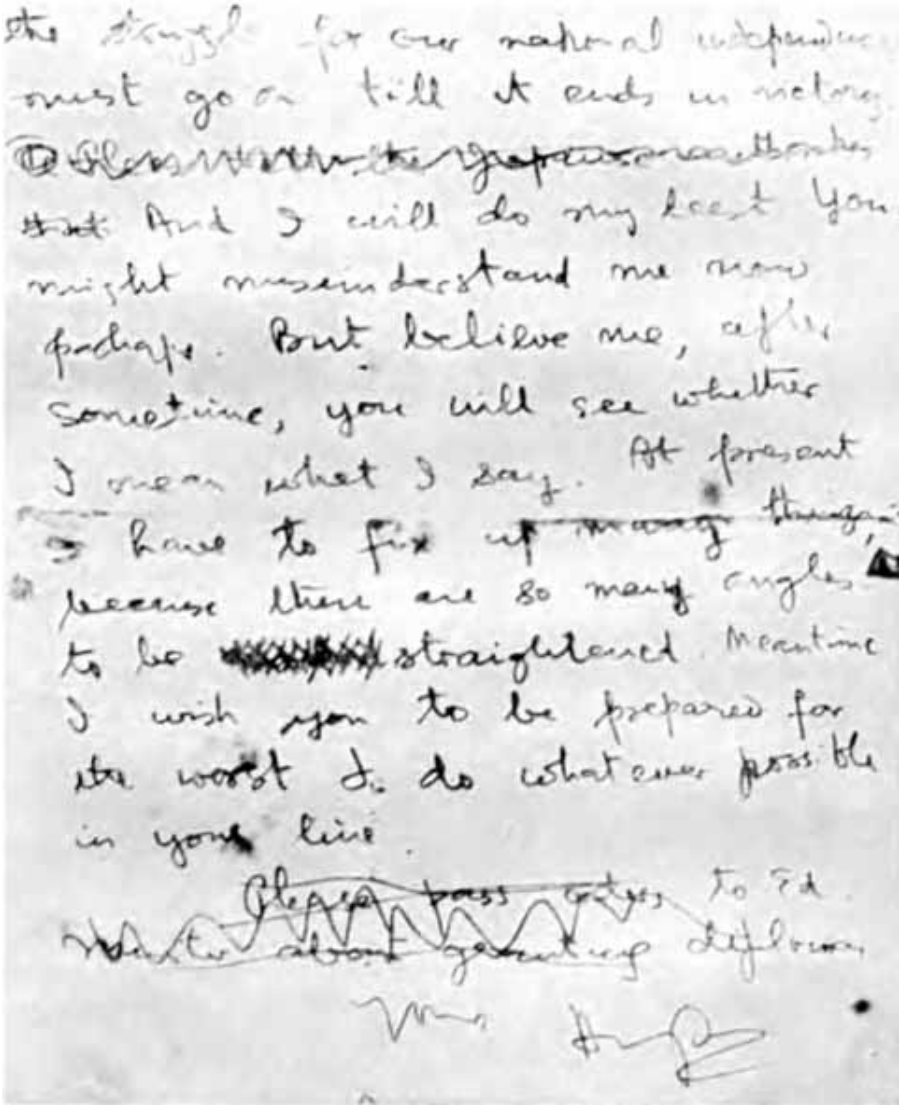
Аун Сан — президент Всебирманского союза студентов.

Япония. 1941 год. Аун Сан (*справа*) и его товарищи в японском лагере.

У Со в японском кимоно.

Аун Сан командующий Армией независимости Бирмы. 1942 год.

Аун Сан — министр обороны Бирмы. 1943 год.



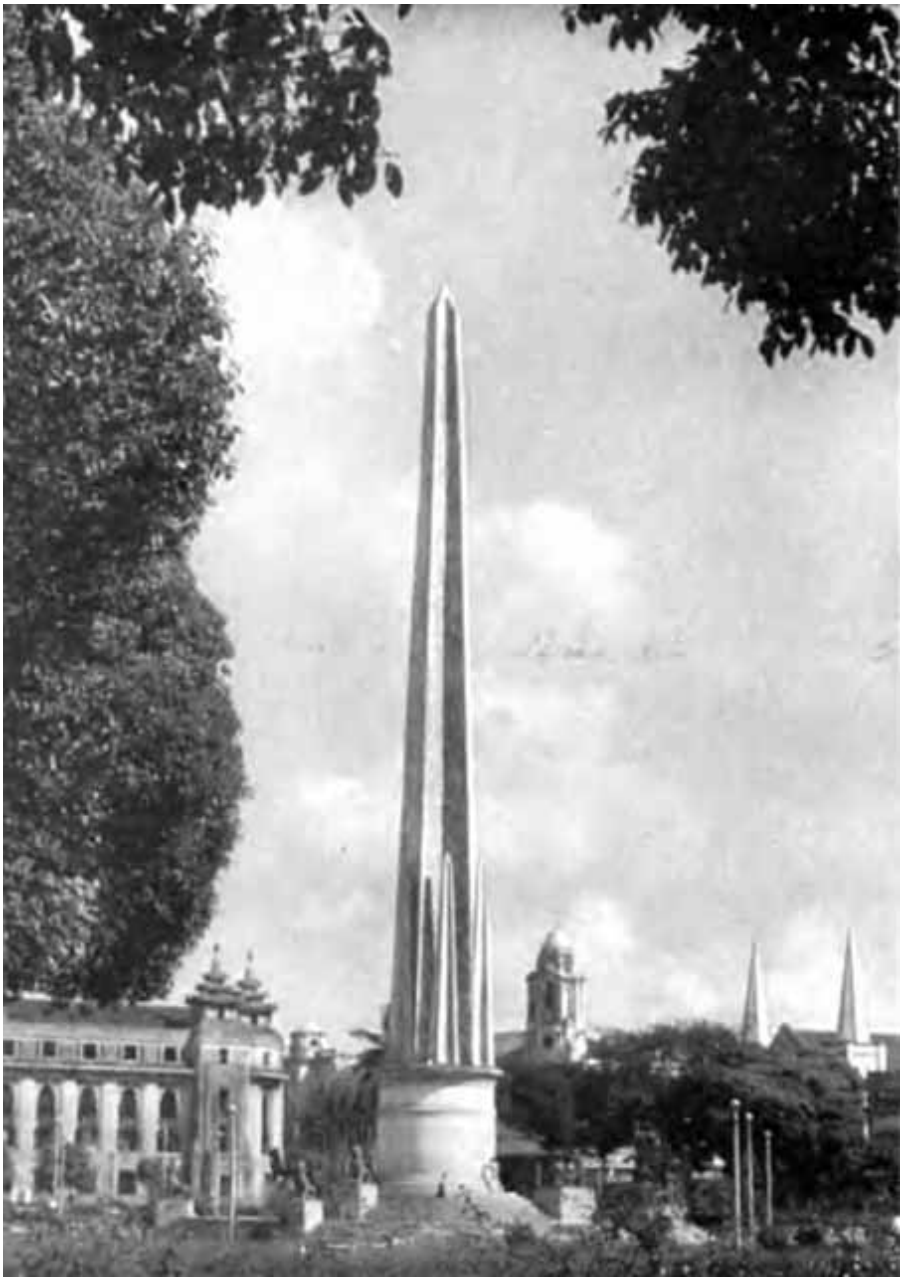
«Борьба за нашу национальную независимость должна продолжаться, пока не закончится победой…» Автограф письма Аун Сана. 1944 год.

Аун Сан на поле боя. 1945 год.

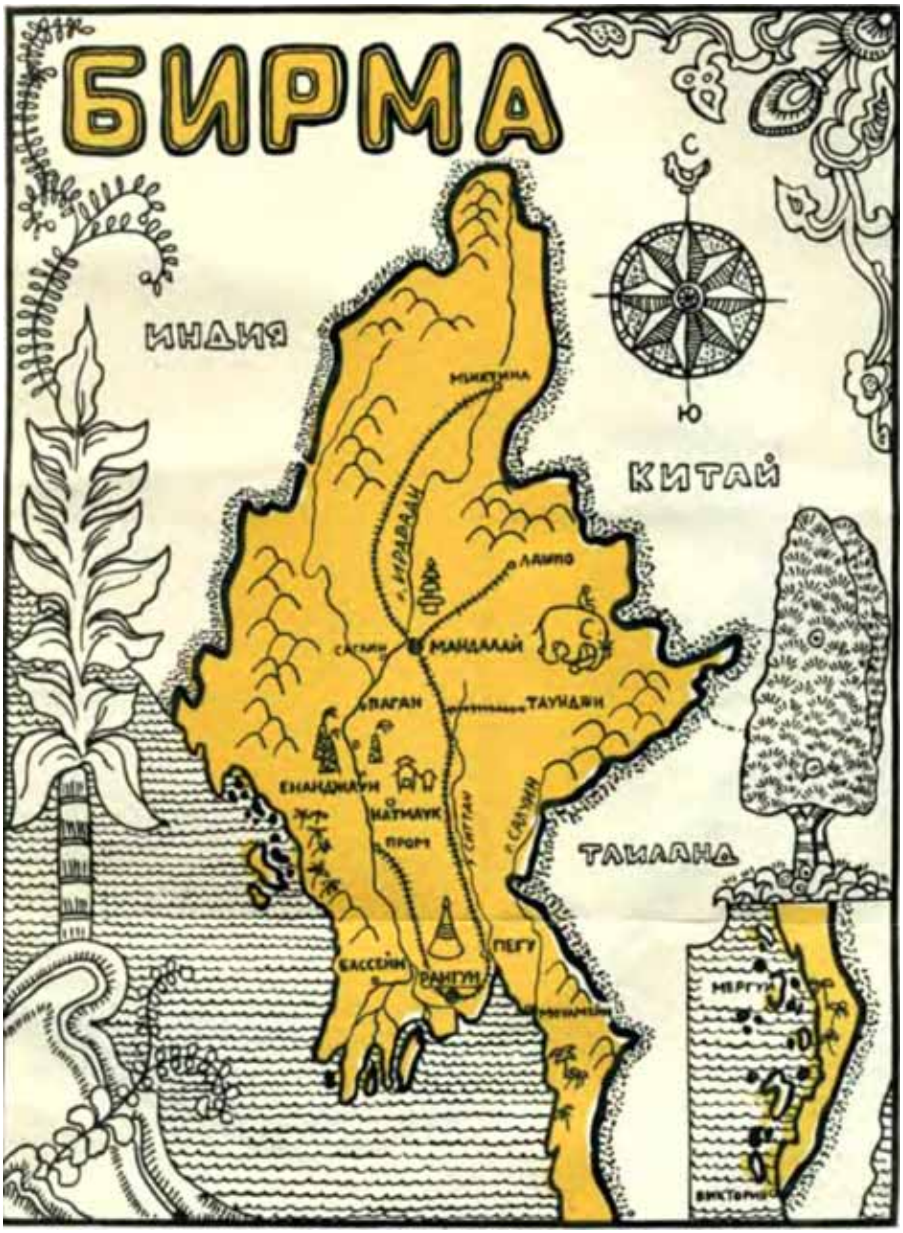
Лондонские переговоры. Январь 1947 года. *В центре* (в шинели) — Аун Сан, *слева* от него — премьер-министр Великобритании Эттли.

Дом в Рангуне, в котором Аун Сан прожил последние месяцы жизни.

Памятник Аун Сану в Рангуне.



Монумент независимости в Рангуне.


БИРМА
С
Ю
ИНДИЯ
КИТАЙ
ТАИЛАНД
МИЧИНА
ЛАШО
МАНДАЛАЙ
ПАГАН
ТАУНДЖИ
ПРОМ
ПЕГУ
РАНГУН
БАССЕЙН
МЕРГУЙ

Бирма.

У входа в музей Аун Сана посетители в знак почтения снимают обувь.

Госпиталь имени Сао Сам Хтуна, одного из соратников Аун Сана, построенный в Бирме с помощью Советского Союза.

notes

Примечания

1

Мьотуджи — административная должность в королевской Бирме, вроде губернатора округа или района. В то же время мьотуджи были феодалами, князьями в своих округах.